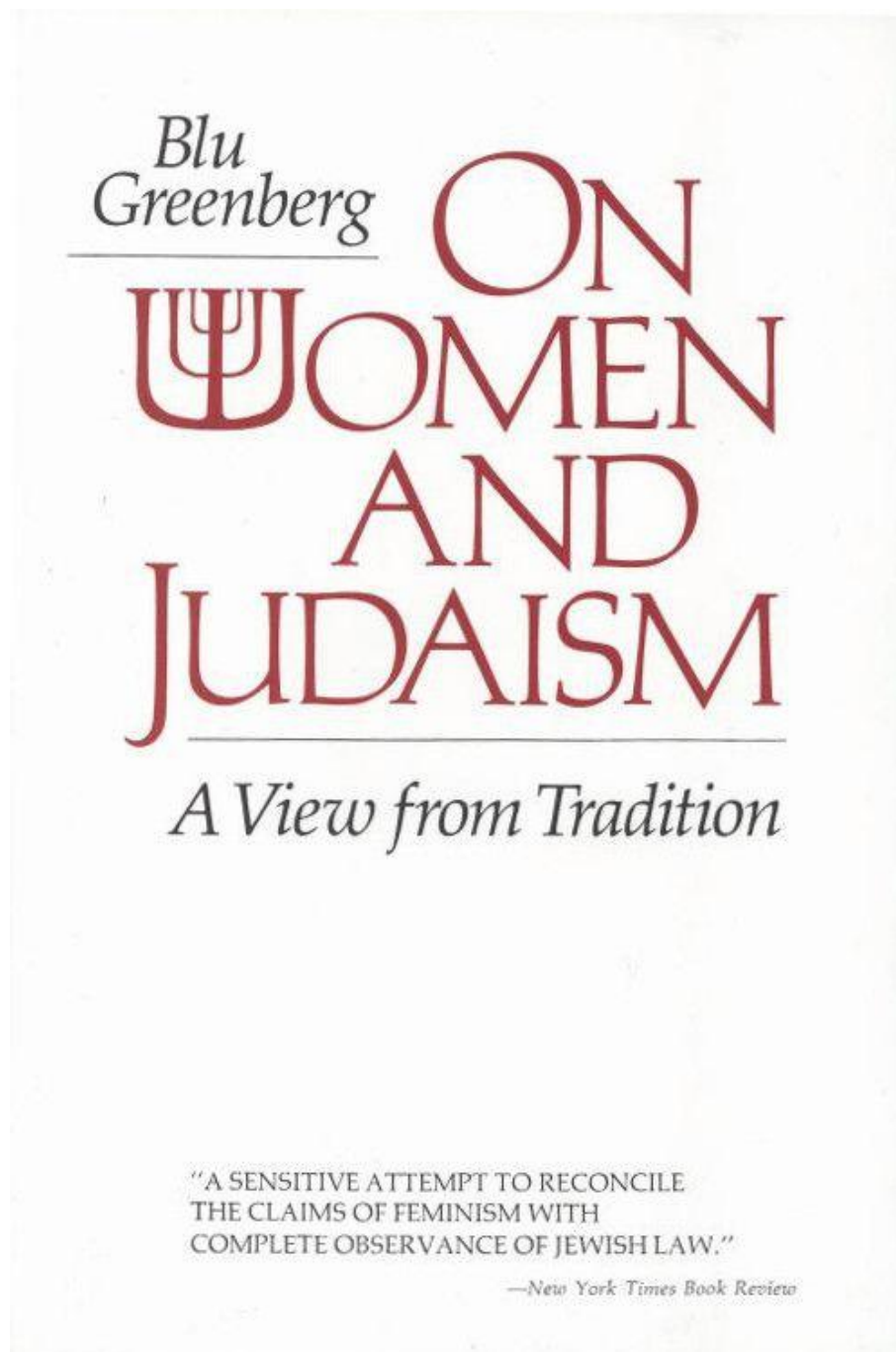

О женщинах и иудаизме

Блу Гринберг

Блу Гринберг

О ЖЕНЩИНАХ И ИУДАИЗМЕ

Взгляд с точки зрения традиции

ЕВРЕЙСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ

Авторское право © 1998 Еврейским издательским обществом Америки

Содержание

Предисловие

Феминизм: хорошо ли это для евреев?

Может ли Кроткая девушка из ешивы Найти счастье среди феминисток?

Теоретические основы равенства женщин в иудаизме

Еврейские женщины: совершеннолетие

Женщины и литургия

В защиту “Дочерей Израиля”: замечания о Нидде и Микве

Отношение евреев к разводу

Проблема абортов

Феминизм и выживание евреев

Послесловие: Некоторые незаконченные дела

Предисловие

КАК заметит читатель, большая часть этой книги состоит из эссе, опубликованных в различных журналах, хотя я воспользовался возможностью, предоставленной настоящей публикацией, чтобы внести некоторые правки. Тем не менее, кое-где все же есть некоторые совпадения. Я старался свести это к минимуму, но определенное повторение было необходимо для того, чтобы логически перейти от одной идеи к другой в рамках данной главы.

Есть также много вопросов, которые не рассматриваются в целом. Эта работа не была задумана как исчерпывающий анализ женщин и иудаизма, и никто другой не мог взяться за эту задачу. Еврейская традиция обширна. Даже в тех немногих областях, которые я рассматриваю, я коснулся лишь верхушки айсберга. В этом сила и чудо традиции, а не ее недостаток. Таким образом, человек должен преодолеть чувство незнания ничего. Человек просто где-то начинает, а затем продолжает с большим количеством субъективных ощущений. Я могу только надеяться, что как те, кто знает больше, так и те, кто знает меньше, смогут найти что-то ценное в этой работе, будь то новый взгляд или встреча с ранее неизвестными источниками.

Однако во всей коллекции есть объединяющая тема. Она представлена в виде вопросов, которые возникают у меня в голове, когда я размышляю над каждой конкретной проблемой. Какую позицию мы, убежденные евреи, можем занять по отношению к феминизму? Что мы можем интегрировать, а что должны отвергнуть? Где мы должны отделить себя от господствующего феминизма и каковы точки давления в нашей традиции, которые, поскольку мы женщины, мы должны найти? Как и где следует оказывать давление, чтобы традиция не дискриминировала и не закрывала от нас определенные части? Как мы можем стать более ответственными, полностью равноправными членами святой общины? Какие претензии женщины предъявляют к традиции и Галахе, когда еврейский народ переживает четвертое тысячелетие своего существования?

Если бы мне пришлось резюмировать мою собственную позицию по этому вопросу, она звучала бы примерно следующим образом: иудаизм - это моя жизнь. Так было всегда и так всегда будет. Феминизм - это новое этическое движение, которое мне особенно нравится, потому что я женщина. Оно также имеет значение для человечества в целом из-за своей этической природы. Каждый человек, особенно религиозные лидеры, должны искать способы усвоить и интегрировать его основное утверждение о равенстве женщин.

Я попытался показать, что в рамках еврейской традиции существуют как прецеденты, так и процессы для обеспечения полного равенства женщин. Этот процесс не нужно — да и не должно быть — приравнивать к умалению божественной сущности иудаизма и Галахи. Я не забываю об огромных жертвах, которые потребовались, чтобы привести меня, традиционного еврея, к этому этапу истории. Все те, кто был до меня, усердно трудились, чтобы сохранить цепь в неприкосновенности. Я не хочу разрывать эту цепь. Однако я чувствую, что эта связь скорее укрепит, чем ослабнет, благодаря соединению феминистских ценностей со структурой традиционного иудаизма.

Я рад выразить признательность людям, которые внесли свой вклад в создание этой книги. Во-первых, мои родители, раввин Сэм и Сильвия Генауэр, дали мне много благословений, особенно то, что я рос в семье, богатой любовью к традициям и еврейскому образованию. Мои дети — Моше, Дэвид, Дебора, Джей Джей и Гуди — терпимо относились к моим беспорядочным

привычкам в работе и присвоению “их времени”; они также делали разумные комментарии по многим вопросам, рассматриваемым здесь.

Я благодарю многих замечательных учителей, которые были у меня за эти годы, особенно Нехаму Лейбовиц и раввина Мейера Фельдблюма, которые научили меня не только Торе, но и тому, как обращаться к источникам с помощью вопросов. Я благодарна многим друзьям, которые за последнее десятилетие помогли мне по-другому взглянуть на женщин. Я также хочу поблагодарить нескольких человек, которые оказали ценную помощь на этом пути: раввина Марка Энджела, Розелин Белл, Адину Фельдштерн, Дэвида С. Гринберга, Джонатана Джавича, Элвина Розенфельда, Рут Ваксман и Авиву Кантор Цукофф. Хотя их усилия явно повлияли на качество отдельных глав, они никоим образом не несут ответственности за фактические ошибки и не обязательно согласуются с мнениями, выраженными здесь. Я особенно благодарен Майеру Дешеллу, редактору Еврейского издательского общества Америки, без чьего мягкого подталкивания, бесконечного терпения и умелой редакторской руки эта книга не увидела бы свет.

Больше всего я хочу признать свой долг перед моим мужем Ирвингом Гринбергом, у которого я многому научилась за последние двадцать четыре года. Он не только научил меня множеству фактов, но и повлиял на мое мышление в тысяче областей; женщины и иудаизм - это всего лишь одна из них. Он прочитал мою рукопись во всех ее вариантах и внес бесчисленное количество исправлений и предложений, за все из которых я ему благодарна. Мой муж, конечно, сам высказался по многим вопросам, обсуждаемым в этой книге. Между нами есть как общие точки соприкосновения, так и разногласия. Для читателя, который интересуется подобными вопросами, достаточно сказать, что в этой работе многое отражает его мышление. Есть также многое, что отражает мою новую способность не отступать перед лицом его критики.

Тому, кому не нужно читать мои мысли, чтобы узнать их, я благодарен за благословения жизни, крепкое здоровье и любовь, которые только Бог может даровать или отнять и без которых тело, разум, сердце не могли бы функционировать.

Б.Г.

Июль 1981 г.

Феминизм: хорошо ли это для евреев?

У женского движения можно многому научиться, что может улучшить качество нашей жизни как евреев. Для феминисток многое можно извлечь из серьезного отношения к традиционным еврейским ценностям. И все же на данный момент возможность позитивных отношений между ними кажется невероятной, если не невозможной. Традиционный иудаизм списал феминизм со счетов как экстремистское движение, временную культурную причуду. Феминистки поносили раввинов как женоненавистников, мужских шовинистов или, в лучшем случае, мужчин с застарелыми пристрастиями. Религия и идеология, которые при более счастливых обстоятельствах могли бы подпитывать друг друга, вместо этого стали антагонистами. Почему?

Цели, достижения и в какой-то степени даже процессы феминизма были революционными. Тот факт, что это была бескровная революция, заставляет некоторых людей отмахиваться от

феминизма как от капризного хобби женщин среднего класса. Как бы то ни было, женское движение глубоко изменило общественное отношение к женщинам и то, как женщины думают о себе. Общественная философия и политика все чаще предполагают, что женщины являются полноценными людьми, способными к достижениям во всех сферах, в которых работают мужчины. Женщины больше не являются просто дополнением к мужчинам в их жизни. Наши светские, правовые, социальные и образовательные системы находятся под постоянным давлением, требуя включения женщин на равных; однако наши религиозные институты сильно отстают в процессе признания.

На протяжении веков иудаизм порождал революционные этические учения. Почему бы ему сейчас не включить уроки феминизма? Равенство в различных сферах долгое время было фундаментальным для иудаизма; действительно, библейское учение предписывает равенство перед законом, равное владение собственностью, равенство всех мужчин.¹ Следовательно, по логике вещей, не должны ли феминистские цели быть восприняты сегодняшним иудаизмом как средство достижения равенства мужчин и женщин в глазах Бога и общества?

Как ни странно, еврейское общество, в котором воспитывались многие пионерки феминизма, было одной из последних групп, столкнувшихся с вызовами феминизма. Действительно, реформистский иудаизм предпринял много шагов в этом направлении, начиная с призыва Конференции в Бреслау в 1846 году к полному равенству мужчин и женщин во всех областях религии. Однако это равенство оставалось в значительной степени формальным, поскольку женщинам уделялось мало внимания вопросам существа и лидерства. Реформистский иудаизм предъявлял меньше религиозных требований как к мужчинам, так и к женщинам, и изменения, которые он усвоил, как правило, проистекали скорее из простого принятия либеральных или современных ценностей, чем из еврейских соображений. Ни реконструкционизм, первопроходцем которого стала бат-мицва и призыв женщин к Торе, ни Реформа не принимали женщин на раввинское обучение, пока женское движение не вынудило их перейти черту в последнее десятилетие. Даже внутри этих групп все еще существует значительное сопротивление со стороны непрофессионалов. Таким образом, в принципе, реакцию еврейской общины можно охарактеризовать следующим образом: чем более традиционной была еврейская община — или чем более консервативным был ее характер (включая элементы реформ) — тем больше вероятность того, что она будет сопротивляться вызовам феминистской идеологии. Это так же верно для женщин в еврейской общине, как и для мужчин.

Такой реакции есть несколько объяснений. Во-первых, еврейские мужчины в целом хорошо относились к еврейским женщинам, поскольку такое поведение санкционировалось сильными культурными ценностями. В результате они были довольны жизнью в рамках традиционных религиозных и социальных ролей, которые были им отведены. На практике они довольно хорошо сочетались: свобода от общих религиозных обязанностей, таких как синагогальные молитвы, позволяла женщинам лучше выполнять семейную роль, которую предназначило для них еврейское общество.

Вторая причина — и здесь мы сталкиваемся с фактором, более фундаментально сопротивляющимся изменениям, — это галахическая модель иудаизма. Галаха, свод еврейских религиозных законов, включает в себя религиозную институционализацию сексуального и социального статуса. Другими словами, то, что было социологической истиной о женщинах во всех предыдущих поколениях — что они были “вторым полом”, — многими мельчайшими

способами было кодифицировано в Галахе как религиозно-этические концепции, обязательные и для будущих поколений. Что сегодня часто упускается из виду, так это то, что на протяжении веков еврейская традиция, в общем и целом, повышала статус женщин. Это правда, что в некоторые столетия женщины были поставлены в невыгодное положение. Но по большей части, по мере исторического развития еврейского народа еврейский закон предоставлял все большую защиту и даже расширение прав женщин. Таким образом, Галаха влияла на изменения в обществе в целом и реагировала на них. Одним из достоинств галахической системы является то, что она пытается поддерживать баланс потребностей между сообществом и индивидуумом, евреем и неевреем, властью и свободой, религией и обществом. Однако в этом столетии галахические авторитеты были в подавляющем большинстве сосредоточены в сопротивляющемся переменам секторе общества.

Третья причина традиционного еврейского сопротивления вызову феминизма — хотя это не всегда открыто формулируется — проистекает из широко распространенного страха, что феминистская идеология представляет собой скрытую угрозу выживанию евреев. От внимания сегодняшнего еврейского руководства не ускользнул тот факт, что модернизм нанес большой урон верующим евреям — и то же самое может произойти с феминизмом, следует из рассуждений. Сознательно или подсознательно еврейское руководство опасается разоблачения традиционного еврейского отношения к женщинам в заявлениях женских освободительных движений. Этот страх не является полностью необоснованным и не ограничивается ортодоксальным сектором. Но феминизм не исчезнет, если его просто игнорировать или отвергать как опасный. Скорее, следует выявлять опасности и предохраняться от них в контексте позитивного внедрения добродетелей феминизма в еврейскую жизнь.

Сегодня, в то время как светское общество открыло перед женщинами новый спектр реальных ролей и психологических ожиданий, галахический статус и религиозная жизнь еврейских женщин остаются ограниченными. Это похоже на сидение в неподвижном автомобиле рядом с движущимся: у одного пассажира возникает ощущение движения назад; у другого - чувство отстранения, потери связи, оставления позади. Столкнувшись с резкой, но часто обоснованной феминистской критикой, религиозное сопротивление приняло форму апологетики и самозащиты. Некоторые еврейские женщины принимают эти предписания и рационализации; другие приближаются к светскому полюсу, отказываясь не только от соблюдения религиозных обрядов, но и от всех традиционных религиозных ценностей. Поскольку в настоящее время не существует санкционированного универсума дискурса между феминизмом и иудаизмом относительно религиозного статуса женщин, феминистское движение часто нападает на базовые структуры и жизненные ценности, которые иудаизм привнес в человеческое общество, и отвергает их. Это, конечно, приводит к дальнейшему взаимному отчуждению.

Что крайне необходимо сегодня, так это создание диалектического противоречия между еврейскими ценностями и нравами современного общества в свете далеко идущих последствий освобождения женщин.

Одной из важнейших частей диалектики является сопоставление галахического и религиозного статуса еврейских женщин с феминистским представлением о равенстве женщин. Должна быть двусторонняя коммуникация и влияние, а не уход в себя и разделение. Таким образом, подлинное еврейское женское движение должно искать новые подходы в рамках Галахи, чтобы

учитывать и выражать проблемы женщин, и должно стремиться наполнить проблемы женщин еврейскими ценностями.

В еврейской религиозной жизни есть несколько областей, где цели феминизма могут быть применены творчески. Это означает взаимодействие, а не простое подражание или ассимиляцию. Хотя правда болезненна для тех из нас, кто живет по Галахе, честность требует от нас признать, что еврейские женщины, особенно в более традиционном сообществе, сталкиваются с неравенством в синагоге и участии в молитве, в галахическом образовании, в религиозных судах и в сферах общественного руководства. Более подробно эти темы будут рассмотрены в отдельных эссе ниже, но здесь я кратко коснусь некоторых возможных галахических адаптаций.

Семейное право и религиозные суды

Некоторые галахические недостатки, которые варьируются от ущемления достоинства женщин до причинения им откровенного горя и несправедливости, требуют немедленного внимания. Еврейский закон о разводе, например, требует, чтобы муж написал и передал гет (свидетельство о разводе) своей жене, чтобы брак был расторгнут. В результате жена становится зависимой от воли своего мужа в вопросах развода. Это привело к следующим проблемам: случаи вымогательства в случае с непокорным мужем; невинные страдания агуны, женщины, муж которой физически не в состоянии санкционировать получение.

К сожалению, в этом поколении разводы стали более распространенными; в отличие от предыдущих поколений, сейчас развод часто инициируется женой. Многим мужчинам, особенно тем, кто был социализирован в реальности, ориентированной на мужчин, это угрожает вдвойне. Некоторые подлые мужчины даже используют предписания Галахи назло своим женам, отказывая в получении даже после получения гражданского развода, поскольку они знают, что женщина, соблюдающая Галаху, не сможет начать новую жизнь, пока у нее на руках не будет еврейского судебного приказа о разводе.

Еще одной проблемой, которая проистекает из этого особого дисбаланса в еврейском семейном законодательстве, является раскол среди современных еврейских общин. На одном конце спектра находятся те, кто вообще отказался от требования жениться. Крайне необходимо всеобъемлющее решение, которое решит проблему непокорных мужей и будет приемлемо для всех еврейских конфессий. Галахические лидеры до сих пор не отнеслись с достаточной серьезностью к предложенным решениям, направленным на решение этих проблем.

Еврейские религиозные суды не принимают показания женщин. Закон, который когда-то защищал женщин, не допуская их вызова в суд для работы в государственном секторе, теперь должен быть пересмотрен с точки зрения равенства мужчин и женщин. Хотя существуют меры, позволяющие обойти этот дискриминационный закон, ни одна из них не способствует повышению чести или достоинства женщин. Поэтому крайне важно, чтобы современные ученые-юристы и раввины искали в Галахе, как это делали их предшественники в прошлые времена, решения, способные положить конец этим беззакониям.

Синагога и молитва

Хотя в еврейской традиции существует множество мнений относительно литургических обязанностей женщин, никто не может оспаривать тот факт, что у женщин меньше молитвенных

обязанностей, чем у мужчин. Более того, в совместной молитве, которая, согласно традиции, является предпочтительной формой, женщины не имеют ни обязанностей, ни прав. Женщины не входят в состав миньяна (молитвенного кворума из десяти человек), их не призывают к изучению Торы, и им не разрешается выполнять какие-либо руководящие должности в синагоге, такие как раввин, кантор или чтец Торы. Эти исключения в значительной степени вытекают из галахического принципа, согласно которому женщины освобождаются от утвердительных заповедей (мицвот), которые должны выполняться в течение определенного периода времени, таких как утренние, дневные и вечерние молитвы.

Талмуд не предлагает четкого обоснования принципа освобождения. В блестящем, сжатом анализе Сол Берман показал, что это правило с большим количеством исключений, чем предписаний: существуют позитивные, ограниченные по времени заповеди, соблюдать которые женщины обязаны, и есть позитивные заповеди, которые не имеют ничего общего с конкретными временными рамками, от которых женщины освобождены.² Взятый в самом благотворительном, благонамеренном свете, этот образец, по-видимому, предполагает желание освободить женщину от тех обязательств, которые могут вызвать конфликт внутри нее в результате выполнения ее домашних обязанностей.

Учитывая новое общественное представление о женщинах — их зрелости, их способности брать на себя множество обязанностей и растущее признание ими ролей, выходящих за рамки домашнего очага, — сейчас, похоже, настало время для серьезной переоценки принципа освобождения. Переосмысление Галахи может привести к сокращению периода освобождения, то есть обязать женщин соблюдать установленные по времени заповеди, но при этом допускать исключения в те годы, когда существуют первостепенные требования семьи. Это освобождение может действовать до тех пор, пока младшему ребенку женщины не исполнится семь, десять или тринадцать лет. Образцом для подражания является раввинский принцип: *ха-осек ба-мицва патур мин ха-мицва* (тот, кто занят выполнением одной мицвы, освобождается от выполнения другой мицвы в течение того же промежутка времени). По крайней мере, это может решить проблему исключения женщин из *эда*, святой конгрегации.

Чувствительные галахисты должны понимать, что общий эффект освобождения женщин от молитвы приводит их к негативному или безразличному отношению к молитве в целом. Женщины почти никогда не молятся дома; таким образом, молитва становится функцией периодического посещения синагоги, что вряд ли является стимулом к серьезной молитве. Хотя Юридический комитет Консервативной Раввинской ассамблеи санкционировал включение женщин в миньян, он не предпринял необходимого дальнейшего шага по уравниванию женщин и мужчин в молитвенных обязанностях. В ортодоксальных синагогах, где *мехица* (перегородка в синагогах, отделяющая мужчин от женщин) имеет тенденцию усиливать неравенство полов, а не допускать раздельной, но равной молитвы, промежуточным и временным шагом может быть создание женского миньяна. Таким образом, женщины могли бы развить навыки руководства молитвой, понимания ее организации и тематики, а также чтения Торы.

Молитва должна быть не замещающим актом, а актом личного участия. В настоящее время мужчины обычно выполняют за женщин даже те литургические роли, которые обязательны для женщин, такие как кидуш, благословение, произносимое за вином в субботу и праздничные дни, и мегилла, чтение Книги Есфири в Пурим. Таким образом, женщина исполняет заповеди по доверенности и часто оказывается беспомощной, если мужчина в ее жизни отсутствует. Даже

если бы опосредованная ситуация продолжала приносить удовлетворение еврейским женщинам — что маловероятно, поскольку их феминистское сознание меняется, — она действует только в семейном контексте. Одинокие женщины, разведенные и вдовы не могут участвовать в ритуалах по доверенности семьи и поэтому часто лишены духовной подпитки, которую предлагают такие ритуалы. Более того, таким женщинам, как правило, отводятся второстепенные роли в общинах, которые по-еврейски организуются вокруг синагоги.

Церемонии жизненного цикла, такие как брит и бар-мицва, как правило, не имели аналогов для женщин, особенно в традиционном сообществе. Точно так же в традиции явно отсутствуют ритуалы, посвященные биологическим событиям, уникальным для женщин (таким как роды и начало менструации). Безусловно, некоторые женщины, часто с помощью и поощрением мужчин, начинают развивать религиозные формы, которые связывают их уникальные психические или физические состояния с еврейской традицией и еврейским народом.³ Однако в этом отношении предстоит сделать гораздо больше.

Образование

Галахическое образование является единственной наиболее важной областью в достижении равенства женщин в еврейской общине. В еврейской религиозно-правовой системе большая свобода для личного суждения предоставляется *поским* (лицам, принимающим галахические решения). Женщины, принимающие решения, — их можно назвать *поскотами*, — более склонны, чем мужчины, находить сочувственные решения женских проблем, поскольку они разделяют их и переживают их наиболее интенсивным, личным образом. Учитывая, насколько далеко должна зайти Галаха, чтобы удовлетворить потребности женщин и преодолеть инвалидность, важно, чтобы сообщество обучало женщин тому, как стать *поскотом*. До сих пор только мужчины изучали и понимали Галаху, и только они принимали все решения; женщин держали в неведении относительно процессов еврейского права. Сегодня женщины должны серьезно относиться к изучению еврейского языка. Должны существовать институты высшего еврейского образования, такие как *колель* (поддерживаемые общиной талмудические институты), где женщины могли бы учиться непрерывно с определенной степенью финансовой защищенности. Женщины должны быть обучены принимать юридические решения не только за женщин, но и за всю еврейскую общину. Следует надеяться, что понятие женщин-раввинов в конечном счете будет принято во всех ветвях иудаизма, поскольку женщины могут внести ценный вклад в духовный рост еврейской общины. В нынешнем виде сообщество поощряет утечку мозгов. Еврейских женщин с тонким умом светское общество уговаривает внести в него свой вклад, в то время как дверь в еврейскую науку по большей части остается закрытой.

Общественная жизнь

Социологические и религиозные ограничения, налагаемые на еврейских женщин, распространились на сферы непрофессионального руководства в еврейской общине. В прошлом существовали серьезные препятствия для того, чтобы женщины могли занимать руководящие должности. Это сопротивление все больше ослабевает, и все большее число еврейских женщин начинают играть более значительную роль в общественных делах. Однако во многих образовательных и филантропических учреждениях общины, особенно на мирских мероприятиях в синагоге, женщинам по-прежнему запрещено занимать высшие руководящие должности. Как будто миф о том, что только мужчины способны принимать важные решения, все еще действует в еврейской общине, даже несмотря на то, что он разрушается повсюду.

Евреи часто были благословлены великими лидерами; в других случаях они дорого платили за недалековидные решения, принятые неадекватными людьми, пришедшими к власти. Как, к сожалению, узнали некоторые современные сообщества, очень успешный бизнесмен не всегда обладает качествами, которые можно перенести на общественное лидерство. И мужчины, и женщины должны начать переформулировать в своем коллективном сознании, каковы именно необходимые условия: лидерские способности, здоровая доля здравого смысла, постоянная забота о судьбе еврейского народа и преданность делу, равная стоящим перед ними задачам. Эти качества не зависят от пола. Если оставить в стороне вопрос дискриминации, сообщество вряд ли может позволить себе отвергнуть половину потенциального резерва, из которого можно привлечь своих способных лидеров.

Это лишь некоторые из способов, с помощью которых феминистские ценности могут информировать нас как евреев. Необходимые изменения могут быть внесены в соответствии с принципами и духом Галахи. Это означает использование тех галахических категорий, которые, несомненно, являются неотъемлемой частью живой динамики еврейского закона. От Галахи не нужно требовать соответствия каждой мимолетной прихоти, и *ипоским* не следует становиться попутчиками во всех модных течениях; также руководство не должно прикрываться лозунгами неизменности, которые являются нечестными карикатурами на Галаху. Иудаизм на протяжении веков всегда был открыт для других социальных философий как средства совершенствования своей собственной религиозной системы. Существует множество прецедентов для интеграции в еврейскую традицию лучших ценностей общества, в котором мы живем, особенно там, где они освещают или подтверждают центральные темы иудаизма — достоинство мужчины и женщины, созданных по образу Божьему.

Брак, Семья, Дети

Мы должны сделать шаг дальше. Быть подлинным евреем означает не только брать и учиться у более широкой вселенной, но и служить исправителем в обществе в целом. Как евреям, нам не нужно покупать весь пакет феминизма целиком. Скорее, мы должны внедрить нашу собственную этику в изменяющееся общество и стремиться обуздать крайности, жертвами которых становятся все революционные движения. Космическая миссия еврейского народа на протяжении всей истории — “свет для народов” - это не просто риторический росчерк.

Таким образом, мы должны идти по очень тонкой грани, постоянно отслеживая даже те части нового, которые мы интегрировали в нашу жизнь, чтобы увидеть, адекватно ли они соответствуют нашим собственным тестам. Все это подразумевает мгновенную готовность отказаться от всего, что противоречит основным еврейским ценностям, от всего, что сулит зло выживанию евреев. Феминизм, несмотря на весь его потенциал для улучшения положения еврейских женщин, действительно содержит элементы, которые являются деструктивными с еврейской точки зрения.

Одним из побочных продуктов феминистского стремления к равенству были нападки на семью, выраженные в таких знакомых выражениях, как “семья была местом жестокого обращения” и “семья подавляла женщин”. Реальное воздействие на женщин таких неочищенных сообщений заключается в том, что они выплескивают ребенка вместе с водой из ванны, отказываются от всего предприятия, не оглядываясь назад.

Таким образом, можно сказать, что женское движение внесло немалый вклад в сокрушительное наступление современного общества на семью. Признаки эрозии видны повсюду. Еврейская семья тоже начинает распадаться, о чем свидетельствует беспрецедентный рост числа разводов среди евреев и отчуждение мужей от жен и родителей от детей, со всеми вытекающими отсюда последствиями для будущей семейной жизни. Молодые еврейки открыто обсуждают свои подозрения по поводу брака и возражения против него, свое намерение не иметь детей. Это разительно контрастирует с предыдущими поколениями, где брак и дети были всем будущим молодой женщины и где (доводя дело до крайности) возникало почти ощущение семейного бесчестья, если молодую женщину не выдавали замуж в возрасте двадцати одного года.

Сегодня мы стали мудрее и признаем, что не каждая женщина может обрести счастье в браке или только в браке. Но, учитывая преобладающее давление, мы рискуем столкнуться с опасностью того, что другой вариант — традиционный брак и семейные отношения — будет полностью заблокирован от осознания и рассмотрения.

Все это особенно опасно для иудаизма, поскольку в основе еврейства лежит семейная ячейка. Передача ценностей — этических, ритуальных и философских — осуществляется в основном через семью. Еврейская семья была основным источником силы и поддержки в борьбе с зачастую опасным и враждебным миром. Сегодня, особенно в Америке, эта последняя функция еврейской семьи, к счастью, используется недостаточно, что не должно вводить нас в заблуждение и заставлять недооценивать другие ее функции в отношении выживания евреев. Фактически, новые научные исследования подтверждают то, о чем традиция говорила нам все это время: семья - это самая мощная социальная и цивилизующая сила, доступная нам; это также единственный сильнейший фактор, определяющий религиозную приверженность, ценности и достижения в образовании.⁴ Таким образом, растущий переход к школе и синагоге для передачи еврейских ценностей кажется явным примером ошибочного суждения. Даже те, кто рассматривает движение хавура — набирающие популярность религиозные братства — как образовательную волну будущего, неверно оценивают причины его успеха. На мой взгляд, хавура лучше всего понимается как единица, имитирующая семью. В лучшем случае, что может быть очень хорошо, это дополнение или замена семьи. Она возникла в результате поиска многими изолированными молодыми одинокими людьми, а также семейными парами надлежащих рамок для того, чтобы охватить их поклонение иудаизму. Лишенные социальными силами традиционной семейной ячейки, такие индивиды заполняют пустоту, создавая ее ближайшее подобие - небиологическую семью.

Помимо вопроса о еврейских ценностях, на карту поставлен вопрос преемственности. Самые ранние свидетельства о современных нетрадиционных человеческих объединениях указывают на то, что они приносят гораздо меньше удовлетворения и стабильности, чем предполагают их сторонники. Более того, кажется, что существует путаница в распределении ролей и обязанностей. Безусловно, семья выживала на протяжении стольких тысячелетий как институт, со всеми его несовершенствами, потому что это были и остаются самые этичные и жизнеспособные отношения.

Таким образом, по всем этим причинам феминистки, ориентированные на еврейские ценности, несут еще одну ответственность в дополнение к призыву к равенству. Мы должны изучить все

возможные пути укрепления семьи и компенсации ее ограничений, прежде чем отбросить ее как устаревший институт, который больше не удовлетворяет человеческие потребности.

Во-первых, мы, называющие себя еврейскими феминистками, должны прояснить ситуацию: не нужно полностью переписывать историю, чтобы добиться изменений. Верно, что семья была контекстом, в котором женщины функционировали как второй пол на протяжении всей истории. Верно и то, что другие роли, помимо роли жены-матери, были строго ограничены. Сегодня, в подавляющем большинстве случаев, ни одно из этих условий не является необходимым спутником выбора женщиной роли жены-матери. Более того, семейная роль была источником безопасности, чести, достоинства и удовлетворения для большинства женщин на протяжении всей истории, и это все еще справедливо для многих женщин сегодня.

Поэтому первый шаг заключается не в том, чтобы принижать традиционные роли, которые занимали женщины, и не в том, чтобы презирать тех, кто их выбирает. Точно так же, как мы отвергаем ограничительную систему, которая ограничивала женщин в прошлом, так и на следующем витке истории мы не должны принуждать всех женщин к новым ограничительным ролям, исключаям жен и матерей. Показательный пример: почетное словосочетание “работающая женщина” применительно к профессиям вне дома подрывает роль женщин в семье. Это противоречит истине, известной каждому, кто хоть в какой-то мере занимался и тем, и другим: растить маленьких детей, содержать семью и домашний очаг - более трудная задача, чем выполнять большинство других видов работы. Новое принуждение, конечно, довольно распространено. Как часто человек оказывался вовлеченным в непринужденную беседу на любом светском рауте с замужней женщиной, матерью маленьких детей, которая, когда ее спрашивают, чем она занимается, бормочет: “Ничем”. Эта женщина, вероятно, весь день была на ногах, служила другим и дарила любовь, но все равно ее захлестывает волна вины. Она играет в игру по модным в настоящее время правилам, поддаваясь урезанному определению креативности и продуктивности, которое и близко не подходит к тому, что составляет значительную часть жизни, — воспитанию и быть возвращенной.

Мы должны искоренить негативное отношение, которым изобилует воспитание детей, и позаботиться о том, чтобы такие глаголы, как “материнская забота”, вернулись в наш словарный запас в качестве достойных вариантов. Более того, поскольку женщин бомбардируют противоположными идеями, мы должны приобщать других к удовольствиям и наградам брака и воспитания детей. Это драгоценные дары, и от них не следует так легко отказываться. Поддержка карьеристок, одиноких женщин и женщин, участвующих в политических преобразованиях, не обязательно подразумевает очернение семьи. Необходимо вновь внедрить в сознание женщин концепцию полноценной жизни. Семья, карьера и высшее образование не должны рассматриваться как варианты, исключаящие друг друга, поскольку к каждому из них можно стремиться с разной интенсивностью на разных этапах жизни. Такое мышление может помочь женщинам, которые естественным образом реагируют на роли жены-матери, чувствовать меньше беспокойства перед лицом современного давления выбирать исключительно одну роль или быть суперженщинами, занимаясь всем одновременно.

Еще одним элементом защиты семьи является обучение общества более гибкому подходу к женщинам, выбравшим путь брака и семьи. Одним из тонких признаков предвзятого отношения феминистского движения к карьере, а не к семье, является его расстановка приоритетов. Движение выступило за равные возможности и равную оплату труда при полной занятости,

однако оно очень мало сделало для борьбы с дискриминацией в заработной плате при работе неполный рабочий день, большинство из которых занимают матери. Движение также не начало всерьез пересматривать корректировки, необходимые для того, чтобы помочь женщине реинтегрироваться в карьеру после того, как она завершит свой пятнадцатилетний или двадцатилетний опыт материнства. Женщина, которая отсутствовала на рынке труда почти два десятилетия, продолжает подвергаться наказанию за это решение в течение следующих тридцати лет своей жизни. Это несправедливость по отношению к женщинам, вред для общества и еще один негативный фактор при принятии решения о том, становиться ли матерью. Возник заговор безразличия к этому недостатку как со стороны так называемых мужских шовинистов, так и со стороны доктринерствующих феминисток. Настало время для серьезных усилий в этой области. Общество должно быть перестроено таким образом, чтобы предоставить женщинам возможность выбора ролей, чтобы весь вопрос не сводился просто к варианту "или /или". Возвращение мужу центральной роли в семье, не только как добытчику и опоре, но и как воспитателю детей и вовлеченному мужу, значительно ускорит весь процесс; это также будет освобождением мужчин, женщин и детей.

К счастью, наблюдается некоторый рост осведомленности по этим вопросам. Основательницы женского движения, такие как Бетти Фридан, призывали к более активному сотрудничеству женщин и мужчин в устранении дисбаланса в обществе и к критическому утверждению семьи и деторождения в духе подлинного участия. К сожалению, радикальные феминистки склонны отвергать или принижать подобные взгляды, а это, в свою очередь, вызвало негативную реакцию против поправки о равных правах и женского движения и использовалось для ее рационализации.

Наконец, необходимо внести коррективы в некоторые нереалистичные представления о новообретенной самости женщин. Это такая же воздушная версия реальности, каким был образ "маленькой женщины" прошлого. По большому счету, женщины могут делать все это сами не больше, чем мужчины. Одиночество и anomia - настоящие враги жизни, а не приверженность человеческим отношениям.

Некоторые женщины интерпретируют женское освобождение только в терминах своих личных потребностей, имеющих узкое определение. Это привело к психологии самоактуализации, которая провозглашает: "Пусть ничьи потребности не стоят у меня на пути". Результатом является отрицание того, что в процессе отдачи другим может быть самореализация. Любые интимные отношения, если они должны продолжаться, требуют отказа от части самораскрытия, обмена, компромиссов, уступок. Это так же верно для мужчин, как и для женщин. Возможно, женщины предыдущих поколений были чрезмерно щедры в своей самоотдаче, но надлежащее исправление этого нельзя найти в чрезмерной компенсации. Есть момент, когда слишком сильное самоощущение становится нездоровым, нереалистичным, даже разрушительным.

Построение брака и семьи, несмотря на все их преимущества, должно включать в себя готовность страдать от некоторых недостатков, жить с разочарованием. Не все в жизни может быть одинаковым в каждый данный момент. Благополучные семейные ситуации подрываются нереальными ожиданиями и требованиями немедленного личного удовлетворения. Способность жить с разочарованием опасно ослаблена. Женщины, недавно проникшиеся женскими ценностями, не должны сейчас позволять себе отрицать неоспоримое, и они должны научить этому мужчин в своей жизни: для расцвета брака и отношений между родителями и

детьми требуются время, энергия, определенная жертвенность и великодушие духа, все противоположности мгновенному удовлетворению. Стремиться к совершенству, но жить с тем, что не соответствует совершенству, - классический еврейский ответ. Современные евреи должны поделиться этим посланием с остальным обществом.

Современная Сексуальная мораль

Еще один вопрос, с которым должны столкнуться феминистки и все остальные, приверженные еврейским ценностям, - это новая мораль. Хотя этот кодекс сексуальной распушенности появился задолго до освобождения женщин, влияние феминизма заключалось в распространении конкретных идей на женское население, тем самым узаконив их для всех. Внебрачные связи, которые раньше были прерогативой мужчин и притесняли женщин, теперь стали символом равенства женщин, подрывая стабильность семьи и способствуя резкому росту числа распавшихся семей. Поскольку большинство евреев сосредоточено в городских секторах с более высоким доходом и лучшим образованием, они подвержены влиянию этих новых ценностей — в отличие от предыдущих поколений, когда евреи жили по внутреннему моральному кодексу. Хотя некоторые основы верности и низкий уровень разводов предыдущих поколений были негативными и принудительными, этот сдвиг является мрачным предупреждением о разрушительном потенциале многих благонамеренных феминистских клише, особенно о сексуальной свободе.

Хотя иудаизм традиционно поощряет здоровые сексуальные связи в браке и даже признает их до брака, он накладывает строгие ограничения на внебрачную сексуальность. Фактически, две из десяти заповедей запрещают такие связи. Не нужно отождествлять себя с мужскими привилегиями или двойными стандартами, предлагаемыми в этих законах, чтобы согласиться с главной целью соответствующих запретов. Желание заниматься внебрачным сексом не является чем-то ненормальным. Тора говорила с реальными людьми с реальными страстями и стремилась поднять их на более высокий уровень. Разница, однако, между прошлым и настоящим заключается в том, что раньше эти страсти приходилось сдерживать в сфере чьей-либо фантазии, в то время как доминирующая этика теперь настаивает на их беспрепятственном выражении.

Как евреи, мы должны сказать, что не все, что человек хочет, он может иметь, и не всегда хорошо и полезно позволять всему этому болтаться на виду. Вся структура заповедей научила нас тому, что человек по-настоящему свободен только в рамках этической структуры. Учитывая человеческие ограничения, этика в межличностных отношениях обязательно предполагает сдержанность или разочарование. Иудаизм никогда не запрещал развод. Он допускал развод как необходимое, хотя и достойное сожаления, средство положить конец неудовлетворительным отношениям. Но параметрами супружеских отношений, пока они существовали, были, по крайней мере, верность, святость и взаимное уважение. Феминистки, которые утверждают, что женщины теперь должны иметь полную сексуальную свободу, определяют свободу как предоставление бывшей рабыне того же права на злоупотребления, которое раньше было только у хозяина. Еврейским феминисткам скорее следовало бы бросить вызов этим ценностям в мужском обществе и осудить их. Мы должны настаивать на равной морали, а не на равной аморальности.

Другой аспект диалектических отношений между иудаизмом и феминизмом включает в себя выделение идей, которые хороши для общества в целом, но вредны для еврейского народа.

Таким образом, в эпоху "исчезающего американского еврея" Нулевой прирост населения для нас не выход. Чтобы выжить с запасом прочности, евреям нужен демографический взрыв, а не ZPG. Конечно, никого не следует принуждать к рождению детей; рождение детей только ради выживания евреев, вероятно, приведет к нездоровой семейной связи. Как евреи, живущие в эпоху после Холокоста, мы должны остро осознавать, что святость и вера в созидание и улучшение жизни придают радости воспитания детей особое измерение.

Холокост также определяет наше отношение к абортам. Как выжившие в эпоху, когда было убито шесть миллионов евреев, четверть из которых составляли дети, мы должны учитывать обе стороны проблемы аборт. С еврейской точки зрения, мы должны говорить о ценности жизни, а не только о праве на жизнь. Право женщины заботиться о качестве жизни, которое будет у нее и ее ребенка, должно сопровождаться разъяснением святости жизни и риска обесценивания жизни из-за бездумных или простых медицинских решений.

Галахическое мировоззрение выступает против аборт по требованию. Как евреи, мы должны продемонстрировать, что аборт не обязательно устраняет благоговение перед жизнью или радость от созидания жизни. Подобная ориентация позволит изменить галахическое отношение к аборт. Это также поможет обуздать поверхностное, беспечное отношение к аборт, а также злоупотребления, которые могут возникнуть в результате реформы аборт. Защита качества жизни является этической основой аборт, но это может быть сведено на нет или разрушено потерей уважения к жизни. Нельзя допустить, чтобы аборт стал просто предпочтительным методом контроля рождаемости. Необходимы галахические рекомендации, учитывающие потребности женщин и в то же время выражающие традиционное почтение к жизни.

Если не заикливаться на узконаправленной борьбе вокруг проблемы аборт, появляется множество других возможностей, таких как создание еврейской общиной агентств по усыновлению для беременных еврейских женщин, которые не могут или не хотят оставлять своих собственных детей. Вынашивание ребенка до родов и передача его на усыновление должны быть доступным вариантом. Нынешнее повсеместное преобладание среди евреев ценностей, выступающих за аборт, практически уничтожило доступность еврейских младенцев для усыновления. Это создает реальные проблемы для пар, желающих усыновить ребенка.

Феминистское движение принесло еще одно прискорбное послание современному обществу — его материалистическую ориентацию. Ценность мужчин и женщин определяется тем, что и в каком количестве они производят, какую работу они выполняют, их титулами, их заработками, а не их ценностями и характерами. Это привело к дегуманизации, преклонению перед успехом и неприятию неудач, включая бедных. Такое отношение выливается в критику волонтерства. Отчасти в ответ на исключение женщин из высокооплачиваемой работы добровольные и филантропические усилия женщин были отвергнуты. Такие лозунги, как "Самоуважение приходит от оплачиваемой работы" или "Если за это не платят, то к этому не относятся серьезно", больше не звучат шепотом. Эти идеи заставляют некоторых женщин отказываться от обязанностей, которые раньше были общими для всех. Еврейские благотворительные организации, опора еврейской общины, находятся в упадке, потому что ряды преданных делу работников теперь идут в другом ритме.

Еврейские феминистки должны подтвердить основной еврейский принцип, согласно которому человек ценен самым своим существованием. Мы должны четко сформулировать ценность служения, отдачи себя другим, актов любви и доброты, которые могут быть совершены в волонтерской работе, в профессиональной жизни, в том, чтобы быть хорошим членом семьи и другом. Не каждый может позволить себе работать без оплаты, но это, безусловно, должно оставаться уважаемым вариантом. Тех, кто находит удовлетворение в том, чтобы отдавать другим, следует хвалить, а не презирать. Традиционная роль обеспечения возможностей является действительной до тех пор, пока она не ограничивается женщинами, а женщины не ограничены ею. Каждый член сообщества должен быть осведомлен о своей ответственности за общество.

Мы должны попытаться внедрить эти ценности в общество, которое мы стремимся создать, а не просто подражать ошибкам мужского общества, в которое мы постепенно вступаем. По-настоящему революционная — и более сложная — задача состоит в том, чтобы изменить саму систему общественных ценностей. Подняться над системой производственных ценностей, переориентировать общество — значит освободить мужчин и женщин для более человеческой жизни.

Мы должны пресечь крайности тех феминисток, которые настроены против мужчин, почти античеловечески в своей враждебности. Еврейским женщинам не нужно ненавидеть мужчин, чтобы взбодриться, и при этом еврейских мужчин не следует рассматривать просто как грубых угнетателей женщин на протяжении всей истории. Нам не нужны такие карикатуры, чтобы оправдать себя. На протяжении большей части нашей истории еврейские мужчины и женщины вместе страдали от внешних преследований и враждебности; именно их взаимная солидарность помогла им выстоять. Вместо того чтобы ставить себя на противоположные полюса, мы должны попытаться освободить мужчин, чтобы вместе с женщинами они стремились к чувству собственного достоинства.

Наконец, мы должны отвергнуть идею о том, что равенство означает андрогинность. С точки зрения иудаизма, могут существовать отдельные, четко очерченные роли, в которых мужчины и женщины могут функционировать на равных, не теряя отдельной идентичности. Мужчина и женщина, по общему признанию, являются трудными для определения понятиями, но мы должны отдавать себе отчет в каждом конкретном случае, имеем ли мы дело с достоинством равенства, которое является важнейшей ценностью в иудаизме, или с идентичностью мужчины и женщины, которая таковой не является. Еврейские женщины, которые отождествили себя с феминистскими целями, несут дополнительную ответственность во всех этих вопросах, поскольку они находятся в лучшем положении, чтобы влиять на обе стороны и быть услышанными ими.

Это непростая задача — пройти тонкую грань между старым и новым, статус-кво и авангардом, традицией и переменами, Божьими заповедями и возникающими потребностями обществ и отдельных людей. Но иудаизм пережил значительные трудности и сумел внести большой вклад в мировую цивилизацию именно потому, что в каждую эпоху ему удавалось пройти эту тонкую грань. Сохранять баланс между этими противоборствующими силами, вероятно, сейчас сложнее — в наше время силы сильнее и находятся на более высоком уровне напряженности, а общество более открыто. Но наша вера в иудаизм и еврейский народ дает нам силы требовать и ожидать таких же достижений в наше время. Это задача, достойная усилий.

Примечания

1. Эмануэль Ракман, “Равенство в иудаизме”, в *“Равенстве”*, под ред. Дж. Роланда Пеннока и Джона У. Чепмена (Нью-Йорк: Либер-Атертон, 1967).
2. Сол Берман, “Положение женщин в галахическом иудаизме”, *Традиция* 14 (Зима 1973 г.): 5-28.
3. Смотрите, например, Арлин Агус “Этот месяц для вас: празднование Рош Ходеш как женского праздника” в книге *“Еврейская женщина: новый взгляд”*, изд. Элизабет Колтун (Нью-Йорк: Schocken Books, 1976), стр. 84-93; *Руководство по празднованию рождения дочери* (Нью-Йорк: Еврейский женский ресурсный центр, 1980).
4. Джеффри Бок, “Социальный контекст еврейского образования: обзор литературы” (доклад, представленный на Коллоквиуме по еврейскому образованию и еврейской идентичности Американского еврейского комитета, Нью-Йорк, апрель 1974 г.). См. также Гарольд С. Химмельфарб, “Нелинейное влияние школьного образования: сравнение различных типов и объемов еврейского образования”, *Социология образования* 50 (апрель 1977 г.): 114-32.

Может ли Кроткая девушка из ешивы Найти счастье среди феминисток?

Иногда меня спрашивали: как может человек, настолько укоренившийся в еврейской традиции, настолько привыкший к галахическим предписаниям и проскрипциям, иметь такие сильные феминистские наклонности? Разве эти два явления не являются взаимоисключающими, аномальными, противоречивыми? В той мере, в какой мировоззрение человека формируется мелкими происшествиями, особыми встречами и случайными событиями, а также окружением, талантом и формальным образованием, я хотела бы поделиться с читателем некоторыми из этих моментов на пути женщины переходного возраста.

Я родился в строго традиционной семье. Учитывая всю структуру, которая это влечет за собой, было вполне естественно рано приобщиться к соответствующим ролям. Я знала свое место, и мне это нравилось — тепло, ритуалы, твердые, жесткие параметры. Я никогда не задумывалась о том, какие обязанности у меня есть или нет как у женщины, выросшей в ортодоксальной еврейской общине. Просто так обстояли дела — самый естественный порядок в мире.

Мы с друзьями жили в одном мире ожиданий. Я помню год бар-мицвы наших друзей-мужчин из восьмого класса. Мы, девочки, сидели в женском отделении синагоги и очень гордились “нашими мальчиками”. Если мы вообще думали о себе, то это было примерно так: “Слава Богу, что мы женщины и нам не нужно проходить через это публичное испытание”. Что примечательно, никогда не было никакой зависти к тому, что делали мальчики, никогда не возникало мысли “почему не мы?”. Возможно, это было потому, что мы знали, что настанет наш важный момент: как приличные юные леди, выросшие в современном православном сообществе 1950-х годов, *нашим* обрядом полового созревания были Сладкие шестнадцать.

Моя недолгая встреча с ежедневной молитвой закончилась, когда мне было четырнадцать. Я окончила местную ешиву в Фар-Рокуэй, штат Нью-Йорк, и начала ездить на работу в среднюю

школу-ешиву для девочек в Бруклине. Это означало встать на час раньше, чтобы успеть на поезд на Лонг-Айленд в 7:18, поэтому первым делом нужно было помолиться. У меня это превратилось в науку: если накануне вечером разложить свою одежду в точном порядке, я смогу поставить будильник на 6:52, встать, умыться, одеться, съесть горячий завтрак, без которого, по настоянию моей матери, человек не может каждый день смотреть в лицо миру, и при этом еще успеть быстро дойти до поезда. Я бы каждый день бронировал четырехместное место в одной и той же машине. Как только поезд начинал отходить, мои друзья, посещавшие ешиву для мальчиков, сбегали с платформы и запрыгивали в медленно движущийся поезд. Я знал, что они были на ногах с шести часов, чтобы иметь достаточно времени для *шахарит*, обязательной утренней молитвы. Вот они были там, с немного затуманенными глазами, уже опустошенные в 7:18, с одной лишь упаковкой Sen-Sen на завтрак. Это были замечательные, забавные поездки. Хотя я каждое утро смеялся с мальчиками, я, конечно, не завидовал их более строгому режиму.

Мне также понравилась история о моем двоюродном брате Цви, которому тогда было тринадцать. Он направлялся из Сиэтла в ешиву Тельше в Кливленде. Это был ночной рейс, и из-за задержки и смены часовых поясов самолет все еще находился в воздухе, поскольку приближалось время утреннего богослужения. Будучи трезвомыслящим тринадцатилетним подростком, когда дело касалось религиозных обязанностей, Цви прошел в хвост самолета, пристегнул свой тфиллин и начал молиться. В 1950-х годах требовалось большое мужество, чтобы так бросаться в глаза; многие американцы, особенно на Западе, искренне верили, что у евреев есть рога. Стюардессы Northwest Airlines, однако, среди них не было. Она нежно обняла Цви и сказала: “В чем дело, сынок, ты не думаешь, что у тебя все получится?” Помимо юмора, я очень гордился своим двоюродным братом, который был на год младше меня, но почему-то я никогда никак не связывал его опыт с моей собственной религиозной жизнью.

В пятидесятые годы современное православное сообщество только начинало оказывать влияние. Православие претерпело ужасный упадок после великой волны иммиграции. В Нью-Йорке было несколько выдающихся раввинов — Лео Юнг, Джозеф Лукштейн, Эмануэль Ракман, — которые инициировали процесс восстановления ортодоксальности как уважаемого еврейского варианта в современной Америке, но в пятидесятые годы этот процесс был еще незавершенным. Потребовались бурные шестидесятые, со всем разнообразием экспериментов в самоутверждении того десятилетия, прежде чем остальная часть страны смогла принять этническую принадлежность. И евреи не были исключением. Многим евреям потребовалась Шестидневная война, чтобы воспитать в себе достаточно гордости и преодолеть удушающее самосознание.

Между тем, в пятидесятые годы ортодоксальные евреи жили своей жизнью с большой верностью Галахе, даже когда пытались “пройти” в обществе в целом. В конце концов, зачем привлекать особое внимание к партикуляристскому образу жизни? “Будь евреем дома, человеком на улице” было негласным социальным принципом. И как проявилась эта тонкая настройка? В одежде, речи, имени.

Эволюция *кипы* является показательным примером. В пятидесятые годы этот головной убор, обязательный для каждого соблюдающего закон еврея мужского пола, все еще назывался на идише, *ермолка*—*кипа* это ивритский термин - и уж точно не был таким, как сегодня. Вместо тех

маленьких аккуратных кружочков, тонко связанных крючком, которые вы видите сегодня повсюду, в 1950-х годах предлагали только черную вискозу или шелк в полный размах ладони.

По собственному выбору и ожиданиям мой круг общения ограничивался посетителями ешивы. Хотя я не помню, чтобы когда-либо обсуждала с кавалером, что он думает по поводу ношения *кипы*, я всегда могла наблюдать различные способы решения этого вопроса в общественных ситуациях. Никто никогда не видел, чтобы *кипа* подпрыгивала на Пятой авеню на пятидесятих улицах. Шляпа или кепи летом бросались в глаза немного больше, чем зимой, но не были такими уж диковинными. Однако самое серьезное испытание наступило, когда молодые люди вошли в общественное место — театр, кинотеатр, библиотеку. Если бы это не был ресторан, большинство моих знакомых молодых ортодоксальных мужчин, даже студенты-раввины, ходили бы с непокрытой головой на короткое время (сегодня их сыновья пришли бы в ужас от этого). Кроме того, существовали всевозможные перестановки и комбинации — надевать *кипу* перед тем, как произнести благословение над газировкой с мороженым, а затем снимать ее перед едой, или ждать, пока в зале погаснет свет, прежде чем надеть ее. Дело было не в том, что все это делалось украдкой или с чувством вины. Все это было небольшим безобидным маневрированием, позволяющим молодому человеку и его спутнице чувствовать себя как дома в более широком спектре социальных, общественных условий.

Как я относился ко всему этому? С чувством облегчения, потому что мне не пришлось справляться с обременением в виде *кипы* в дополнение к обычному подростковому грузу социального самосознания. Я могу вспомнить, как в начале ухаживания за мужчиной, который должен был стать моим мужем, время от времени испытывала дискомфорт из-за того, что он никогда не снимал свою *кипу* в общественных местах. Не к моей чести, я даже помню один вечер в опере, о котором я не слышала ни слова, хотя все это время сидела и думала: “Почему он не может быть более разумным, менее бросающимся в глаза?”

Это не должно быть рассуждением об искусстве ношения *кипы* в пятидесятые годы. Скорее, это для того, чтобы указать на то, что для молодой женщины, выросшей в то время, границы были четко очерчены, и я была рада освободиться от ответственности в том, что касалось определенных религиозных обязанностей. Мне никогда не приходило в голову, что это было открытое проявление религиозной стойкости, формальное заявление о том, за что боролся молодой человек. И хотя не было никаких гарантий, что это на всю жизнь — многие молодые люди сломались под бременем *кипы* и ежедневных молитв, — это все же был более сложный путь, чем тот, который был намечен для молодой женщины. Очень тонкий побочный намек заключался в том, что евреи мужского пола, прошедшие тесты, были высшей породой.

У меня было прекрасное еврейское образование, лучшее, какое только может быть у девушки. Моего отца всегда больше интересовали мои занятия ивритом, чем светские, и он регулярно занимался со мной и моими сестрами. Моя мать, более практичная женщина, также поощряла мои занятия ивритом. Пережив депрессию, она считала, что лицензия учителя иврита подобна деньгам в банке — лучшей страховке, которую может купить девушка. Почему именно учитель иврита? Это было едва ли не самое высокое карьерное достижение для еврейской образованной женщины пятидесятих годов. Мы были семьей, ориентированной на достижение результатов, поэтому наряду с нашими светскими дипломами мы с сестрами и большинством наших друзей добавили еще одну отметку к нашему приданому - лицензию учителя иврита.

Тот факт, что преподавание иврита было низкооплачиваемой профессией, не имел большого значения. В пятидесятые годы молодой еврейке действительно не нужно было беспокоиться о том, как заработать на жизнь. Это был скорее вопрос ожидания, когда придет мистер Райт и возьмет на себя то, на чем закончилась родительская поддержка. В глубине души, возможно, тревоги молодой женщины были сильнее: ей приходилось несколько пассивно ждать, пока мужчина создаст для нее будущее, в то время как у молодого человека было ощущение, что будущее находится в его руках. На первый взгляд, однако, я думаю, что быть женщиной было легче. Грузы были аккуратно упакованы, а тот, что был помечен как “женский”, был легче.

После моей женитьбы в конце 1950-х годов мое чувство удовлетворенности и самореализации скорее усилилось, чем уменьшилось. Образ жизни традиционной еврейской женщины меня вполне устраивал. Все эти банальности о создании верного еврейского дома были далеко не так приятны, как сама реальность. Более того, ни одно из этих обязательств не исключало учебы в аспирантуре и планов относительно карьеры. Это было время мирного сосуществования традиционных ролей и первых признаков самореализации женщин. Я считала, что мне очень повезло, что у меня есть муж, который заботится обо мне, а я о нем — более того, мужчина, который поощрял меня расширять мои собственные горизонты.

Религиозная роль замужней женщины также была идеальной в моих глазах. Я нашла четкое разделение труда и его не подлежащее обсуждению качество наиболее удовлетворяющими. Мне никогда не приходило в голову, что выполнение определенных заповедей опосредованно было чем-то меньшим, чем реальность. Совсем наоборот. Когда моему мужу пришлось уехать в субботу, то то, что я произносила благословения над вином и хлебом для наших маленьких детей, только усилило мое чувство одиночества по отношению к нему.

Значит, на самом деле он должен был выполнять свои заповеди, а я - свои. Я не искал ничего большего, чем у меня было, и уж точно не в плане религиозных обязательств или прав. В те жутко холодные субботние утра я был просто счастлив еще часок поваляться в теплой постели и поиграть с детьми, а не бросать вызов непогоде. Я могла выбирать: ходить в синагогу, когда захочу, или молиться дома, когда захочу; у моего мужа не было выбора.

The *Мехица*, отделяющая мужчин от женщин в синагоге, служила символом разделительной линии. Хотя в том, чтобы сидеть за *мехицей*, были определенные вещи, которые я не совсем ценила, ни одна из них не казалась посягательством на мою женственность. Я не только не воспринимал *мехицу* как оскорбление женщин в синагоге, но и не мог понять, почему некоторые евреи так себя чувствовали. На каком-то уровне для меня *мехица* символизировала древний, естественный, незыблемый порядок мужского и женского. В таких вещах никто не сомневается.

Все это не означает, что я вел совершенно послушное существование в рамках этого естественного порядка вещей. Были определенные инциденты, которые заставляли меня беспокоиться о внешних границах, но они были изолированными, спорадическими и несвязанными. Я не рассматривал их как часть какой-либо значимой схемы.

На первом курсе колледжа я несколько месяцев учился в Израиле в институте учителей иврита. Нехама Лейбович была моим преподавателем Библии. Она была самой блестящей, волнующей учительницей, которая у меня когда-либо была, и она стала для меня экстраординарной моделью. Когда приближалось время возвращаться домой, я решил, что хочу взять годичный

отпуск в Бруклинском колледже, куда я был зачислен, и просто интенсивно заниматься с Нехамой. В то время она преподавала в пятнадцати разных местах, от армейских лагерей до семинаров в кибуцах и учебных групп для иерусалимских дам среднего возраста. Моим намерением было сделать Иерусалим своим домом, следовать за Нехамой во все места, где она преподавала, и учиться у нее день и ночь. Как восемнадцатилетний парень с поразительным отсутствием амбиций, это было, пожалуй, единственным необычным занятием, которым я хотел заниматься. “Вернуться домой и закончить колледж”, - сказали мои родители. “Ты сумасшедший”, - говорили большинство моих друзей. Думаю, в глубине души я каким-то образом понимал, еще в пятидесятые, что это не то, на что способна милая ортодоксальная еврейская девушка. Не будучи напористой или ужасно независимой, я вернулась домой, чтобы поработать над знаменитыми *гилйонотами* Нехамы (библейскими вопросниками) и быстро перейти к следующему этапу. Но даже когда я это делал, я тихо понимал, что, будь я молодым человеком, желающим остаться и интенсивно учиться у особого израильского ребе, меня бы всячески поощряли.

Еще одним инцидентом, заставившим задуматься, был *ойфруф* моего кузена Аллана. (Это церемония вызова жениха для чтения Торы в синагоге в субботу, предшествующую свадьбе.) *Ойфруф* должен был состояться в синагоге в миле от того места, где мы жили в то время. Я с нетерпением ждал этого события, потому что там будут многие мои родственники из Сиэтла, которых я давно не видел. Я договорилась с няней прийти в 9:30; мой муж ушел на час раньше, чтобы успеть к началу службы. Назначенный час прошел, затем 10:30, а няни все еще не было. В то время на Манхэттене не было *егув* (окружной границы, меняющей юридическую природу собственности), которая позволила бы мне толкать коляску в субботу; я просто не мог дойти пешком с младенцем и малышкой до синагоги, расположенной в миле отсюда. Я сидел там целый час, разодетый, в шляпе, мрачно ворча на весь мир, в то время как двое моих маленьких сыновей играли у моих ног. Хотя я не мог облечь свое разочарование в какие-либо рамки, у меня было смутное ощущение, что помимо моей собственной неспособности принять какие-либо меры на случай непредвиденных обстоятельств, были некоторые ситуации, в которых разграничение приводило меня в замешательство. “Если бы синагога не была мужским занятием, - мысленно надулась я, - то почему-то в *ойфруфе*.”

Эти и другие инциденты, тем не менее, остались в прошлом. В сумме они ни к чему не привели, и уж точно их было недостаточно, чтобы поколебать мое равновесие.

А потом пришел феминизм. В 1963 году я прочитала “*Женскую мистику*” Бетти Фридан, до сих пор являющуюся классическим текстом женского движения. Меня немного пугала его сила, и у меня были проблемы с тем, что казалось мне признаком трений между полами, но основная идея - равенство женщин - была волнующей, ошеломляющей и очень справедливой. Тем не менее, правильно это или нет, это не относилось ко мне и не относилось к женщинам в иудаизме. На этот счет я защищалась, сопротивлялась и, вероятно, просто испугалась. Должно быть, это поставило под угрозу мой статус-кво.

И все же... Как только я вкусил плод с древа познания, пути назад уже не было. Основная идея нашла пристанище где-то внутри меня. Мало-помалу, и при большом подталкивании со стороны моего мужа, я стала более восприимчивой к вопросам и ситуациям, которые раньше не производили на меня никакого впечатления. Часть моего самодовольства испарилась; мое спокойствие усилилось. Вместо слепого принятия я медленно начал задавать вопросы, не

совсем уверенный, хочу ли услышать ответы. Из-за того, что я был так доволен, из-за того, что у меня не было чувства несправедливости, некоторые новые идеи, включая мои собственные, стали для меня шоком. Вещи, которые раньше проносились мимо меня, теперь я должен был ухватиться за них на мгновение, чтобы рассмотреть в белом свете равенства.

Я начала думать не только об этой идее, но и о себе как женщине — об отношении к людям, о месте в обществе в целом, о карьере и, наконец, об иудаизме. Я не оглядывался на свое прошлое и не говорил, что оно было плохим. На самом деле, я знал, что оно было очень хорошим. Я начал с того, что, возможно, все могло быть лучше. Опять же, это был не тот случай, когда я закрывал глаза и напряженно думал. Вместо этого это была серия инцидентов, встреч, вопрос времени; это были также воспоминания, обзор, в ходе которого отдельные инциденты начали всплывать как часть закономерности. Теперь эту модель предстояло протестировать на новой системе ценностей.

Прошло почти десять лет, прежде чем я начал систематически применять новые категории к своему еврейству. Когда я пересматривал свое образование, всплыл один факт — факт настолько очевидный, что я был ошеломлен больше своей невосприимчивостью к нему на протяжении многих лет, чем самим фактом. Дело было в следующем: изучение Талмуда, которое было главной целью в моей семье и обществе, постоянно было закрыто для меня. Начиная с начальной школы, девочки изучали израильские народные танцы, а мальчики — Талмуд. В средней школе-ешиве в отделении для девочек не было курса изучения талмуда; в отделении для мальчиков было три часа в день. В Израиле, на семинаре по иудаизму, все занятия были совместными, за исключением талмуда. В течение одного дня девочки изучали законы и обычаи, а остальные четыре дня были свободны.

А потом был мой отец. Величайшей любовью его жизни, помимо семьи, был не его бизнес; это было изучение Талмуда. Каждый день, перед уходом на работу, он проводил час за изучением Талмуда со своим другом раввином. Фактически, он не пропустил ни одного учебного дня в своей жизни, даже во время семейных каникул или в периоды стресса. И все же, хотя он регулярно просматривал религиозные тексты со своими дочерьми, это никогда не был Талмуд. Он даже задерживал моих кавалеров, пока я готовилась, на несколько минут для обсуждения Талмуда. То, что в те годы мы не принимали более непосредственного участия в увлечении нашего отца изучением Талмуда, не было умышленным отрицанием с его стороны; он просто следовал священному обычаю. В результате всего этого, когда мне было под тридцать, я начал изучать раввинскую литературу в аспирантуре, я понял, что у всех моих сокурсников мужского пола за плечами пятнадцать-двадцать лет изучения Талмуда.

Постепенно я также осознал силу обусловленности и то, как рано в жизни это происходит. В последнюю субботу, когда мой муж служил раввином общины, мы с детьми решили сделать ему сюрприз. Моше, которому тогда было десять с половиной лет, подготовил чтение хафтары, девятилетний Давид — молитву *Аним Земирот*, а шестилетний Джей Джей — *Адон Олам*. Это было настоящим праздником для их отца и для всей паствы; мальчикам казалось, что весь мир гордится ими. В следующее воскресное утро их навестили бабушка с дедушкой и дали каждому из мальчиков по два доллара за такую прекрасную работу. Когда мальчики сказали Деборе, которой тогда было восемь лет, что каждому из них дали по два доллара, она пожаловалась, что это несправедливо. На что Моше возразил с язвительной честностью десятилетнего ребенка:

“Ну и что, ты даже в синагоге ничего не можешь сделать!” Щелк, щелк, подумала я про себя, еще одна женщина радикализировалась.

Как ни странно, до этого момента мне никогда не приходило в голову, что все может или должно быть иначе, что, возможно, это было “несправедливо” по отношению к маленькой девочке. Еще более поразительным был тот факт, что за все недели тайных тренировок, за всю суету, которую я поднял из-за мальчиков заранее, и за все комплименты, которые они получили после, Дебора ни разу не пожаловалась. В конце концов, до нее добрались только два доллара; ко всему остальному она уже была приучена. ... ничего не ожидать.

Начали складываться другие сцены. Когда умер мой дядя Иззи, вся семья собралась на его похороны. Он был веселым, экспансивным человеком, которого все любили. Особое место в его сердце занимали шестеро внуков, особенно две девочки, которые выросли в его доме. В своей хвалебной речи раввин прокомментировал эти особые отношения. В конце службы он попросил внуков проводить гроб из синагоги. Трое мальчиков и три девочки, все подросткового возраста, вышли вперед. Президент общины поспешил к девочкам и попросил их сесть. Раввин, по его словам, имел в виду только внуков мужского пола.

Несколько месяцев спустя мы с мужем отправились навестить подругу и ее дочь, которые отмечали шиву, семидневный траур. Мы прибыли как раз к вечерней службе. Мужчины встали, чтобы помолиться. Женщин, включая двух плакальщиц, вывели в фойе квартиры, чтобы они молча стояли, пока мужчины молились. Мужчины, организовавшие службу, не подумали снабдить женщин молитвенниками, даже двух женщин-плакальщиц. Им также не пришло в голову самим перейти в фойе, по крайней мере, для того, чтобы позволить женщинам остаться сидеть в гостинной. Казалось, как только начался момент молитвы, женщин больше не существовало. Ни одного из присутствующих мужчин нельзя было назвать невоспитанным; каждый был внимателен к женщинам, и все проявляли заботу о двух скорбящих, жене и дочери покойного. И все же, стоя в своем укромном уголке фойе, я вспомнила картину, которую когда-то видела, на которой мусульманские женщины с младенцами сидели в похожей позе, и про себя удивилась тому, насколько самодовольной я была тогда.

Поворотный момент для меня наступил в 1973 году. По чистой случайности меня пригласили выступить со вступительной речью на Первой Национальной конференции еврейских женщин, которая должна была состояться в отеле McAlpin в Нью-Йорке. За месяц до конференции две молодые женщины, Арлин Агус и Тоби Брэндрисс, пришли к нам домой, чтобы обсудить конференцию и пригласить моего мужа принять участие в дискуссии в воскресенье утром. Пока мы болтали, я периодически вмешивалась. Несколько раз мне приходилось выходить из комнаты, чтобы присмотреть за детьми. В какой-то момент я ушла укладывать спать нашу шестилетнюю дочь Гуди. По установленному обычаю, перед отходом ко сну Гуди приготовилась прочитать молитву *"Шема Исраэль"*. Несколько днями ранее мы купили последнюю запись израильского фестиваля хасидского фольклора, на которой была прекрасная новая мелодия для *Шема*, совершенно отличающаяся от версии, которую мы привыкли петь перед сном. Укладывая Гуди, я спела с ней *"Шему"* на новую мелодию. Затем, как раз когда я собирался выйти из комнаты, она тихо сказала: “Теперь мы можем произнести настоящую *Шему*?” Несколько мгновений спустя я пересказал эту историю нашим посетителям и добавил со смехом: “Вот вам пример того, почему с вашими новыми идеями будет так трудно чего-либо добиться”. Их ответ застал меня врасплох. “Скажите, - с полной непосредственностью спросила

одна из посетительниц, - как *бывы* отнеслись к тому, чтобы выступить на открытии сессии в пятницу вечером с доктором С. [хорошо известной женщиной-оратором]?” На следующий день позвонили Тоби и Арлин и с некоторым смущением сообщили, что доктор С. не хотел делиться платформой, тем более с таким неопитом, как я; не буду ли я возражать вместо этого провести семинар? “Хорошо”, - сказал я. Две недели спустя они позвонили снова. Женщина решила вообще отменить встречу; могу ли я произнести вступительную речь? Это определенно был случай оказаться в нужном месте в нужное время.

До этого я размышляла о еврейских проблемах феминизма лишь бессистемно — в душе, наблюдая за людьми, мечтая наяву в синагоге или в школе, размышляя над соответствующими темами, с которыми я сталкивалась в классических еврейских источниках, и смутно соотнося фрагменты всего этого со своим собственным опытом. Теперь я был вынужден собрать свои разрозненные мысли, исследовать, сосредоточиться. Когда я напрямую обратилась к источникам, я обнаружила, что больше не могу принимать апологетическую линию, столь популярную среди представителей традиционной еврейской общины, которые пытались бороться с феминизмом. Разные назначения на роли? Да, эта часть была правдой. Но подлинное равенство? Было просто слишком много доказательств обратного. С другой стороны, мое происхождение и даже моя любовь к традиции дали мне другой взгляд на феминистское движение. Мне казалось, что необузданный феминизм не соответствовал некоторым основным человеческим ценностям. Таким образом, по мере развития моего выступления оно превратилось в обоюдоострую критику еврейской традиции по отношению к женщинам и феминизму, каждой с точки зрения другой.

Ответ был весьма поучительным. Я обнаружила, что были некоторые феминистки, которым нравилась критика еврейской традиции, но они не потерпели бы никаких возражений против феминизма. Они аплодировали первой части моего обращения и шипели на вторую. В моих более поздних беседах с ними и в моих наблюдениях на протяжении всего уик-энда я начала понимать, что именно их коллеги по более широкому феминистскому движению (о которых я читала) заставили меня задуматься. Я думал о них как о “ортодоксальных” феминистках, потому что феминизм был для них религией — священной, неприкасаемой, нерушимой. Они были громогласным меньшинством, радикальной окраиной, которую своекорыстные СМИ проецировали в центр, упуская из виду более уравновешенные, менее озлобленные элементы движения. Возможно, радикальная окраска - необходимая закваска в любой бескровной революции, но для меня это был также урок осознания того, насколько глубоко эта окраска может дискредитировать само движение, которое оно считало идеальным. Это была важная встреча для меня. После того уик-энда я обнаружил, что мне меньше нужно предварять свои комментарии по этому поводу такими замечаниями, как “Я не сторонник свободы действий в отношении женщин”. Я обнаружил, что ты все еще можешь быть кроткой девушкой из ешивы и феминисткой с карточками в руках и не чувствовать себя все время не в своей тарелке.

Более значительным был сам опыт проведения конференции и большая группа присутствующих. К моему изумлению, там было около пятисот женщин со всех концов континента, а не только двадцать пять закоренелых типов, которые я ожидал найти. Хотя все они были феминистками, они не были враждебны иудаизму. Очень многие из них, особенно те, у кого не было обширных еврейских корней, пришли в иудаизм через феминизм: в процессе поиска своих женских корней они начали искать свои еврейские корни. Тон был не таким, как я

опасался, - пронзительная семидесятидвухчасовая тирада против еврейской традиции. Вместо этого весь уик-энд был наполнен огромной любовью к иудаизму.

Более того, оглядевшись вокруг, я был поражен, увидев, чего добились организаторы конференции — горстка женщин за двадцать, по большей части неопытных волонтеров, — отлаженной, хорошо синхронизированной, насыщенной программы, в которой есть что-то ценное для каждого. Я тогда преподавала в колледже, который был основан и успешно управлялся женщинами, но я думала, что только накрахмаленные монахини или сверхэффективные дамы из Хадассы могут сделать что-то настолько профессиональное, настолько успешное. Это был поразительный урок женской инициативы.

После конференции я начал понимать ценность когорт, силу, которую человек черпает в сообществе единомышленников — поддержке, тестировании идей, взаимном обогащении. До тех пор, за исключением бесед с моим мужем, этот процесс был для меня очень личным.

Я научилась расслабляться, не быть такой жесткой, когда дело доходило до женских экспериментов с новыми обязанностями. Я слышала, что в ходе конференции будет женский миньян. Естественно, я не стала бы участвовать! Первый миньян состоялся в пятницу вечером перед официальным открытием конференции, когда я должен был выступить с основным докладом. Я молился один в своей комнате, чувствуя себя, с одной стороны, совершенно уверенным в своей правоте, а с другой - уверенным в том, что, поскольку я знал там всего двух или трех человек, никто не заметит моего отсутствия. Однако к утру субботы я был известной личностью, и держаться подальше от богослужений было бы бросающимся в глаза. Очень нерешительно я спустилась в женский миньян и села как можно дальше в глубине комнаты. Я была поражена, услышав, что молитву ведет женщина. Затем последовал еще один сюрприз — мелодичный женский голос, читающий Тору с идеальной певучестью. Почему-то я думал, что только тринадцатилетние мальчики справляются с этой задачей. Я нашел это очень красивым.

Наконец, произошло настоящее потрясение. После чтения Торы я увидел двух женщин, исполнявших обязанности габбаим (служителей синагоги), которые шли по центральному проходу к тому месту, где я сидел. Последнее, чего я хотел на свете, - это почетного звания в синагоге. Я молча молился: “Пожалуйста, пусть это буду не я”. Конечно же, они пришли пригласить меня выступить в честь *хагба’а* (воскрешения Торы перед тем, как ее вернут в ковчег). Выбери кого-нибудь другого, умоляла я. Они настаивали мягко, но твердо. Только хорошее воспитание подтолкнуло меня к алтарю. Затем произошло нечто такое, что заставило меня надолго задуматься о ценности отрабатываемых навыков. Я видел *хагбу* в исполнении по меньшей мере тысячу раз в своей жизни. И все же, стоя там, я должен был спросить женщину, стоявшую рядом со мной: “Что мне теперь делать?” Кроме того, к моему удивлению, застигнутый врасплох с отключенной защитой, я нашел это волнующим моментом. Это был первый раз, когда я держал в руках свиток Торы.

После конференции я начала думать более серьезно и прочитала кое-что из еврейской феминистской литературы, которая существовала в течение многих лет, но которую я, в своих личных размышлениях, каким-то образом пропустила. Я наткнулась на статью, написанную двумя годами ранее Рэйчел Адлер, которая до сих пор является одним из лучших и наиболее емких высказываний о еврейском феминизме, которые я когда-либо читала, и статью Труд Вайс-Розмарин, написанную еще в 1969 году, в которой убедительно рассматривались некоторые из центральных проблем, которые волнуют нас до сих пор. Мало-помалу я смог изучить, что

делают другие еврейские деноминации, не исключая ничего только потому, что консервативный, реформистский или реконструкционистский иудаизм пришел туда первым.

Тем не менее, это был нелегкий путь. Как и миллионы других женщин и мужчин, я в значительной степени спотыкалась на своем пути через эту революцию. Возможно, из-за того, что различия были такими четкими, резкими и четко очерченными, я часто испытывал эмоциональное сопротивление тому, что я мог бы принять на теоретическом уровне. Отчасти из-за того, что линии были так сильно прорисованы, мне было трудно понять, что такое форма и что такое сущность в традиционной дихотомии между мужчиной и женщиной. Еще труднее было понять, что в определенных моментах нормативной религии форма и суть суть одно и то же — но кто может знать эти точки пересечения?

В 1973 году я все еще мог сказать: “Женщины в реформаторском раввинате - это одно. Что касается меня, ортодокса, то я возьму своего раввина мужского пола, спасибо”. В первый раз, когда я увидел женщину, закутанную в молитвенный платок, моей инстинктивной реакцией было: “я из *Гаарец*”, невежда. Когда я впервые увидел молодую женщину в *кипе* в библиотеке Еврейской теологической семинарии, я подумал, что она притворяется; мне никогда не приходило в голову, что она может говорить всерьез. Когда я подошел ближе и увидел, что она изучает Мишну, я почувствовал прилив беспокойства. Остаток утра я не мог сосредоточиться на своей работе. Вместо этого я попытался понять, что она делала под этой бледно-голубой *кипой*. И я попыталась понять, почему мне было так не по себе. Было ли это из-за того, что кто-то снова переступил черту? Я знаю, какой будет моя реакция в тот день, когда я увижу, как какая-нибудь шикарная женщина расхаживает с *цицитом* — ритуальной бахромой, которую носят набожные еврейские мужчины. Может быть, если она не какая-нибудь эксгибиционистка, а скорее глубоко религиозная еврейка, в конце концов я преодолю свое учащенное сердцебиение и начну обдумывать, что за заявление она делает. Может быть, мне даже придется рассмотреть возможность того, что мои собственные правнучки будут обязаны носить какой-нибудь эквивалент *цицита*.

Иногда я ловил себя на том, что переключаю передачу с одного момента на другой. Однажды вечером, когда я сидел на выпускном курсе раввинской литературы, профессор отошел от своего объяснения имеющегося под рукой текста, чтобы прокомментировать статью, появившуюся тем утром на первой странице *New York Times* о решении Консервативного движения считать женщин в *миньяне*. “Этот еврей,” сказал он тоном, не лишенным насмешки, “встает утром. Пятеро его детей начинают вставать, и в доме сразу поднимается шум. Теперь он отправляется в синагогу на утренний *мишьян*. К тому времени, как он возвращается домой, его жена уже умыла, одела, накормила детей и отправляет их в школу. В доме снова тихо, и он садится за мирный завтрак и час неторопливо изучает материал. Когда он возвращается вечером с работы, в доме снова шум. Поэтому он берет свой молитвенник и Библию и снова уходит в синагогу. Теперь я спрашиваю вас, что он собирается делать, если его доброй жене придется отправиться в *мишьян*?” Этот рассказ был встречен продолжительным взрывом понимающего смеха.

В тот момент в классе находились четырнадцать человек из *ешивы* — половина из них раввины, остальные готовились к рукоположению — и я. Я рассмеялся вместе со всеми, но через три секунды сказал себе: “Почему я смеюсь?” Не было ли это примером того, как изначальная ассоциация мужчин с синагогой как мужским убежищем, а женщин - с домом и семьей

передавалась, пусть и очень тонко, от одного поколения к другому? Не желая подвергать опасности свое положение в группе и их милостивое принятие меня, я ничего не сказал. Я наблюдал, как они смеялись без меня. Осознавая, что произошло в тот момент, я начал задаваться вопросом, был ли основной вопрос здесь связан с противостоянием ортодоксов и консерваторов, как казалось, или, на гораздо более глубоком уровне, с противостоянием мужчин и женщин. Или и то, и другое было неразрывно связано? И если да, то к чему это привело меня?

Я начала понимать, что по мере того, как я становилась более открытой и меньше беспокоилась о своих феминистских порывах, многие в сообществе становились замкнутыми. Некоторые из вопросов были не только религиозными, но и политическими. Например, в 1976 году в моей синагоге решался вопрос о том, разрешать ли женщинам голосовать за членство. Несколько женщин спросили меня, какие правила действуют в других синагогах. Я понятия не имел, поэтому провел ненаучный опрос и обзвонил десять ортодоксальных синагог в районе Нью-Йорка. Примерно в трети из них женщинам разрешалось голосовать; в одной даже была женщина-вице-президент. В одном случае заместитель раввина сказал мне, что женщины не могут голосовать, но опять же, добавил он, и мужчины тоже; дела синагоги здесь были прерогативой олигархии из трех человек. В другой синагоге секретарша не соединила меня с раввином. Когда она услышала, по какому поводу я звоню, она возразила: “Конечно, женщины здесь не голосуют; это противоречит Торе. Ты не можешь беспокоить раввина такими глупыми вопросами. В третьей синагоге жизнерадостный пономарь, ответивший на мой звонок, ответил: “Когда женщины придут на миньян в 7:00 утра, я дам им право голоса”. Я не спрашивал его, применяет ли он это правило ко всем членам синагоги с правом решающего голоса; я уже знал ответ.

Я также нашел некоторые другие вопросы довольно оскорбительными, такие как обсуждение раввинской заповеди *кол иша эрва* (“женский голос ведет к распущенности”, подразумевая, что женщинам нельзя петь в присутствии мужчин). *Кол иша* не был популярной темой в ортодоксии пятидесятых и шестидесятых годов; если эта заповедь и имела какую-то религиозную искупительную ценность, она явно ускользнула от меня. Я наполовину подозревала, что *кол иша* был поднят в семидесятых годах как контрапункт новой свободе самовыражения женщин, и я открыто обсуждала этот вопрос, когда возникла необходимость. Для меня *кол иша* казался не чем иным, как откровенным оскорблением женского пола, произвольным ограничением женщин во имя одностороннего измерителя скромности. Может быть, это говорит кроткая девушка из ешивы?

По крайней мере, для меня процесс переплетения феминизма и иудаизма еще не закончен. Поскольку человек постоянно подвергается таким встречам и инцидентам, которые влияют на его мировоззрение, я подозреваю, что у меня будет достаточно возможностей пройти еще через несколько циклов размышлений и чувств, прежде чем все это стабилизируется. Я намерен держать глаза широко открытыми, наблюдая за тем, что работает, а что нет, что жизнеспособно в рамках еврейской традиции, а что нет. Я надеюсь получить более четкое представление о том, где должны быть проведены границы, какие уважаемые власти должны их провести и куда двигаться дальше.

Две вещи я знаю наверняка. Мои расспросы никогда не заставят меня отказаться от традиции. Я часть цепи, которая слишком прочна, чтобы ее разорвать, и хотя она не нуждается в защите от

меня, дитя традиции, я хочу защищать ее с яростью матери, защищающей своих детенышей. Но я также знаю, что никогда не смогу отказаться от новой ценности равенства женщин, даже если это может противоречить еврейской традиции. Поступить так означало бы утвердить принцип иерархии мужского и женского начал, а я больше не считаю это аксиомой иудаизма.

Я инстинктивно чувствую, что проведение линий важно и правильно как на фундаментальном, так и на трансцендентном уровнях. Разделение труда и функций, на самом деле, по-человечески целесообразно; сексуальная идентичность и самобытность обладают замечательной устойчивостью, уникальность мужчины и женщины выходит за рамки биологии. Тем не менее, есть много примеров, когда разделение по половым ролям в иудаизме не работает. Отрицать участие в том или ином опыте на том основании, что кто-то является мужчиной или женщиной, является актом бесчеловечности. Так или иначе, иудаизму придется найти способ преодолеть этот разрыв.

Между тем, таких людей, как я, вероятно, ожидает большое напряжение. Но это больше не пугает меня ни лично, ни с точки зрения системы. На самом деле, я подозреваю — на самом деле, я знаю, — что в конечном итоге иудаизм станет сильнее, а не слабее от этой встречи с феминизмом. Счастье для кроткой девушки из ешивы? Возможно, меньше наивности, больше беспокойства, постоянного зондирования, бесконечных вопросов. Конечно, это не план счастья. Но взаимодействие иудаизма и феминизма предлагает нечто другое: новые высоты в масштабе, более глубокое чувство зрелости и расширенную сферу ответственности за себя, общество и преемственность традиций — именно то, в чем заключается религиозная деятельность.

Теоретические основы равенства женщин в иудаизме

Я

Мы, приверженные традиционному иудаизму, стоим сегодня на перепутье в вопросе о женщинах. Феминизм нарушает наше прежнее равновесие, поскольку предъявляет фундаментальные требования к женщинам, противоречащие модели, созданной Галахой.

Феминистскую идеологию можно резюмировать следующим образом:

1. Женщины обладают тем же врожденным потенциалом, способностями и потребностями, что и мужчины, будь то в сфере духа, слова или дела.
2. Женщины обладают аналогичной способностью к интерпретации и сопутствующему принятию решений.
3. Женщины могут полноценно функционировать как “внешние” личности в более широких сферах жизни общества за пределами дома.
4. Женщины могут и должны иметь некоторый контроль над своей собственной судьбой, насколько это возможно для любого человека.

Давайте сведем эти широкие утверждения с уровня обобщения к теологии женщины как еврейки:

1. Верующая женщина обладает тем же врожденным видением и экзистенциальным стремлением к реальности искупительного завета, что и верующий мужчина.¹ Она обладает такой же способностью и потребностью находиться в присутствии только Бога и в контексте общества. Такая женщина достаточно зрела, чтобы принять ответственность за эти отношения и права, вытекающие из этих обязанностей. Если эти духовные дары не исходят естественным образом из ее души, она может быть образована и возвышена в них почти так же, как еврейские мужчины.

2. Еврейские женщины, так же как и мужчины, обладают умственными и эмоциональными способностями, позволяющими напрямую обращаться к наиболее священным еврейским текстам и первоисточникам. Еврейские женщины способны интерпретировать традицию на основе источников. Они могут быть вовлечены в процесс принятия решений, который является результатом сочетания унаследованных традиций с современными потребностями.

3. Некоторые женщины, как и некоторые мужчины, способны занимать руководящие должности, связанные с религиозным и физическим выживанием еврейского народа.

4. Женщины как класс не должны оказываться в дискриминационном положении в личных ситуациях. В таких вопросах, как брак и развод, женщина должна обладать не меньшим контролем или личной свободой, чем мужчина, и не должна подвергаться жестокому обращению в результате ограничения свободы.

Таким образом, таковы основные требования, которые женщина, чувствительная к новой, более широкой культурной системе ценностей, может перенести в свою еврейскую жизнь. Я не оспариваю здесь, считает ли галахический иудаизм женщину неполноценной, хотя в традиции есть более чем несколько источников, которые позволяют сделать такой вывод;² я также не приму за чистую монету те утверждения, которые ставят женщин на отдельный, но более высокий пьедестал. Я хочу сказать, что Галаха, вопреки феминистским ценностям, которые я описала выше, продолжает ограничивать женщин. В некоторых вполне реальных отношениях галахические параметры препятствуют росту женщин, как евреек, так и людей.

Я не говорю здесь обо всей Галахе. Нужно быть осторожным, чтобы не делать обобщений на основе определенных критических замечаний и не применять их к системе в целом. Фактически, моя критика могла вырасти только из глубокой оценки системы в целом — ее способности сохранять суть древнего откровения в виде ежедневного нового опыта; ее способности генерировать постоянное чувство родства, прошлого и настоящего; ее тесной связи с проблемами как непосредственными, так и потусторонними; ее психологической устойчивости; ее этической и моральной целостности. В целом, я считаю, что у еврея больше шансов прожить достойную жизнь, если он или она живет в соответствии с Галахой. Поэтому я не чувствую угрозы ни при рассмотрении вопроса о новых потребностях женщин в иудаизме, ни при признании ограничений Галахи в этой области. Действительно, сама моя вера в галахический иудаизм заставляет меня верить, что мы можем искать в нем новый уровень совершенства, как это делали евреи на протяжении трех тысяч лет.

Исходя из этого понимания, невольно возникает следующий вопрос: если новые феминистские категории воспринимаются как более высокого порядка определения женщины, чем те, которые ее ограничивают, то как нам объяснить разрыв между феминистской моделью и галахической моделью? Это становится еще более проблематичным, если учесть огромное

изобилие этических и моральных конструкций в иудаизме (например, предписания не оскорблять другого, поддерживать своего брата до того, как он упадет, не вводить другого в искушение, не судить, если только сам не сталкивался с такой же ситуацией). Как это возможно, что традиция с такой высокоразвитой чувствительностью к людям могла допустить хотя бы один закон или ценностное суждение, унижающее достоинство женщин, не говоря уже о множестве таких законов?

Существуют определенные внешние и внутренние факторы, которые объясняют недостаточность традиции в отношении женщин. Расслоение мужчин и женщин в иудаизме просто отражает иерархический статус мужчины и женщины во всех предыдущих обществах в истории человечества.³ Более того, в свете первичной модели еврейской женщины как домашнего создания - жены, матери, зависимой, вспомогательной — все другие роли и обязанности, которые, казалось, противоречили первичной модели, просто были устранены.⁴

Я не хочу подразумевать, что еврейские женщины подвергались угнетению. Это далеко от истины. Учитывая исторически всеобщее расслоение полов, а также модель еврейской женщины как инструмента и исключительный мужской (раввинский) выбор толкования закона, могло быть широко распространено злоупотребление бесправными. Но этого не произошло. На самом деле верно обратное; на протяжении всей истории раввинизма можно наблюдать удивительно мягкое и заботливое отношение к женщинам.

Тем не менее, сегодня существует необходимость пересмотреть статус женщин в определенных областях еврейского права. Во-первых, доброжелательная и заботливая позиция не прослеживается в каждом последнем случае раввинского законодательства.⁵ Во-вторых, патернализм - это не то, чего сегодня добиваются женщины, даже женщины традиционной еврейской общины. Все чаще такие женщины начинают задавать вопросы о равенстве, о более зрелом разделении ответственности, о лишении силы галахического толкования и законодательства их исключительной мужественности.

II

Я говорил о перекрестке, на котором мы стоим. Перекресток подразумевает выбор. Есть три способа, которыми галахические евреи могут действовать в отношении женского вопроса:

1. Мы можем вернуться к фундаменталистскому полюсу, где иерархия мужского и женского остается неоспоримой в большинстве сфер человеческой жизни.
2. Мы можем позволить новой системе ценностей проникнуть в нашу гражданскую жизнь, но не в нашу религиозную. Другими словами, женщин можно поощрять считать равными себе в социальной, экономической и политической сферах. Такова текущая позиция современной ортодоксии.
3. В рамках Галахи мы можем найти способы обеспечить рост и большее равенство в ритуальной и духовной сферах, несмотря на то, что нет никаких гарантий, к чему это нас приведет.

Я твердо убежден, что третий путь - это тот, по которому мы сейчас должны начать следовать. По общему признанию, меня подтолкнула в этом направлении современная западная гуманистическая освободительная философия светского женского движения; поэтому те, кто обвиняет меня в “заражении чужеродным телом”, абсолютно правы. Но есть ли в истории хоть

одна религия, включая иудаизм, которая не заимствовала из окружающей культуры? Реальный вопрос в том, что мы делаем с тем, что заимствуем? Каковы уникальные еврейские способы, с помощью которых мы перенимаем позитивные идеи, обычаи и ценности? Как мы можем улучшить нашу систему за счет этих новых приращений? И самое главное, каким образом они могут стать неразрывными с сущностью иудаизма?

Верно, первоначальный импульс для всего этого, как я уже сказал, проистекает из феминизма, но даже если бы такое движение не развилось, мне все равно хотелось бы думать, что творческое осмысление идеалов иудаизма Торы могло бы привести к тем же выводам. Таким образом, главная проблема этих наблюдений связана с органическими, внутренними изменениями, изменениями в нашей частной еврейской жизни, не опосредованными обществом, квотами, позитивными действиями и тому подобным — изменениями, основанными на внутренних еврейских ценностях и вызванными к жизни галахическим образом жизни.

III

Давайте кратко рассмотрим некоторые принципы работы Галахи. Галаха - это не просто сборник законов. Это образ жизни или, правильнее сказать, образ жизни. Для еврея жизнь, направленная Галахой, является максимально приближенным к совершенству образом жизни. Сумма его составляющих — соблюдение субботы, кашрут, благотворительность, наличие семьи, принадлежность к общине, обучение детей, изучение Торы, любовь к Богу — бесконечно больше, чем каждая из частей. Все великое и малое — произнесение благословения над новой одеждой, или после очищения, или над различными видами пищи; стрижка ногтей на ногах или разбивание яйца по—еврейски - каждое минутное действие еще больше очищает эту еврейскую сердцевину.

Почему я говорю “почти совершенный”? Галаха - это система, которая постоянно совершенствуется. Действительно, раввинская традиция подчеркивает роль человечества как партнера в задаче совершенствования несовершенного мира. Нельзя не воспринимать Галаху как текучую, динамичную систему. Гибкость в отношении конкретных законов, касающихся женщин, сама по себе является примером такого динамизма.

Галаха интерпретирует и отражает реальность, а не только традицию. Галаха никогда не действовала в рамках полностью закрытой системы. Всегда учитывались непосредственные обстоятельства и более широкие общественные силы. Даже когда раввинские лидеры принимали ограничительные законы, это тоже было формой взаимодействия с более широким обществом. Вся литература *gesponsa* отражает эти влияния. То же самое относится и к таким раввинским концепциям, как *гезерах ше-айн ха-цибур яхоль ла-амод бах* (“ограничения, налагаемые на население, которые большинство не может вынести, не должны применяться”) и *дина де-малхута дина* (“гражданское право страны есть закон”).

Методы переосмысления встроены прямо в систему. Именно правильное использование этих методов позволило раввинскому иудаизму оставаться верным прошлому, даже когда он переопределил и перенаправил настоящее и будущее. Методы также допускали разнообразие, допуски, основанные на местном использовании, определенный плюрализм. В конце концов, как в нормативной системе могут быть два способа сделать что-то без того, чтобы каждая сторона не считывала другую с сообществом? Отсюда и принятие различных *минхагим*

(обычаев). Как только определенный *минхаг* выдерживал испытание временем, он становился неотъемлемой частью Галахи.

Еще более ярким примером техники галахического приспособления является использование *асмахты*, отрывка из Священных Писаний или слова, к которому привязан новый переход. *Асмахта* часто кажется нелогичной, надуманной, произвольной. Однако логика кроется в самой технике. Используя *асмахту*, человек никогда не упускает из виду первоначальное откровение на Синае, даже несмотря на то, что новая интерпретация может выходить далеко за рамки старой. Другими галахическими методами достижения аналогичных целей являются такканот (директивы, принятые учеными-галахистами, имеющими силу закона), *гезерот* (постановления о мерах предосторожности) и *хораат шаа* (постановления о чрезвычайных ситуациях); даже пилпулистские толкования использовались для дальнейшей разработки и уточнения правовых постановлений.

Кажется, возникает центральная тема: там, где была воля раввинов, был и галахический путь. Это не значит, что талмудическая и постталмудическая литература не является “законом Моисея на Синае”. Это так, но это также суть воли раввинов, которые находят галахический путь. Как мы назовем это? Продолжающееся откровение? Мудрое толковательное суждение, основанное на унаследованной традиции? Понимание, данное богом или интуитивно, подходящего момента для большей сдержанности, или ослабления правил, или повышенной ответственности? Несомненно, решение раввинов принять показания жены или единственного свидетеля — как достаточное доказательство для установления факта смерти мужа и тем самым освободить ее для повторного брака — является признаком раввинского сострадания, которое каким-то образом нашло галахическое выражение. Несомненно, Раббену Гершом, авторитет десятого века, использовал свою власть и положение, чтобы принять таккану (постановление), запрещавшее принудительный развод.

Отдельным ученым была предоставлена большая свобода в толковании. Отсутствие централизации власти со времен Второго Храма и далее не воспринималось как слабость раввинской традиции. Концепция *море де-атра* (следования постановлению местного раввинского органа), полное раскрытие споров между учеными, передача решений меньшинства наряду с решениями большинства — все это так же фундаментально для работы Торы, как и сама Тора.

В библейской и раввинской литературе большое внимание уделяется этическому содержанию. Этические принципы, по крайней мере, так же важны, как ритуальные.⁶ Концепция равенства как в этической, так и в ритуальной сферах выступает не только как принцип, но и как процесс — постепенный переход от общества, где было разрешено рабство, к фактической отмене рабства; юбилейный год как средство избежать концентрации богатства в руках немногих; развивающаяся структура традиционного сообщества, а не иерархического; власть, основанная на заслугах (раввины), а не на рождении или богатстве (священники, левиты и землевладельцы). Очевидно, что эта тенденция в еврейской истории — от иерархии к завету, от рождения к заслугам — имеет далеко идущие последствия для женщин в иудаизме.

IV

В свете этих рабочих принципов Галахи следует задать несколько острых вопросов: служит ли галахическое расслоение полов явно богословской цели, то есть установлению связи с Богом?

Например, следует ли учитывать неравенство в законе о разводе, исключение из показаний в суде или недостаточность кворума, имеющего какую-то высшую ценность в иудаизме? Можно ли каким-либо образом понять освобождение женщин от обязанности изучать Тору или молиться в предписанное время в смысле *кедуши*, святости, “отстранения”? Нам не предлагают никаких причин для соблюдения кашрута, но мы ясно понимаем его как акт святости, особое призвание, символ уникальных отношений между Богом и еврейским народом. Так ли мы должны понимать расслоение мужчин и женщин в еврейском ритуале? Должны ли мы сказать, что вечным Божьим планом для полов была иерархия, один доминирующий и один подчиненный пол, как определяют нас закон и ритуал? Может ли быть так, что Бог, который любит все Свои создания, предпочитает и ценит преданность целого класса людей больше, чем другого? Или, возможно, мы можем сказать, что это неравенство отражает бесспорную социально-религиозную позицию древних времен?

Интуитивно и с новым пониманием этики равенства мужчин и женщин мне трудно принять любое представление, приписывающее Богу план иерархии полов: разделение ролей - да, в какой-то степени; но превосходство - нет. Это могло быть только ограниченное во времени человеческое толкование Божьей воли, от которого женщины теперь должны быть освобождены. Если расслоение мужчин и женщин носит скорее социологический, чем теологический характер, связаны ли мы с ним навсегда? Обязывает ли нас тот факт, что эта давняя социологическая истина была кодифицирована в Галахе, делать вечный принцип из исторической случайности? Для этого ответа мы должны обратиться к другим характеристикам Галахи, как я указывал выше: ее доказанная способность подвергаться переосмыслению в определенных областях, особенно в вопросах женщин; ее схема уравнивания неравных; ее учет человеческой субъективности; ее процесс самосовершенствования на протяжении длительного периода своего развития; ее акцент на этической чувствительности, чтобы ни один класс людей не чувствовал себя ущемленным; ее переход от приписываемого статуса к заслуженному, при этом авторитет проистекает из заслуг, а не рождения или пола.

Таким образом, кажется, что полное равенство женщин в иудаизме должно соответствовать более широким принципам Торы. На самом деле, нам следует сделать еще один шаг вперед. Если иерархия полов не выполняет никакой религиозной функции, если Галаха обладает способностью к переосмыслению, если равенство является основной позитивной ценностью в иудаизме, тогда общине и ее лидерам надлежит проявить инициативу; вместе они должны искать новые способы улучшения религиозного выражения и новые средства, с помощью которых можно добиться равенства женщин в традиции. Мы больше не услышим аргументов о том, что женщины требуют того или иного из Галахи. Скорее, проблему следует сформулировать в следующих терминах: Галаха, еврейский путь, призывает к переосмыслению в свете нового осознания женского равенства, женского потенциала.

V

Давайте применим эту теоретическую структуру к конкретным ситуациям. Учитывая безошибочную тенденцию к уравниванию в еврейском законодательстве о разводе, то есть постепенное ограничение абсолютных прав мужчин и постепенное расширение защиты женщин, современные раввины больше не могут ссылаться на неспособность исправить неравенство. Сказать, что у них связаны руки или что они могут разрешить отдельное дело, но не могут найти всеобъемлющего решения, - значит признать, что они недостойны возложенных

на них полномочий. Хуже того, это свидетельствует об отсутствии у раввинов желания найти галахический путь. Как еще объяснить нежелание некоторых *гедолим* (раввинских авторитетов) опираться на галахический фундамент, заложенный такими современными учеными, как Эмануэль Ракман, Элиэзер Берковиц и Зеев Фальк, которые предложили альтернативные решения в виде уважаемых галахических прецедентов? На самом деле эти *гедолим*, главные религиозные деятели современной ортодоксии, принимающие решения, говорят о том, что они чувствуют необходимость сохранить изначальную мужскую прерогативу в вопросах развода, поскольку они хорошо знают, что единственный человек, у которого связаны руки, - это женщина, которая часто становится объектом шантажа.

Аналогичным образом мы можем применить теоретическую модель к образованию и религиозному лидерству. Если изучение Торы и ее преподавание является чем-то очень ценным, превосходящим все другие заповеди, то что может оправдать закрытие части этой деятельности для половины нашего народа? Этично ли говорить, что женщины не справляются с этой задачей, особенно когда выдающиеся модели указали на обратное? Более того, вот наглядный пример того, как система постоянно совершенствуется. То, что принято сейчас в плане изучения Торы женщинами, было абсолютно недопустимо три поколения назад. Сара Шнайер, основательница образовательного движения "Баис Яаков" для девочек, в свое время столкнулась с серьезной оппозицией, но с того дня каждая молодая еврейка, получившая еврейское образование, пользуется ее дальновидностью и настойчивостью. Как только она добилась того, что сделала, те, кто наблюдал за этим, и те, кто понял это как более совершенное выражение еврейства женщины, каким-то образом нашли галахический способ сделать еврейское образование для женщин законным, даже желательным.

Давайте продвинем модель совершенства еще на шаг вперед и столкнемся с дилеммой лицом к лицу. Если изучение Торы и Мишны не запрещено женщинам, почему Талмуд остается под запретом? И если женщинам разрешено определенное обучение, почему это не поощряется? Ответ очевиден: потому что прямой доступ к образованию является ключом к религиозному лидерству в традиционной еврейской общине. Без этого женщина никак не сможет квалифицироваться как ученый, принимающий галахические решения или раввин. При равном доступе женщины начнут поднимать тревожные вопросы. Женщина, осознающая свой врожденный потенциал, начнет спрашивать: "Почему бы мне тоже не стремиться к знанию?" Женщина, равная по образованию любому студенту-раввину, рано или поздно спросит: "Почему я тоже не могу быть рукоположена?" В конечном счете, новое поколение родителей, придающих большое значение изучению Торы, спросит: "Почему бы не ожидать от наших дочерей того же, что и от наших сыновей?"

Отрицать исполнение этих ожиданий — значит предполагать, что женщины никогда не смогут сравняться с мужчинами по духу и интеллекту, и, следовательно, унижать и стыдить класс женщин; это также означает отрицать силу Галахи интерпретировать реальность - и жить. Если это ни то, ни другое, то это может быть лишь средством сохранения силы и авторитета как исключительно мужской прерогативы. В противном случае, кто бы не делился Торой со всеми, кто ее ищет.

Наконец, мы переходим к рассмотрению места женщин в еврейской литургии. Если молитва - это форма еврейского обязательства, если женщины-евреи питаются одним и тем же видением завета-искупления, как мы можем оправдать исключение их из единства духовного собрания?

Некоторые выдвинули бы знакомый набор устаревших аргументов — что честь общины умаляется из-за участия женщин, что женщины не способны постоянно соблюдать установленное время молитвы, что женщины не в состоянии справиться с напряжением между тем и другим. Но являются ли эти описания реальными для целого класса женщин? Были ли они когда-либо неотъемлемыми истинами или просто удобными предлогами для сохранения привилегий мужского братства, чей бизнес, что достаточно восхитительно, был сосредоточен на Боге?

Если кто-то осознает, что любое изменение противоречит сути Галахи, тогда не может быть общей вселенной дискурса выше уровня формы. Если, с другой стороны, мы начнем с идеи Галахи как божественного пути к совершенству, то сможем перейти к независимому исследованию формы и сущности. Если молитва (суть) первична в еврейской системе, а братство (форма) вторично, то следующим этапом было бы признание женщин равными в духовном сообществе и предоставление мужчинам возможности найти другое выражение своим братским порывам.

Чувство общности проистекает не столько из общего физического присутствия, сколько из общих воспоминаний и обязательств. Таким образом, еврей испытывает чувство родства даже тогда, когда молится в уединении своего дома. Таким образом, вовлечение женщин в литургию — публичную и частную — становится укреплением традиции и сообщества, а не разрушением. Если маленькие мальчики могут биологически вырасти до еврейских обязанностей, возможно, не стоит ожидать, что женщины смогут вырасти исторически.

VI

Вот и все для идеализированного представления еврейского феминизма. Несмотря на то, что теория кажется подходящей — внутренне непротиворечивой, органически связанной и галахически последовательной, — тем не менее остается много страха и сопротивления, которые выходят далеко за рамки научных соображений.

Обвинения антагонистов принимают разные формы: искажение Галахи, изменение неизменного, размывание иудаизма, подрыв семьи, уничтожение добродетелей женской скромности, размывание сексуальных ролей, смешивание религии с сексуальной политикой. И, наконец, завуалированная и отдаленная угроза того, что, хотя эти конкретные исправления в Галахе сами по себе могут быть прекрасными, вся эта переделка в конечном итоге подорвет Тору, традицию, заповеди, Галаху, нормы, веру, стабильность, укорененность; короче говоря, все, что нам так дорого.

Это действительно тяжелая ноша для еврейских феминисток. Несомненно, некоторые из озвученных опасений служат для того, чтобы те, у кого есть новые идеи, не слишком сильно отклонялись от курса. Тем не менее, с этими страхами необходимо бороться напрямую, поскольку они имеют свойство усиливаться, подпитываться сами собой, терять связь с реальностью.

Одним из аспектов этой реальности является то, что статус-кво, каким мы его унаследовали, не был полностью статичным. Безусловно, всякий раз, когда традиция претерпевает изменения, возникают риски. Но к Галахе не следует относиться как *к трупу*, быстро угасающему телу, которым нельзя пошевелить, чтобы оно не издало свой последний предсмертный хрип. Галаха предназначалась для сохранения, и есть существенная разница между сохранением и

замораживанием в твердом виде. “Сохранение” не исключает внесения в систему человеческих реакций, которые улучшат и расширят ценности Торы. Те, кто противопоставляет это утверждение ярлыкам консерваторов и реформаторов, просто играют в игру названий - простой способ избежать столкновения с проблемами.

Принимая на себя самый худший риск, если предоставление религиозного равенства женщинам окажется ужасной ошибкой для ритуальной жизни, должны быть признание и уверенность в том, что галахический иудаизм переживет безумие любого отдельного поколения. Думать иначе свидетельствует об отсутствии веры в божественность, а также в вечность Откровения и Завета. Это также свидетельствует о непреодолимой гордыне и космической нескромности - предполагать, что все религиозное предприятие полностью зависит от человеческих действий или бездействия.

Давайте теперь обратимся к обвинению в том, что эти адаптации представляют собой размывание иудаизма. Я нахожу себя совершенно сбитым с толку этим уравниванием, особенно когда слышу его перефразировку: “Нанеси удар идишкейту, удержи женщину от изучения Торы”. Действительно ли поощрение женского обучения или включение женщин в молитвенную структуру подрывает силу иудаизма?

Если религиозное сообщество действует в соответствии с критериями, которыми мы руководствовались на протяжении всей истории раввинизма, то это обвинение должно вылететь в окно. Мы должны задать правильные вопросы: позволяют ли перемены нам расти как евреям? Расширяют ли они каким-то образом нашу приверженность? Являются ли они серьезным и постоянным дополнением к религиозной жизни? Конечно, увеличение обязанностей и прав женщин нельзя приравнивать к добавлению пятой каймы к цицит или пятой разновидности лулава.⁷

Обвинение в том, что еврейские феминистки смешивают религию с сексуальной политикой, должно быть рассмотрено, а не опровергнуто. Те, кто говорит, что немыслимо, неразумно, нечестиво или нетрадиционно говорить о Галахе и политическом давлении на одном дыхании, просто скрывают исторические факты. Политика и давление — как содержание, так и искусство - безусловно, влияли на галахические решения на протяжении всей нашей истории. Как лидеры могли бы узнать потребности отдельных людей и групп с особыми интересами, если не с помощью политики, давления, силовых игр, протеста и мольбы? Эти действия позволили тем, кто обладал знаниями и властью, по-другому субъективно подходить к своей задаче толкования закона.

Вопрос о *цниуте* часто поднимался при обсуждении подобных вопросов. (*Цниут* - это концепция, которая включает в себя конфиденциальность, скромность, сдержанность, порядочность и целомудрие.) Утрачивается ли это достоинство по мере того, как женщины берут на себя общественные и частные роли, ранее отведенные только мужчинам? Да, если мы определяем, что *цниут* означает женщин как “внутренних” личностей, не имеющих публичного присутствия на ритуале или литургии и подлежащих ограниченному действиям и сферам контроля; нарушение всех этих табу, с этой точки зрения, представляет собой вопиющее нарушение норм *цниут*. Но необходимо определить *тзниут* женщин более широко, то есть с точки зрения его характеристик, а не ограничений его роли. *Цниут* одновременно абсолютен и относителен; абсолютен в способах поведения, одежде, речи, а также относителен во всех этих вещах. В определенных сообществах в определенное время женщина не предпринимала

никаких действий, не говорила до тех пор, пока к ней не обратятся, и не выходила в общественные места (владения мужчины); она не обнажала лодыжки, локти, шею, глаза. То, что сегодня является вполне приемлемым поведением в современном православном сообществе в речи, мыслях, одежде и поступках, было неслыханно поколение назад. Более того, то, что допустимо в одном сообществе, недопустимо в другом.

На недавней конференции в Израиле, состоявшейся в религиозном кибуце, ни одна израильтянка, даже *жены некоторых раввинов ешивы, покрытые шайтлом*, не надевали нейлоновые чулки на субботние службы в синагоге. Ноги, обутые в сандалии, считались достаточно скромными; не то что присутствующие американки, которым и в голову не пришло бы появиться в синагоге с босыми ногами. А на недавнем *шева берахот*— празднике в честь молодоженов — молодая невеста, выпускница строгой ортодоксальной школы имени Баиса Яакова, произнесла *дар Торы* (проповедь) перед смешанной аудиторией. Всего лишь поколение назад это считалось бы *перицутом* (распущенным поведением).

Даже в самых закрытых слоях еврейской общины женщины больше не являются личностями внутри общества. Они неумолимо движутся в другом направлении, к работе, карьере, высшему образованию, общественным ролям. Женщина, которая принимает публичное участие в светском обществе, не выходя за рамки внутренней скромности, добьется не меньшего в религиозной сфере. Дать возможность женщине стать бат Торой вряд ли приведет ее к безнравственности; считать женщину частью священного собрания не приведет к расточительству. Поначалу новизна всего этого может задеть чувства, но вскоре многое из этого будет восприниматься как должное. Оглядываясь назад, мы скажем, насколько неадекватными были наши двойные стандарты.

Все это не означает отказа от *знания* как критерия поведения как для мужчин, так и для женщин, как в светской, так и в религиозной жизни. Конечно, сегодня этого слишком мало; западные общественные нравы пришли в неистовство, скремблируя все существующие кодексы и превосходя даже самое либеральное воображение. Как поддерживать экономику *цниута* в свободном обществе - это проблема, вызывающая огромную всеобщую озабоченность, на решение которой религиозные лидеры должны направить свои силы. Однако это не следует путать с удержанием женщины на ее месте.

Кроме того, существует опасение, что произойдет размывание сексуальных ролей по мере того, как женщина все чаще будет заниматься “мужскими делами”. Это опять же основано на предпосылке, что авторитет, лидерство, инициатива и дела духа (молитва) и разума (учеба) являются исключительными мужскими прерогативами. (Как ни странно, вопросы духа и разума кажутся какими-то женственными; но неважно, теперь мы знаем, что эти стереотипы не соответствуют ни тому, ни другому полу.)

Безусловно, иудаизм придает очень большое значение разделению. Мы всегда разделяем вещи по категориям, пространствам, временным интервалам и так далее: субботу от буднего дня, молоко от мяса, шерсть от льна, закваску от пресноты и, да, мужчин от женщин. При этом усиливается уникальность каждой вещи или каждого существа; чудесным образом устанавливается чувство святости благодаря заповедям обособления.

Нельзя отрицать, что иудаизму удалось сформировать здоровое чувство сексуальной идентичности, и мы должны быть начеку, чтобы сохранить это. Но это не может быть сделано

способами, которые подавляют женщин, или с помощью которых женщины воспринимаются как менее святые или более ограниченные. Более того, специфический ремонт, который предлагают еврейские женщины, не должен — на самом деле, не будет — разделять здоровые категории мужчин и женщин. Откуда мы это знаем? Из того, что мы видим вокруг нас. Когда-то мы воображали, что женщины в качестве руководителей и священников, а мужчины в качестве домохозяев и воспитателей детских садов неизбежно станут либо маскулинизированными, либо феминизированными, либо кастрированными в процессе. Это не так. Женщины-раввины также не стали сиренами или мужеподобными. Каким-то образом должны существовать другие, возможно, более тонкие способы сохранить человеческую сексуальность нетронутой, чем те широкие функции, которые мы унаследовали.

Наконец, мы должны отреагировать на часто выражаемые опасения, что равенство в иудаизме подорвет семейную жизнь. Будь то недовольство семейной жизнью, которое толкает некоторых женщин к феминизму, или новое знание о том, что существует непримиримая альтернатива неравному браку (развод), или сильный акцент феминисток на самоактуализации, который каким-то образом порождает нетерпение к трудностям построения отношений, факт остается фактом: чрезвычайно высокая доля женщин с феминистскими наклонностями были или находятся в разводе в настоящее время. Еврей, приверженный идее стабильности семьи, справедливо напуган.

Тем не менее, мы должны разобрать этот вопрос отдельно. Каждый распавшийся брак не может быть положен у порога женского движения; попытку исправить обстоятельства жестокого обращения или бессилия в браке не следует смешивать, скажем, с предрасположенностью к созданию ограниченного видения женской сущности. Недостатки женского освобождения слишком легко используются как прикрытие для сохранения статус-кво в ортодоксии. Здоровая семейная жизнь и феминистские ценности, безусловно, не являются взаимоисключающими. Аналогичным образом, полноценный статус женщины в религиозной жизни общины необязательно должен конкурировать с супружеским счастьем. Напротив, это может улучшить отношения многими тонкими способами.

Чтобы брак сегодня был успешным, необходимо общее соотношение партнеров. В каждый данный момент не может быть совершенного равенства; фактически, могут быть длительные периоды неравномерности. Один характер и индивидуальность могут доминировать; иногда одному партнеру нужно и он берет гораздо больше, чем другой. Однако в хорошем браке должно быть базовое минимальное восприятие друг друга как равных. Именно к этому центру возвращаются отношения после неизбежных неровностей; именно это когнитивное равенство придает браку стабильность.

Такая психологическая валентность равных в настоящее время не порождается Галахой ни в ее закреплении основных заповедей за мужчинами, ни в правовой асимметрии брачных отношений, как это ретроспективно определяет закон о разводе. Те, кто упорствует в интерпретации Галахи в соответствии с иерархией мужчина-женщина, действительно упускают прекрасную возможность для лидерства; если бы только они использовали свое авторитетное положение для укрепления когнитивного равенства, без которого современные браки кажутся обреченными на провал.

На практическом уровне распространение религиозных обязанностей и прав на женщин не препятствует здоровой семейной жизни. То, что знаток Торы открывает свой разум, не означает,

что она должна закрывать свое чрево. Женщины не будут бросать своих детей ради того, чтобы присутствовать на утреннем миньяне. Есть надежда, что те немногие женщины, которые выберут раввинат с его неограниченными требованиями, выберут и будут выбраны мужьями, готовыми взять на себя семейные обязанности (как делали бесчисленные реббецины все эти годы). И женщина, которая учится произносить кидуш или хавдалу или читать Тору с правильными напевами, не разрушает ткань семейной жизни, если мы намеренно не определяем ее таким образом. Правда в том, что суровость юридической школы, или работа с девяти до пяти, или требовательная карьера представляют собой гораздо большее вмешательство в семейную жизнь, чем религиозные обязанности, которые лягут на женщину при истинном равенстве в иудаизме. Во всяком случае, участие женщин укрепит ритуальные и религиозные институты, которые сами по себе являются основными системами поддержки семейной жизни.

Настало время разучить новые сочетания. Молодая женщина, единственный ребенок в семье, хотела прочитать кадиш в память о своем любимом покойном отце. (Кадиш, ежедневная молитва скорбящих в течение одиннадцати месяцев после смерти ближайшего родственника, может быть прочитан только в присутствии кворума из десяти человек.) Для нее не имело значения, числится ли она в миньяне (она им не была); все, чего она хотела, это прочитать древнюю поминальную молитву в соответствующее время, в соответствующей обстановке — в данном случае, на ранней утренней службе в синагоге. Но у нее была двухлетняя дочь. Ее муж, профессор социологии, считал совершенно естественным брать на себя всю ответственность за воспитание детей с раннего утра. На вопрос подозрительного друга о его собственных богослужебных обязанностях молодой отец ответил откровенно: да, сначала это действительно прерывало его собственную молитву, но быстро он научился приспособлять расписание к потребностям своей маленькой дочери, не нарушая при этом свой распорядок утренней молитвы.

Я не хочу показаться легкомысленным в этом вопросе. Стабильность семьи - это переменная, которую сообщество должно постоянно и тщательно отслеживать при каждом новом изменении. Я знаю, что даже когда мы применяем феминистские ценности для улучшения положения женщин в иудаизме, мы должны заботиться о сохранении диалектической позиции. Не уступая его законным притязаниям на справедливость и качество, мы должны уметь отделять себя от тех элементов, которые могут быть разрушительными для еврейских семейных ценностей: чрезмерного акцента на самореализации, который может подорвать человеческие отношения, приверженности семье и необходимости преемственности в обществе. Но мы также должны воздерживаться от использования семейной стабильности в качестве общего лозунга, во имя которого женщин по-прежнему будут почитать за полноту традиции.

То, что я представляю, когда теория еврейского феминизма будет доведена до практического завершения, — это адаптация традиции, которая позволит женщине повзрослеть как образованной еврейке, ответственной, соблюдающей Галаху, способной полностью реализовать свой потенциал — женщине, настолько преданной еврейскому народу, что она включит его ценности и потребности, когда начнет делать личный выбор, который общество сейчас предлагает ей.

1. См. Джозеф Б. Соловейчик, “Одинокий человек веры”, *Традиция* 7 (Лето 1965 г.): 5-67. Раввин Соловейчик пишет о “демократизации противостояния Бога и человека” всем мужчинам; похоже, автор также описывает положение женщин.
2. См. Леонард Свидлер, *Женщины в иудаизме* (Метучен, Нью-Джерси: The Scarecrow Press, 1976).
3. Симона де Бовуар, “*Второй пол*” (Нью-Йорк: Bantam Books, 1953); Розмари Р. Рузер, изд., “*Религия и сексизм*” (Нью-Йорк: Саймон и Шустер, 1974); Мишель З. Розальдо и Луиза Лампер, ред., *Женщины, культура и общество* (Пало-Альто: издательство Стэнфордского университета, 1974).
4. Об устранении конфликтующих обязанностей см. *Сефер Абудрахам ха-шалем* (Иерусалим: Уша, 1959), Порядок молитв в будний день, утренние благословения.
5. Моше Мейзельман, *Еврейские женщины и еврейский закон* (Нью-Йорк: Ktav, 1978), глава. 16.
6. Смотрите, например, комментарии к *ве-хайя экев тишмаун*, Втор. 7:12; *навал би-решут ха-Тора*, Лев. 12:2, особенно комментарии Нахманида; *шилуа ха-кан*, Втор. 22:6, и комментарии к ним.
7. Это примеры, найденные в Сифре на Второзаконие 13: 1, разъясняющие закон ни прибавлять, ни вычитать из заповедей Торы. Об этом стихе смотрите также комментарии Б. Х. Эпштейна, изд., *Тора темима* (Иерусалим: Хоцаат Сефер, 1970).

Еврейские женщины: совершеннолетие

Роль еврейской женщины сегодня определяется древними и глубоко укоренившимися историческими прецедентами. Именно по этой причине современные социальные силы оказывают иное влияние на ее роль и статус, чем подобные силы на женщин в целом. Здесь я попытаюсь прояснить некоторые закономерности в развитии роли женщин в еврейской культуре и обществе. Эти шаблоны могут служить руководством для тех, кто чувствует потребность в переменах, но считает, что перемены должны направляться моделями в рамках еврейской традиции и должны быть сформулированы в соответствующих галахических категориях.

Трудно делать обобщения о положении еврейских женщин на протяжении всей истории, учитывая различные общества, стили жизни и огромный спектр обстоятельств, к которым они приспосабливались. Путаницу усугубляет несоответствие между законами, касающимися женщин, и исторической реальностью, отраженной в той же традиции. Поэтому неудивительно, что эта аморфная масса данных породила противоречивые позиции. С одной стороны, некоторые утверждают, что еврейская женщина была немногим больше, чем движимым имуществом мужчины. Один из источников, на который они ссылаются, - заповедь из десятислова: “Не желай жены ближнего твоего, или его рабыни, или его вола, или его осла, или чего-либо, что принадлежит ближнему твоему” (Исход. 20:14). Другой крайностью являются те, кто утверждает, что иудаизм возвел женщин на пьедестал — еврейская женщина не только была в лучшем положении, чем ее сестры в окружающих культурах, но и была более высоким духовным существом, чем мужчина.

Одним из любимых доказательств, предлагаемых в поддержку последней точки зрения, является библейский рассказ о сотворении мира: женщина была создана после мужчины, выше по онтологической шкале и, следовательно, является высшей формой творения;¹ создание женщины из ребра мужчины удобно упускать из виду. Есть также множество утверждений из раввинских текстов, показывающих, что еврейская женщина никогда не сходила со своего пьедестала. Поскольку ни одна из этих точек зрения, очевидно, не отражает всей правды, мы должны отказаться от роскоши простых обобщений и вместо этого как можно тщательнее изучить все имеющиеся доказательства.

Я

Библия утверждает, что женщина была создана, чтобы служить “подходящей помощницей мужчине” (Быт. 2: 18). Ее главной функцией было вынашивание детей; невыполнение этого было травмой. Из библейских историй о Рахили и Ханне мы узнаем, что бесплодную женщину не только жалели, но и высмеивали. Хуже того, в ее собственных глазах она потерпела неудачу (Быт. 30: 1 и далее; 1 Цар. 1: 5 и далее). Незамужняя девушка подчинялась власти своего отца; только он мог освободить ее от обетов (Числ. 30:4-6). Ее отец мог бы выдать ее замуж (Быт. 29:16-28; Иеш. 15:16; Exod. 21:7; Deut. 22:16). Когда она вышла замуж, власть над ней перешла от отца к мужу (Числ. 30:7-16). Теперь ее муж был ее господином (Быт. 3:16). Не случайно еврейское слово *баал* означает одновременно “муж” и “господин”.

Существует множество юридических различий между мужчинами и женщинами, почерпнутых из библейской литературы: жена не могла инициировать развод, но ее муж мог развестись с ней, если найдет какую-то ошибку (Втор. 24:1-4). Женщина не могла давать юридические показания или выступать в качестве судьи (Втор. 1:13). Ей было отказано в привилегиях наследования; более того, в некоторых случаях вдова рассматривалась как часть имущества своего мужа.² Дочери, однако, могли наследовать непосредственно от умершего отца, но только в том случае, если не было наследников мужского пола (число 27).

Женщины также были защищены от определенных злоупотреблений законом. Хотя мужчина платил *мохар* (выкуп за невесту) за свою жену, ему не разрешалось “перепродавать” ее или распоряжаться ею по своему усмотрению, как он мог бы поступить с другим своим имуществом; это относится даже к жене, приобретенной в качестве военнопленной (Втор. 21:14). Более того, еврею было запрещено продавать свою дочь или принуждать ее к занятию проституцией, что было широко распространено во многих параллельных древних культурах.³ Многие библейские повествования, такие как истории Дины и Фамари, указывают на то, что честь женщины тщательно охранялась и иногда мстилась (Быт. 34, 38). Библейские законы об изнасиловании необычны. Если насиловали девственницу, насильник был вынужден жениться на ней (Втор. 22:28-29). Конечно, она не была обязана принимать насильника в мужья, хотя могла бы захотеть это сделать, опасаясь, что после того, как она подвергнется насилию, никто другой не получит ее.⁴ В случае гражданских правонарушений и возмещения ущерба женщина была в равной степени защищена законом, за редкими исключениями.⁵ Наконец, положение матери было почти священным: бесчестие матери гарантировало проклятие Божье; проклятие матери было грехом, караемым смертью (Втор. 27:16; Лев. 20:9).

Однако существует разительный контраст между библейским законом и библейским повествованием. Закон предполагает пассивную женщину, чьей судьбой управляли мужчины, но повествование изображает матриархов как могущественные фигуры. Текст не скупится на

описание женской самоуверенности и способности манипулировать людьми (Ревекка, Иаэль, Вирсавия) или независимости и явной силы их личностей (Рахиль, Ханна). Были женщины-пророки и лидеры (Мириам, Дебора, Хульда). Были вдовы с очень значительным состоянием, наследницы богатых поместий своих мужей (Юдифь Бетулийская). Тем не менее, и здесь мы должны сделать оговорку: во всей Библии мы находим различные негативные высказывания о женщинах; хотя они не имеют юридической силы, они, как правило, несколько компенсируют позитивные оценочные суждения и повествования.⁶

Помимо юридических и повествовательных описаний, в жизни библейской женщины было глубокое религиозное измерение. Каковы были ее религиозные обязательства? Она присутствовала на Синае и пережила Откровение. Она была обязана соблюдать многочисленные позитивные заповеди, такие как законы о питании, суббота и слушание закона каждый седьмой год.⁷ Большинство негативных заповедей были обязательны для нее. Только мужчины должны были совершать три ежегодных паломничества в Иерусалим каждый год (Исход. 23:17, 34:23; Втор. 16:16), однако жены часто сопровождали своих мужей в Храм, где для женщин были отведены специальные места (1 Цар. 1-2).⁸ С библейских времен женщина играла самую важную роль в передаче религиозной идентичности: еврей - это тот, кто родился от матери-еврейки, независимо от вероисповедания отца.

То, что возникает, - это портрет женщины, которая не была по-настоящему равной, но ни в коем случае не подвергалась преследованиям. Хотя она имела ограниченные права в браке, разводе, судах и наследовании, она была довольно хорошо защищена законом в большинстве областей и иногда могла даже подняться до положения государственной важности. Наконец, у нее были значительные религиозные обязательства, хотя и меньшие, чем у мужчин, которые она должна была выполнять как член общины.

Одно предостережение: несмотря на искреннюю веру некоторых апологетов в то, что израильская женщина всегда была в лучшем положении, чем ее нееврейская коллега, этнографы считают иначе. Египетские женщины были равны мужчинам в судах; вавилонские женщины могли приобретать собственность, возбуждать судебные иски, заключать контракты и напрямую участвовать в наследстве своих мужей. Однако в большинстве областей законы, касающиеся женщин в соседних культурах, были весьма схожими. Патриархальные брачные обычаи, например, почти идентичны брачным обрядам, описанным в кодексах Хаммурапи, около 1700 года до н.э.⁹

II

Можно также сказать, что изображение женщин во времена талмуда не поддается легкому обобщению. Все законы, касающиеся женщин, обсуждались очень подробно; в одних случаях ее права были расширены, в других - ограничены.

Во многих областях положение женщин было улучшено в соответствии с законом раввинов. Например, библейский закон предполагает, что отец может выдать свою дочь замуж по своему усмотрению. Раввины постановили, что женщину не следует выдавать замуж без ее согласия (Кидушин 2б, 44а; Йевамот 19б).¹⁰ Условия прямого наследования дочерьми были расширены (Бава Батра 9:1; Кетуббот 4:6, 13:3), хотя жене по-прежнему было отказано в прямом наследовании от мужа (Бава Батра 8:1, 109b, 111b; Бава Камма 42b; Кетуббот 83b). Талмуд гарантировал право женщины на сохранение отдельного имущества, которым она владела до

брака (Кетуббот 78а). Кроме того, библейский *мохар* и талмудический *недунья* (приданое, указанное в брачном контракте) хранились на условном хранении вместе с любым другим имуществом, которое она привезла с собой в брак; все эти условия были оговорены в кетубе (брачном контракте). Все это было возвращено ей в случае развода или смерти ее мужа (Кетуббот 82b).¹¹

Кетуба обеспечивала ей безопасность и гарантировала многие права женщины. Ее муж был обязан по закону чтить, поддерживать и содержать ее в надлежащем виде, оплачивать ее медицинские и стоматологические счета, требовать за нее выкуп, если она попадет в плен, и обеспечить ей надлежащие похороны (Кетуббот 4:4, 51а).¹² Кетуба также защищала ее в случае развода. Библейский закон гласил, что муж может развестись со своей женой, если найдет что-то неприятным (*эрват давар*). Обязывая мужа выплатить своей жене при разводе четко оговоренную сумму — сверх *мохара* и *недуньи* — кетуба, как правило, препятствовала принятию поспешных решений. Раввины предоставили женщине дополнительную защиту, ограничив юридические обстоятельства, при которых мужчина мог развестись со своей женой (Гиттин 90а); однако это не обязательно улучшало положение женщин. Хотя во времена талмуда разводы были менее распространены, разведенной женщине было гораздо труднее повторно выйти замуж. Когда мужу приходилось приводить веские причины для развода со своей женой, в результате на нее навешивалось определенное клеймо позора. В Талмуде считалось позорным жениться на разведенной женщине (Гиттин 90б).

Даже с учетом гарантий, предусмотренных раввинским законом, женщина по-прежнему оставалась пассивной при заключении и расторжении брака. До тех пор, пока замужняя женщина оставалась в зависимом положении, ее права, как правило, обеспечивались; как только она пыталась утвердить некоторый контроль над своей собственной жизнью, двери начинали закрываться; “женщина покупает себя [свою независимость и свободу] за деньги” (Кидушин 13б). Если жена хотела развестись, а ее муж этого не хотел, он мог отказать в выдаче разрешения.¹³ Талмуд устанавливает конкретные условия, при которых женщина могла бы подать на развод (скажем, если бы ее муж не поддерживал ее должным образом или не удовлетворял ее сексуально) (Кетуббот 5:6, 77а).¹⁴ Все это стало важным шагом в признании прерогативы женщины в семейном праве. Раввинский закон, однако, не допускал, чтобы женщина могла написать и доставить письмо или сдать его на хранение в раввинский суд.

На протяжении веков раввины заставляли непокорных мужей давать разводы, применяя к ним различные санкции, когда это было необходимо (Арахин 5:6). Тем не менее, несправедливость закона о разводе временами приводила к значительным задержкам, унижениям и вымогательствам.

Из этого закона о разводе вытекает трагический случай с агунахом (буквально “тот, кто стоит на якорь”). Агуна - это женщина, чей муж бросил ее, или сошел с ума, пропал без вести, или считается мертвым, хотя смерть не была подтверждена свидетелем. Поскольку заявление о разводе может написать только муж, а при таких обстоятельствах таковое не подается, женщине не разрешается повторно выходить замуж. Чувствительный к бедственному положению агуны, раввинский закон признал допустимым собственное свидетельство жены о смерти ее мужа (Йевамот 93b, 114b–116a); это было сделано для того, чтобы избавить женщину от привязанности к отсутствующему мужу на всю оставшуюся жизнь.

Специальный закон касается насилия в семье. Мужчине запрещалось бить свою жену; если он бил ее, он должен был возместить ущерб, боль и позор (Бава Камма 8:1).¹⁵ Мужчина также не мог обижать свою жену, ибо ее слезы откроют врата рая, и его злые дела станут известны (Бава Меция 59а). В талмудическом законе прописаны все аспекты закона применительно к женщине. Она была освобождена от тех позитивных заповедей, которые необходимо выполнять в определенное время, таких как ношение цицит и тфилин, чтение *Шема* три полных ежедневных молитвенных служения (Кидушин 29а; Эрувин 96б; Берахот 20а–б; Менахот 43а). Она также была освобождена от некоторых заповедей, которые не были привязаны ко времени (Эрувин 96б).¹⁶ В различных общественных или групповых мероприятиях она могла быть участницей-наблюдательницей, но не имела равного статуса при выполнении ритуала. Это справедливо и для мицвы сукки, празднования Симхат Бет ха-Шоэва, выкупа первенцев, включения в миньян для получения милости после еды и чтения Торы на общей молитве (Сукка 2:18, 53а; Кидушин 34а; Мегилла 47б, 23а). В еврейском законодательстве существуют важные ранние прецеденты обязательного участия женщин в литургических и ритуальных мероприятиях, таких как чтение Книги Эстер в Пурим и зажигание ханукальных свечей (Мегилла 4а; Шаббат 23а). Даже отрицание привилегии быть призванным к Торе изложено языком, который наводит на мысль о положительном прецеденте: женщины могли быть (и, предположительно, были) призваны к Торе, но от этой практики отказались из-за чести общины (Мегилла 23а).¹⁷ Хотя Галаха допускала женский шохет, община редко разрешала это (Хуллин 2а). Библейский закон обязывал женщину произносить молитву, но Талмуд гласит, что мужчина, жена (или сын) которого произносит благословения за него, может быть “проклят” в глазах общества (Берахот 20б).¹⁸ Женщины были отделены от мужчин в Храме (неизвестно, возникло ли это в талмудические или доалтмудические времена), потому что присутствие женщин могло создать атмосферу легкомыслия (Миддот 2:5; Сукка 5:1-4, 51б).¹⁹ В дальнейшем мужчины и женщины также были разделены в молитвенных домах.

Талмуд также содержит различные суждения о женщинах, которые в целом отражают чувства отдельных раввинов, высказавших их, а не какой-либо конкретный консенсус.²⁰ Встречаются заявления, полные враждебности и презрения, приравнивающие женщин ко злу и искушению. “Женщина - это кувшин, полный нечистот, но все бегут за ней” (Шаббат 152а). “Женщины жадны, подслушивают, ленивы и завистливы” (Недарим 31б). Более типичными являются позитивные заявления о любви, привязанности и восхищении женщинами — особенно женщинами как женами — и даже признания зависимости от нее: “Он будет любить ее как самого себя и почитать ее даже больше, чем самого себя” (Йевамот 62б); “Если твоя жена маленького роста, наклонись и прошепчи ей на ухо” (Бава Меция 59а), то есть советуйся с ней во всех вопросах.

Такое уважительное отношение, несмотря на ограничения ее правового статуса, возможно, было завоевано в семье, сфере, в которой женщина преуспела: “То, что благословение пребывает в доме, исходит от жены” (Бава Меция, 59а). Ее основная, предпочтительная, почти исключительная роль в семье шла рука об руку с освобождением от более широких социальных и религиозных обязанностей и прав. Насколько проницательны были раввины в понимании (или установлении) этой связи, видно по их неоднократному выбору фразы псалмопевца: “Вся слава царской дочери во дворце” (Пс. 45: 14), которую раввины интерпретируют как “Честь женщины - в ее доме”. Они применяли эту фразу, почти как талмудический принцип, к многочисленным решениям, касающимся женщин (Шевуот 30а). Талмуд, по-видимому, требовал от женщин пассивности и зависимости;²¹ многие законы, призванные защитить женщину, отражают

именно эту пассивность. Талмуд превозносит такие добродетели, как скромность, покорность и терпимость, все качества, которые подобают женщине, знающей свое место и остающейся на нем.

Правда, было несколько исключительных женщин, которые достигли интеллектуальных высот или большого уровня благочестия и получили признание за свои достижения, но они, как правило, не посещали учебные академии и не занимали руководящих должностей в религиозной общине. Однако они не были полностью непризнанными, поскольку некоторые из их галахических толкований и благочестивых поступков описаны в Талмуде и раввинской литературе (Эрувин 63а; Кетуббот 62б–63а).²²

Даже после многочисленных улучшений по сравнению с их дораббинским статусом женщины по-прежнему сталкивались с юридическими и социальными ограничениями. Раввины принимали решения, которые определяли статус, роль и обязанности женщин. Раввинское законодательство в целом поддерживало резкое разделение ролей, которое, как правило, было в пользу мужчин. Несколько решений относили женщин к той же категории, что и несовершеннолетних и рабынь, с принципиальной разницей в том, что последние две могли повзрослеть и преодолеть приписываемые им ограничения (Бава Камма 88а; Берахот 47б). Не без оснований каждое утро еврей-мужчина произносил благословение: “Благословен будь Бог . . . за то, что не создал меня женщиной . . . рабыней . . . язычник”. Никто ни на минуту не усомнился в уместности этих ежедневных утренних благословений.²³

III

Средние века отражали сохранение определенного базового неравенства. Тем не менее, положение женщины постепенно улучшалось. Примерно в 1025 году н.э. Раббену Гершом из Майнца, Германия, временно запретил многоженство под страхом отлучения от церкви (*Шулхан Арух*, Эвен ха-Эзер 1: 9-11); хотя срок действия этого запрета истек в 5000 еврейском году, многоженство больше никогда не практиковалось евреями ашкеназской Европы.²⁴ В восточных странах, где несколько жен были обычным явлением, евреи продолжали практиковать многоженство вплоть до современного периода.²⁵ Раббену Гершом также официально запретил принудительный развод (выдачу развода без согласия жены).²⁶ Были также добавлены другие гарантии против принудительного развода, что указывает на попытку улучшить положение женщин.

Средневековые раввины работали над дальнейшим облегчением участи агуны. Все возможные решения принимались в ее пользу.²⁷ Если муж собирался покинуть юрисдикцию суда, с него брали клятву не бросать свою жену; там, где это оправдывало его поведение, он был вынужден развестись со своей женой перед отъездом (*Шулхан Арух*, Эвен ха-Эзер 154:8-9). В определенных случаях женатый мужчина не мог покинуть общину без одобрения ее лидеров, да и то лишь на ограниченный период времени и с заранее оговоренными гарантиями поддержки своей семьи.²⁸ Это довольно хорошо работало в тесно сплоченном, взаимозависимом и религиозно соблюдаемом обществе. Но все еще было много случаев, когда женщины оставались одинокими в течение длительных периодов времени.

В этом столетии в Генизе было обнаружено несколько кетуботов возрастом более тысячи лет. В некоторых из них жена оговаривает, что ее муж должен дать ей развод, если возьмет

наложницу.²⁹ Из этих документов, представляющих собой интересные прецеденты, ясно, что некоторые женщины согласовывали свои собственные условия брачного контракта.

Законы о наследовании, касающиеся еврейских женщин, также были усовершенствованы, и многие еврейские общины приняли законодательство, согласно которому жена могла наследовать непосредственно из имущества своего мужа. Как объясняет Зеев Фальк, “Вдова стала наследницей по завещанию, хотя и не по закону, части имущества своего мужа”.³⁰

В некоторых исключительных случаях женщинам разрешалось участвовать в ритуальных и литургических обрядах, которые раньше были для них закрыты, например, получать милость в миньяне после еды или носить ритуальную одежду, предназначенную для мужчин.³¹ К XIII веку один ученый был достаточно смущен утренним благословением “Благословен Бог за то, что ты не создал меня женщиной”, чтобы подчеркнуть, что это было “не потому, что женщины по своей природе неполноценны”.³² Столетие спустя параллельная молитва за женщин была включена в литургию: “Благословен Бог за то, что сотворил меня по своей воле”.³³

Некоторые ссылаются на еврейский мистицизм средневековья как на клин в ориентированной на мужчин структуре иудаизма. Каббалистическая литература действительно содержит некоторые элементы женской теологии; Шекина, божественное присутствие, описывается в женских терминах. Мистицизм, однако, имел мало отношения к реальному положению женщин по еврейским законам. Хасидизм несколько подорвал образ учебного заведения, в котором доминируют мужчины, как центрального центра иудаизма, но основная часть еврейских историй с участием женщин по-прежнему сосредоточена вокруг дома и семьи. Только одна женщина, Ханна Рахиль, Служанка Людомира, поднялась до больших высот в хасидской иерархии. Она стала ребе, лидером хасидской секты, и вершила суд за кулисами.³⁴

В средневековый период женщины были усердны в своем благочестии. Законы нидды (ритуальная чистота и погружение в воду) соблюдались скрупулезно. Женщины сами усилили суровость существующих законов в этой области; этот прецедент существовал и во времена талмуда (Берахот 31а; Нидда 66а).

Хотя женщины были осведомлены о еврейских обрядах, еврейская юриспруденция и ее история были им относительно неизвестны. Хотя многие еврейские женщины из высшего сословия в Испании и Италии получили образцовое образование эпохи Возрождения, большинство еврейских женщин обычно не изучали еврейские тексты.³⁵ Популярная, хотя и несколько преувеличенная идеализация гласила, что еврейская женщина довольствовалась работой, удовлетворяла все потребности семьи и обучала своих маленьких детей религиозным обрядам, чтобы дать возможность своему мужу и сыновьям изучать Тору. В конце дней она будет сидеть на скамеечке для ног у ног своего мужа в Эдемском саду. Это были отличные рабочие отношения, а институт брака укреплялся общими целями и этими взаимно принятыми распределениями ролей.

Многие этические завещания средневековья отражают отношение евреев к женщинам. Один из отцов, Иуда Ибн Тиббон (1120–ок. 1180) из Франции, пишет в своем завещании:

Сын мой! Я приказываю тебе уважать свою жену изо всех сил. Она умна и скромна, дочь выдающейся и образованной семьи. Она хорошая домохозяйка и мать, не расточительница. Ее вкусы просты, как в еде, так и в одежде. Вспомни, как она усердно ухаживала за тобой во время твоей болезни, хотя она была воспитана в элегантности и роскоши. Вспомни, как впоследствии

она вырастила твоего сына без помощи мужчины или женщины. Будь она наемной сиделкой, она заслужила бы твое уважение и снисходительность; тем более, поскольку она жена твоего сердца, дочь великого, ты обязан относиться к ней с уважением. Поступать иначе - путь презренных.³⁶

IV

Из этого краткого очерка положения еврейских женщин на протяжении многих веков вытекают три принципа. Законы, касающиеся женщины, претерпели значительные изменения; ее положение не было статичным. Фактически, ее статус в целом улучшился; большинство законодательных актов, касающихся женщин, — от библейского до талмудического и средневекового — улучшили ее положение. Кроме того, на ее состояние в некоторой степени повлиял (например, моногамия, наследование) статус женщины в окружающих культурах и обществах. Ученые-раввины чутко реагировали на общество и во многих случаях включали внешние социальные нормы в свою собственную правовую систему.

Эти принципы, по-видимому, являются многообещающими в качестве руководящих принципов для настоящего и будущего. Тем не менее, есть две основные проблемы, которые мы должны признать: во-первых, еврейская женщина всегда была подвержена инвалидности в определенных областях еврейского законодательства, точно так же, как все женщины сталкивались с инвалидностью на протяжении всей истории. Однако то, что эти недостатки были кодифицированы в галахических решениях, затрудняет инициирование изменений. Во-вторых, роль еврейской женщины обычно отводилась ей мужчинами. Раввины обладали исключительной властью определять ее права и обязанности, которые были представлены ей как свершившийся факт. Другими словами, ее держали в неведении о процессах развития еврейского права.

Феминистское движение порождает новые ожидания; оно оказывает наибольшее влияние на еврейских женщин в этих двух областях. Как и все женщины, еврейские женщины не примут неравенство так легко, каким бы комфортным ни был статус-кво после столетий обуславливания. Еврейские женщины начнут приспосабливаться к тому, что в конечном итоге станет более удовлетворительной ситуацией. Действительно, мы являемся свидетелями увеличения числа еврейских женщин, образованных и верующих, которые хотят расширить свое религиозное и ритуальное выражение иудаизма. В настоящее время эти женщины способны ко всему спектру человеческого самовыражения и обучения; они не просят, чтобы их уводили, они просят более полно войти в еврейскую жизнь. Препятствовать им в их начинаниях - значит действовать вопреки этике еврейского закона, этике человеческого достоинства.

Точно так же еврейские женщины теперь должны начать изучать процессы юридического толкования и инноваций, чтобы позволить им перейти от положения невежественной зависимости к положению знающей самостоятельности и авторитета. Женщины должны серьезно относиться к трудным требованиям еврейской науки; возможно, это единственный путь, который в конечном итоге приведет к прочному освобождению евреев.

Точно так же, как женщины расширяют свою роль в обществе в целом, еврейские женщины также могут рассчитывать на творческую роль в оказании влияния на решения раввинов в наше время, не только в области галахического статуса женщин, но и во всех сферах еврейской жизни.

Некоторые противостоят этим вызовам, говоря, что ничего нельзя изменить. Это, конечно, не относится к Галахе, которая является живой системой, непрерывным процессом. В каждом поколении еврейские законы отличались строгостью и снисходительностью. Сочетая здравый смысл и чуткость к современным потребностям с желанием оставаться верными Торе, раввинам в каждом поколении удавалось сохранять любовь к традиции и ощущение ее преемственности.³⁷ Важно подчеркнуть этот факт, поскольку современное сопротивление переменам окутало себя покровом библейского авторитета и раввинской неизменности. Раввин Яннай, ведущий амора, учит нас обратному:

Если бы закон был дан в форме окончательных постановлений, мир не смог бы существовать (Раши объясняет: важно, чтобы Тору можно было интерпретировать так или иначе). Моисей сказал: “Владыка вселенной, скажи мне, в каком направлении находится Галаха”. Бог ответил ему: “Следуй за большинством”.³⁸

То, что еврейские женщины начинают сталкиваться с проблемами, является здоровым признаком, потому что галахические изменения никогда не происходили в вакууме, а всегда в ответ на реальные потребности. Таким образом, масштабы изменений, свидетелями которых мы станем, будут прямо пропорциональны количеству беспорядков. Потребуется немало усилий, чтобы перевоспитать как мужчин, так и женщин в еврейской общине в соответствии с этими новыми ценностями. Возможно, волнение и бунт против стереотипов следует считать величайшей заслугой, а отсутствие гордыни и простое послушание - величайшим грехом. Большая часть ответственности за перемены лежит на еврейских женщинах, которые должны более открыто и четко формулировать свои собственные потребности. На нынешних лидеров нельзя не повлиять особыми мольбами; такое случалось много раз в нашей истории.

Для нынешнего поколения еврейских женщин может быть дан четкий мандат. В области брака и развода оставшиеся недостатки должны быть устранены быстро; было заложено достаточно галахической основы, чтобы не оставалось места для дальнейшего промедления. Неравный статус женщин в религиозных судах нуждается в галахическом переосмыслении и исправлении. Должен наблюдаться расцвет женской молитвы и поощрение руководящей роли женщин в литургии. И, что наиболее важно — средства, с помощью которых все это будет реализовано, — еврейские женщины должны начать получать интенсивное еврейское образование вплоть до уровня высококачественных раввинских школ, предпочтительно без разделения по полу, чтобы каждая слышала толкование закона в присутствии “другого”, чтобы они одновременно росли в понимании традиции. Только тогда женщины станут частью образованной элиты нашего сообщества, в руках которой власть, могущество, лидерство и вдохновение.

Вечный иудаизм будет интегрироваться и расти с такими изменениями, потому что эти изменения полностью совместимы с духом фундаментального принципа иудаизма — что каждый человек создан по образу и подобию Бога.³⁹

Примечания

1. См. Аарон Соловейчик, “Еврейский взгляд на высшую природу женщины”, *The Jewish Horizon*, ноябрь 1969г.

2. Это один из выводов, который можно сделать из института левиратного брака. В некоторых случаях этот закон действовал в ущерб женщине; она не была вольна повторно выходить замуж по своему усмотрению. В других случаях закон предлагал ей защиту: она не осталась неоплатной, ограничившись вдовством и бездетностью (Быт. 38). В какой-то момент библейской истории закон о левиратном браке стал делом клана, а не только ближайших родственников умершего (Руфь 2-4). Библия описывает весь спектр человеческой драмы — любовь, защиту, насилие, власть, — которая разыгралась в результате слабой связи между женой мужчины и его имуществом (2 Цар. 16:21-22; 1 Царств 2:22). См. также Ролан де Во, *Древний Израиль: его жизнь и институты* (Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1965), стр. 20-21, 38.
3. Это правда, что Лот был готов отдать своих дочерей горожанам для сексуального удовлетворения, но это рассматривалось лишь как решительная мера по спасению жизней гостей в доме Лота (Быт. 19:8).
4. Этот закон, как и несправедливые законы об изнасилованиях на протяжении большей части истории человечества, по-видимому, подразумевает определенную степень соучастия со стороны жертвы. Однако в то время этот библейский закон защищал ее. Более того, из других законов об изнасиловании, кажется, ясно, что женщина считалась жертвой; было очень четкое разграничение обстоятельств, при которых ее можно было считать соучастницей (Втор. 22:13-28).
5. В этом отношении библейский закон на годы опередил современное законодательство, где судебные урегулирования и страховые выплаты женщинам до недавнего времени были ничтожны по сравнению с выплатами мужчинам за аналогичный ущерб. Талмуд учит, что плата за боль и стыд была выплачена непосредственно женщине, но выплаты за исцеление и потерю работы были выплачены ее мужу. Другим является случай, когда ущерб за повреждение плода, вынашиваемого беременной женщиной, выплачивается мужу (Исход. 21:22).
6. См. Филлис Берд, “Образы женщин в Ветхом Завете”, в *Религии и сексизме*, изд. Розмари Р. Рутер (Нью-Йорк: Саймон и Шустер, 1974), стр. 41-88.
7. Жена конкретно не упоминается в законе о субботе (ни в Исходе 20:10, ни во Второзаконии 5:14), но дочери и рабыни упоминаются. Традиция учит, что обращение “ты” к своему мужу в мужском роде единственного числа относится к жене. Ссылка на “собрать народ” прямо указывает на “мужчин и женщин” (Втор. 31:12; Неем. 8:2-3).
8. Смотрите Миддот 2:5 и Суккот 51б для более полного описания.
9. Для хорошего межкультурного сравнения см. Де Во, *Древний Израиль*, и Мартин Нот, *Законы Пятикнижия и другие исследования* (Филадельфия: Fortress Press, 1966).
10. Это раввинское решение связано с историей Ревекки, у которой спросили ее согласия. Здесь, как и в других случаях, *асмахта* избирательна, упуская из виду свидетельства, указывающие на обратную ситуацию: что брак был заключен мужчинами по “обоюдному согласию” — Элиэзером, представляющим Авраама, с одной стороны, и Лаваном и его отцом Бетуэлем, с другой. Окончателюность этого соглашения подтверждается описанием того, как Элиэзер простирается ниц в знак благодарности Богу, а затем выплачивает выкуп за невесту новым родственникам мужа; только после этого они уходят и советуются с Ревеккой. Такова сила *асмахты* — интерпретировать Галаху и делать ее неразрывной с Торой. Смотрите

обсуждение в Chanoch Albeck, изд., *Bereshit Rabbah* (Иерусалим: Wahrmann Books, 1965), т. 2, 24:57 и стр. 653, п. 3.

11. Однако он имел право инвестировать ее имущество с целью получения прибыли, которая стала частью его имущества, а не ее (Ketubbot 65b). В двух случаях, в 1958 и 1971 годах, Верховный суд Израиля отменил решение раввинского суда, основанное на Кетубботе 65b, и оставил в силе закон о равных правах 1951 года, отменив право мужа на получение прибыли от собственности его жены. См. Стивен Бейнер, “Израильское законодательство о разводе: сравнительное исследование” (неопубликовано), стр. 10.

12. Маймонид подчеркивает историческое развитие различных видов защиты, предоставленных ей. См. *Мишне Тора*, Хилхот Ишут 12:2.

13. Только муж может написать и доставить письмо; до одиннадцатого века согласие жены даже не требовалось по закону. Однако на практике абсолютное право мужа расстаться со своей женой было скорее теоретическим, чем практическим. На протяжении всего обсуждения развода в Талмуде и респонсиве становится очевидным, что это теоретическое право перестало существовать за столетия до запрета Раббену Гершомом. Даже несмотря на требование согласия, все еще существовало сопротивление официальному указу Раббену Гершомом, который был включен в сефардскую традицию гораздо позже. Маймонид подтверждает изначальный принцип, согласно которому женщина может быть разведена с ее согласия или без него (*Мишне Тора*, Хилхот Герушин 1:2). Таким образом, важность разворачивающейся Галахи для стабилизации достижений в области прав женщин. См. *Шулхан Арух*, Эвен ха-Эзер 119:6, комментарий Иссерли; Ответ Ашери 42:1.

14. См. также *Шулхан Арух*, Эвен ха-Эзер 76:11. Руководствуясь осознанием сексуальных потребностей как женщин, так и мужчин, Талмуд установил минимальные требования к частоте половых сношений, которые варьируются в зависимости от рода занятий мужа (Кетуббот 61b–62b).

15. Маймонид, по-видимому, первым указал на отношения между мужем и женой. См. Маймонид, *Мишне Тора*, Хилхот Ховел у-Маззик 4: 16-18.

16. См. Саул Берман, “Положение женщин в галахическом иудаизме”, *Традиция* 14 (Зима 1973): 5-28.

17. Одно из более поздних толкований (Ритва, Мегилла 4а) заключается в том, что мужчинам в синагоге было бы стыдно, если бы женщина могла читать Тору и произносить ее благословения, в то время как они не могли этого делать. См. Дэвид Фельдман, “Роль женщины и еврейский закон”, *Консервативный иудаизм* (Лето 1972 г.): 29-39.

18. Комментарий Раши интерпретирует “проклятый” как пристыженный, аналогично идее *кевод ха-циббур* в общественной обстановке чтения Торы: мужчине было бы стыдно, если бы его жена могла произнести благословение, а он нет.

19. Мишна учит: “Первоначально *эзрат нашим* (женский зал) был полностью одноуровневым; только позже они окружили его балконом, чтобы женщины смотрели сверху, в то время как мужчины были под ними - чтобы они не смешивались”. В этих отрывках нет дошедшей до нас гемары; однако все последующие комментаторы предполагают, что это было сделано

специально для празднования Симхат Бет ха-Шозва. Похоже, что изначально женщинам был выделен специальный внутренний двор или зал в храмовом комплексе. Когда мужчины перенесли празднование в женскую зону, они (священники, левиты и мужчины-израильтяне) экспроприировали эту территорию для своего празднования, которое было довольно зрелищным. Они соорудили балкон, чтобы женщины могли смотреть на происходящее.

20. Джудит Хауптман, “Образы женщин в Талмуде”, в *Религии и сексизме*, изд. Розмари Р. Рейтер, стр. 197-208; Леонард Свидлер, *Женщины в иудаизме* (Метучен, Нью-Джерси: The Scarecrow Press, 1976), ребята. 4–5.

21. Даже талмудическое описание оптимальной позы для полового акта отражает это отношение (т. е. Муж должен быть сверху, потому что он должен проявлять инициативу), потому что заповедь о продолжении рода лежит на нем, а не на ней, и потому что она - получатель, а он - дающий. Смотрите Масехет Каллах в конце Благословения. В “Масехет Каллах Рабати” эта бараита появляется в конце главы 1. Смотри также *Шулхан Арух*, Ора Хайим 240.

22. Свидлер, *Женщины в иудаизме*, стр. 97-111.

23. Благословение приписывается рабби Меиру (Менахот 43б); оно также встречается в Тосефта Берахот 6: 23 в более оригинальной форме. В обоих этих источниках приводится скорее юридическая, чем социальная причина: “Да будет благословен Бог за то, что не создал меня женщиной”, потому что женщина не обязана выполнять заповеди, такие как тфилин на голове, тфилин на руке, цицит на одежде — все это постоянно напоминает ему о присутствии Бога. Благословение было включено в ежедневную утреннюю молитву без каких-либо сопроводительных пояснений.

24. Это было бы социально неприемлемо в христианской культуре, где безбрачная жизнь считалась идеальной. Как ни странно, шесть столетий спустя раввин Якоб Эмден раскритиковал первоначальный запрет как подражание языческим обычаям. Эмден, *Ше'елат Яавец* (Лемберг, 1884), 2:15.

25. Симон бен Земах Дуран, *Сефер ха-Ташбец* (Амстердам, 1741), № 94; Рабби Соломон (сын Дурана), *Тешувот Рашбаш*, № 624; *Тешувот ха-Рашба* (Вильно: Ромм, 1881), том 4, № 257. См. также *Тешувот ха-Рашба* (Вильно: Ромм, 1875), т. 3, № 446. В 1948 году, когда йеменских евреев привезли в Израиль в рамках операции “Ковер-самолет”, многие прибыли с несколькими женами на буксире. В ответ главные раввины Израиля создали национальную раввинскую конференцию в 1950 году и приняли таккану, делающую моногамию обязательной для всех евреев, независимо от их социального или географического происхождения. Однако существующим полигамным союзам было разрешено оставаться неизменными.

26. В европейской сефардской культуре, где запрет Раббену Гершома не был признан, община вмешалась, чтобы защитить женщину от принудительного развода. Раввин Соломон бен Адерет цитирует постановление, согласно которому для развода требовалось согласие большинства членов общины.

27. Исаак Фаркаш Кахан, *Сефер ха-агунот* (Иерусалим: Моссад Харав Кук, 1954), особенно. “Разрешение на (повторный) брак предоставлено свидетелю, дававшему показания о смерти мужа”, стр. 31 и далее.

28. Бенджамин Зеев, *Responsa* (Иерусалим: Stitsberg, 1959), № 64. См. Также Кахан, *Сефер ха-агунот*.

29. Интересно отметить, что эти положения были сделаны в кетубботе восточного происхождения, где полигамия не была ни запрещена, ни неизвестна. С. Д. Гойтейн, “Положение женщин согласно документам Каирской Генизы”, *Документы Четвертого Всемирного конгресса еврейских исследований*, том 2 (Иерусалим, 1968), стр. 177-79; там же, “Еврейские женщины в средние века”, журнал “Хадасса” (октябрь 1973). См. также Мордехай Фридман, “Этика средневекового еврейского брака”, в *Религии в религиозную эпоху*, под ред. С. Д. Гойтейна (Кембридж, Массачусетс: Ассоциация еврейских исследований, 1974), стр. 83-101; Зеев Фальк, *Еврейское супружеское право и Бракоразводный процесс жены в еврейском праве* (Иерусалим: Еврейский университет, 1973).

30. Фальк, *Еврейский закон о браке*, цитирует следующее: Мордехай, Нашим70; Меир из Ротенберга, *Responsa* (Пражское изд.) 875; Джоэл Мюллер, *Тешувот хахмей Зарфат ве-Лотир* (Вена, 1881), стр. 13, 47, 49, 51. По вопросу о прямом наследовании см. Айседора Эпштейн, изд., *Ответ раввина Соломона бен Адрефа* (Нью-Йорк: Ktav, 1968), стр. 85f.

31. Мордехай, Берахот 173; Пискей Мордехай, Хилхот К'танот 949. См. *Мишне Тора*, Хилхот Цицит 3: 9; Эрувин 96а; Рош Ха-Шана 33а; Халлин 110б, 86б; Хагига 16б; и комментарии Ран к постановлению Раббену Там о том, что женщинам разрешено произносить благословение на позитивные временные заповеди в Ран, Комментарии к Альфаси (Рош Ха-Шана, 955).

32. Как упоминалось выше, п. 23, причина “большого количества заповедей” приведена в Талмуде и Тосефте. Раввин Яков Анатолий, галахист XIII века, повторяет это в своем заявлении о неполноценности женщин. На эту же тему см. Самсон Рафаэль Хирш, *Комментарий к Торе* (Лондон: И. Леви, 1962), Лев. 23:43.

33. *Сефер Абудрахам ха-шалем* (Иерусалим: Уша, 1959), Порядок молитв в будний день, Утренние благословения.

34. См. Гарри М. Рабинович, *Мир хасидизма* (Лондон: Валентайн, Митчелл, 1970), стр. 205-7.

35. Традиция, вытекающая из толкования высказывания рабби Элиэзера: “Тот, кто учит свою дочь Торе, ведет себя так, как если бы он научил ее разврату” (Сота 3:4). Тора там ссылается на возможные заслуги, которыми может обладать *сота*, которые оправдали бы отсрочку наказания. Очень немногие раввинские высказывания были вырваны так далеко из их контекста. Тем не менее, следует указать на социальные и религиозные ценности еврейской общины, которые допускали интерпретации, столь негативные для интеллектуальных способностей женщин, которые постоянно возникали на протяжении раввинского, средневекового и современного периодов. См. Израэль Абрахамс, *Еврейская жизнь в средние века* (Нью-Йорк: Атенеум, 1969), стр. 340f; Симха Ассаф, *Источники по истории образования в Израиле* (Тель-Авив: Dvir, 1954), том 1.

36. Израэль Абрахамс, изд., *Еврейские этические заветы* (Филадельфия: Еврейское издательское общество Америки, 1976), стр. 78.

37. Элиэзер Берковиц, “Обращение в соответствии с Галахой — что это такое?” *Иудаизм* 23 (Осень 1974): 467-78; Эмануэль Ракман, *Иудаизм одного человека* (Нью-Йорк: Философская библиотека, 1970).

38. Иерусалимский талмуд, Синедрион, глава 4, галаха 2 (16а).

39. См. Ирвинг Гринберг, “Еврейская традиция и современные проблемы”, в книге *Отношения между еврейской традицией и современными социальными проблемами* (Нью-Йорк: Университет ешивы, 1969).

Женщины и литургия

Сцена 1: Вечер пятницы в Иерусалиме, весна 1975 года

С чувством благополучия я направился в синагогу, маленькое интимное заведение на двести мест в мужской секции и шестьдесят-семьдесят на женском балконе. Мой муж ушел из дома пятнадцатью минутами раньше с нашими тремя старшими детьми; я решила взять двух младших, которых не успела вовремя собрать.

Я всегда считал, что самое приятное совместное молитвенное мероприятие - это служба в канун субботы: оно “открывает” субботу; оно относительно короткое; и, что самое особенное, здесь обычно поют больше, чем в любое другое время. Тем не менее, я редко хожу в синагогу по пятницам вечером, по крайней мере, на этом этапе своей жизни. Во-первых, от меня этого не ожидают. Во-вторых, независимо от того, в какое время дня начинается шаббат, всегда есть спешка в последнюю минуту (“невроз эрев-Шаббат”, как называет это друг) — оторванная пуговица, нужно установить субботний таймер, *блех* (жестяное покрытие) на плите, чистые полотенца для гостей, серебряный нож *hallah*, который нужно почистить, и неизбежно, как бы мы ни старались, у Джей-Джея пропадают субботние брюки, пиджак, туфли или галстук (скомканные в кармане с прошлой недели). Поэтому, после того как я зажигаю свечи и целую всех за дверью, я обычно благодарен за то, что мне дали немного побыть в тишине.

Однако в этот пятничный вечер было чудесно находиться в шуле. Наверху было несколько женщин, дюжина или около того девочек—подростков и чуть большая группа маленьких девочек, которые делали то, что маленькие девочки обычно делают в шуле - произносили *Шмоне Эсрех* (Восемнадцать Благословений) с большой поспешностью, а затем занимались своим настоящим делом - играли вместе. Я нашла что-то очень приятное в низкой посещаемости женского отделения, хотя по утрам в шаббат я всегда ценю высокую посещаемость женского отделения. Было ли это контрастом с “полным залом” или прекрасным коллективным пением, я почувствовал себя частью собравшегося собрания, *эды* и, как следствие, всего Иерусалима, всего *клат Исраэль*.

В какой-то момент я нашел несколько минут, чтобы изучить сидур (молитвенник) Который держал в руках. Он открывался введением в законы о тфилине: “Каждый еврей обязан надевать тфилин каждый будний день”. Сначала я был ошеломлен. Как прогрессивно, подумал я, найти такого сидура в ортодоксальной синагоге! Затем я отметил дату издания: 1905. В 1905 году составители сиддура говорили на языке общины: каждый отдельный еврей, вся община, вся

духовная конгрегация. Но — я проверил себя — все это относится только к мужчинам. Тихо, бескорыстно, одним росчерком пера был просто вырезан весь класс еврейских женщин.

Как ни странно, я не чувствовал себя ни оскорбленным, ни шокированным, ни даже эмоционально дистанцированным от остальных прихожан. Составитель “сиддура”, возможно, и не думал о “женщине”, когда писал “каждого еврея до единого”, но я все равно чувствовал себя своим. На краткий миг я испытал только внутренний эквивалент косого взгляда; затем я продолжил заниматься обычными делами. Мое недавно поднятое сознание не могло противостоять слоям обусловленности. Кроме того, сказал я себе, это был 1975 год, и все менялось.

Сцена 2: Симхат Тора в большой, шумной, современной ортодоксальной синагоге, 1979 г.

Как это нередко бывает в середине церемоний хакафа, приличия начинают нарушаться. В синагоге собралось восемьсот человек — мужчин, женщин и сотни детей. Около двухсот мужчин уже совершили свой ритуальный обход вокруг синагоги с Торой в руках. Теперь они начинают проявлять беспокойство; они хотят продолжить служение. Некоторые сдались и разошлись по домам, чтобы завершить молитву в одиночестве. Те мужчины, которые еще не пробовали хакафу, также немного нетерпеливы. Женщины болтают, раздают конфеты, внимательно следят за тем, когда их мужья и сыновья едят хакафу. В предыдущие годы мужчины возвращали Тору в ковчег, проходя через женские проходы, и женщины вставали, чтобы поцеловать Тору. Но в этом году раввин сказал “нет”, поэтому женская секция менее трезвая, чем обычно. Дети бегают группами, размахивая своими флагами, наполняя сумки конфетами. В какой-то момент уровень шума достигает нового максимума. Раввин стучит по трибуне. “Давайте установим здесь тишину. Мы не завершим богослужение, пока каждый человек здесь не отведаст хакафы”. На мгновение я ловлю взгляд моего мужа через перегородку. Он улыбается. Он знает.

Сцена 3: Небесное царство, 6000 год, как евреи отсчитывают время

Американский раввин призван на страшный суд. Он предстает перед небесным престолом, и ангелы вступаются за него. Его деяний много, а грехов мало. Всю свою жизнь он руководствовался принципами Торы и своим желанием занять достойное место в грядущем мире.

Скромный, непритязательный человек, он был потрясен, когда ему сообщили, что он виновен в высокомерии, грехе чрезмерной гордыни. Каждый Йом Кипур, когда он пересматривал список грехов в связи со своей собственной жизнью, чрезмерная гордыня была последней в списке. “Почему?” - восклицает он. “Что я наделал?”

Ангелы подчиняются. Они показывают перед ним земную сцену, затем еще и еще. На земле шаббат. Декорации - женский миньян. Раввин узнает многих подруг, студенток и членов своей общины. Сцена переходит к небесному престолу. Святой, да будет Он благословен, доволен Своими детьми Израилем. Его имя было призвано; Его призывают снова и снова в тысячах мест по всей земле, чтобы услышать мольбы и восхваления Своих детей.

Внезапно, однако, вокруг небесного престола начинается великое шевеление. Что-то пошло не так. Женщины воздержались от восхвалений, которые Его дети в тысяче других мест на земле восклицают во весь голос, от слов и фраз, свидетельствующих о святости и царственности Бога.

“Дочери Мои, дочери Мои, почему вы отрицаете Мое царствование?”

Женщины отвечают: “Наши братья, наши лидеры, так велели нам”.

Сцена 4: Утро шаббата, квартира Дэвида, Филлис и их трех маленьких сыновей

Сейчас 10:00 утра, и Филлис, школьный психолог, пытается подготовить мальчиков к шулу. Старший мальчик, пятилетний Аврум Зев, все еще бежит в пижаме. Филлис предупреждает его: “Поторопись, из-за тебя мы все опаздываем. К тому времени, как мы туда доберемся, я буду скучать по всей давенинге”.

Звучат бессмертные слова пятилетнего Аврума Зева: “Куда ты спешишь? Мамочкам не обязательно давиться!”

Проблема не в том, что компилятор сиддура 1905 года думает или не думает о женщинах, и не в том, что простодушная теология Бога хочет сердца, и не в невероятной силе ранней обусловленности. Однако, когда мы переходим к рассмотрению вопроса о женщинах и литургии, необходимо учитывать все эти факторы.

Ситуация на сегодняшний день

Фраза “женщины и литургия” вызывает самые разные отклики. Ситуацию в целом можно описать следующим образом: галахическое возложение частичной ответственности на женщин и общественная незаметность сочетаются с еще более низкими показателями частной деятельности. Эта минимальность пронизывает все измерения времени и пространства; ее можно найти в ежедневных молитвах, а также в ежегодных праздничных литургиях, в семейных ритуалах, а также в общинных празднованиях обрядов посвящения. Похоже, что рефлекс еврейских женщин на литургию, если он когда-либо и проявлялся в полной мере, атрофировался.

Давайте попытаемся проследить закономерность в одной прототипической области — формальном, фиксированном времени, то есть ежедневной молитве. Большинство еврейских женщин самого разного религиозного спектра с трудом открывают молитвенник из одного шаббата в другой, если вообще открывают его часто.¹ Контраст с мужчинами-евреями особенно разителен в ортодоксальной общине, где дисциплина ежедневной молитвы соблюдается почти повсеместно. В какой степени этот разрыв между мужчинами и женщинами отражает Галаху? Вряд ли вообще. Фактически, казалось бы, почти извращенно, женщины взяли на себя именно те литургические обязанности, от которых они были освобождены, — дополнительные субботные и праздничные молитвы — и в целом пренебрегли теми частями литургии, которые требовались от них по галахе, — ежедневными молитвами *шахарит* и *минха*.² Чтобы развить этот момент еще больше: женщины обязаны соблюдать *тефилят-шеву* (субботный эквивалент *Шмоне Эсре*) и выслушивать ответы Торы в шаббат. Тем не менее, большинство женских секций, как правило, заполняются только к самому концу чтения Торы.

Как все это произошло? Ортодоксальные еврейские женщины просто решили, произвольно и массово, сложить с себя повседневные литургические обязанности? Я думаю, что нет, учитывая общую верность Галахе, с которой они себя ведут. И одного изолированного фактора недостаточно для объяснения ситуации. Скорее, ответ кроется в сложном наборе переменных, все они так или иначе взаимосвязаны: развитие закона на протяжении истории, эффект домино

законов, освобождающих от ответственности, законов, обязывающих, представление о себе женщин, которое вырастает из более широких галахических и исторических факторов, и психическое влияние общественной безответственности на деятельность частных лиц.

Галаха

Заповедь молитвы происходит от библейского стиха: “возлюби Господа, Бога твоего, и служи Ему всем сердцем твоим и всей душой твоей” (Втор. 11:13). Талмуд определяет “служение сердца” как молитву и продолжает придавать ей форму (Таанит 2а; Арахин 11а). Таннаим, первые мастера талмудического права, также учат нас, что у женщин меньше литургических обязанностей: например, “Женщины освобождены от чтения *Шема* и ношения тфилин, но обязаны совершать *тефилу* (молитву), мезузу и молитвенное поминовение после еды” (Берахот 3:3). (Хотя существует огромное количество ответов, которые подпадают под рубрику *тефила*, на раввинском языке это обычно относится к ежедневному *Шмоне Эсре* из *шахарит* и *минха*.)

Амораим, более поздние мастера, изучавшие этот конкретный текст мишны, испытывали трудности с обязательством *тефила* для женщин. Разве таннаим, спрашивали они (Кидушин 1: 7), не учили также общему принципу, согласно которому женщины, в отличие от мужчин, освобождены от всех позитивных заповедей, которые должны выполняться в установленные сроки? Почему же тогда женщины должны быть обязаны совершать *тефилу*, то есть особые молитвы, которые можно произносить только в соответствующие временные интервалы?

Амораимы сами ответили на свой вопрос несколько двусмысленно: “Женщины обязаны молиться, потому что молитва - это мольба о пощаде, а женщины тоже нуждаются в пощаде. Однако можно подумать, что *тефила* - это позитивная заповедь с фиксированным сроком действия (за исключением женщин), поскольку в Священном Писании говорится: ‘Вечером, утром и днем я буду непрестанно молиться’ (Пс. 55:18). Следовательно, Мишна недвусмысленно сообщает нам, что женщины обязаны” (Берахот 20а).

Есть два способа понять эту перикопу:

1. *Тефила* действительно относится к категории молитв определенного времени, от которых обычно освобождаются женщины. Но из-за его уникальной функции — просьбы о пощаде — это исключение отменяется, и, следовательно, женщины обязаны это делать. Этой точки зрения придерживаются Раши, тосафисты, Нахманиды и большинство более поздних галахистов.

2. Несмотря на то, что мы можем думать иначе, молитва, подобно мезузе и молитве после еды, является позитивной заповедью, не ограниченной по времени. Поэтому Мишна приходит, чтобы научить нас, что женщины обязаны. Этого последнего толкования придерживаются Маймонид и его ученики (*Мишне Тора*, Хилхот Тефила 1: 1-3).³ Он основывает это на том факте, что обязанность в отношении *тефил* изначально исходит из Торы. Поскольку в Торе не указаны установленные сроки (скорее, они были сформулированы впоследствии раввинами), основную и первоначальную заповедь нельзя считать ограниченной по времени, поэтому женщины обязаны.

Маймонид излагает требования Торы к *тефиле*, и они действительно довольно неформальны: ежедневная молитва, начинающаяся с восхваления Бога, за которой следуют мольбы и прошение, и завершающаяся восхвалением и благодарностью. Каждый человек может создать его в соответствии со своими собственными способностями. Обсуждая раввинскую *тефилу* —

фиксированное время, фиксированный текст — Маймонид не говорит, что женщины были освобождены; он также не говорит, что они были обязаны. Таким образом, было установлено различие между формально-текстовой молитвой с фиксированным временем для мужчин и спонтанной молитвой для женщин.

Как и многие другие детали традиции, законы о женщинах и ежедневная литургия претерпели несколько изменений на протяжении истории. Например, *Шулхан Арух* шестнадцатого века в целом следовал взгляду Маймонида на вещи, и этот вопрос не был исключением: “Хотя женщины освобождены от чтения *Шема*, они, тем не менее, обязаны соблюдать *тефила*, ибо *тефила* - это позитивная заповедь, которая не ограничена временем” (*Шулхан Арух*, Ора Хайим, Хилхот Тефила 106: 2). С другой стороны, в *Шулхан Арух* не указывается точный характер требований к женской *тефиле*, а также не приводятся неофициальные категории, предложенные Маймонидом. Более того, весь раздел *Шулхан Арух*, в котором содержится вышеупомянутый закон, совершенно ясно относится к формальным молитвам с определенным временем.

Столетие спустя закон принял другой оборот, поскольку влиятельный галахист комментирует приведенный выше отрывок из *Шулхан Арух*:

Закон здесь аналогичен закону Маймонида, который придерживался мнения, что заповедь *тефила* взята из Торы. ... Требование Торы [для *тефила*] - один раз в день, в любой форме, которую человек пожелает. Поэтому большинство женщин не молятся с какой-либо регулярностью, поскольку они, по-видимому, выполняют свои обязательства, произнося какую-то мольбу утром сразу после произнесения благословения на омовение рук. Согласно обязательству Торы, этого достаточно для выполнения мицвы. Возможно, раввины Талмуда действительно никогда не требовали от них большего, чем это [в отрывке “Женщины есть обязанный в *тефиле*, мезузе и благодати” (Берахот 3:3)]. Но Нахманид и большинство других поскимов рассматривают *тефила* как раввинскую заповедь [с формальными молитвами по определенному времени, при этом женщины, тем не менее, обязаны].⁴

Здесь мы видим переплетение галахической традиции, социологии и позиционирования постфактум в одном кратком комментарии.

На рубеже двадцатого века два наиболее авторитетных *поскима* указывают на несоответствие между галахической точкой зрения большинства и общепринятой практикой:

Тефила имеет раввинское происхождение и относится к *Шмоне Эсре*, составленному Мужами Великого Собрания. Несмотря на то, что технически женщины должны быть освобождены [поскольку это ограничено по времени], они, тем не менее, обязаны произносить *Шмоне Эсре* из *шахарит* и *минха*. ... И их следует увещевать читать *Шмоне Эсре* и *Шема*.⁵

Волей-неволей мы должны учитывать, что наши женщины не соблюдают все три ежедневных *тефилота*.⁶

Подводя итог: то, что изначально казалось обязанностью для женщин, в значительной степени утратило свою обязательную силу. Одним из способствующих этому факторов является точка зрения меньшинства, которое узаконило менее строгую дисциплину для женщин. Но есть много других факторов, не последним из которых является общее освобождение женщин от определенных заповедей.

Исключение

Основной принцип кажется достаточно ясным. Любая заповедь, которую необходимо активно выполнять в течение определенного срока (далее именуемая временным императивом), не является обязательной для женщин. Временной императив означает, что если вы не выполнили действие в течение отведенного для него времени, вы не можете вернуться назад и исправить его за отведенный для него временной интервал (Кидушин 1:7). Например, если мужчина носит цицит ночью, он не выполнил библейскую заповедь о ношении цицита, поскольку цицит необходимо носить днем. Другие примеры временных императивов: пребывание в сукке и благословение лулава (обязательно во время праздника Суккот), надевание тфилина (должно выполняться днем) (Тосефта Кидушин 1:10). Понятие фиксированного времени довольно эластично и варьируется от одного отрезка одного особого дня до всего светового дня каждого дня в году.

Из освобождения женщин от тфилина раввины извлекают несколько других исключений: отсчет омера, прослушивание шофара и чтение *Шема*. То, что женщины не считаются частью миньяна, также раввински вытекает из законов о женщинах и тфилине.

С нашей точки зрения двадцатого века мы вынуждены спросить: “Почему раввины вообще интерпретировали традицию как исключение женщин?” Интересно, что в Талмуде мы не находим конкретного обоснования. Либо причина была настолько очевидной, что не требовала обсуждения, либо ее обсуждали, но не записывали. Некоторые возразят, что каждая конкретная деталь была дана Моисею на Синае. В любом случае, возникает исключение по признаку пола, а не по функции, стандарт, который ставится под сомнение современными представлениями о сексуальном равенстве.

Хотя Талмуд не предлагает никакого обоснования, он дает наиболее полезное представление о произвольном характере принципа освобождения. Когда рабби Йоханану был брошен вызов относительно неуместности применения этого принципа к определенным заповедям, он ответил: “Несмотря на то, что в Мишне уже указано несколько исключений из этого принципа, этот список не был исчерпывающим. Были или могут быть добавлены другие исключения” (Кидушин 34а). Перефразируя, принцип не обязательно последователен. Для тех, кто склонен интерпретировать это таким образом, заявление рабби Йоханана открывает дверь для исторического исправления деталей, которые вытекают из принципа или из него, что, собственно, и произошло.⁷

Последующие ученые, тем не менее, пытались придать этому исключению какой-то смысл. Их разнообразные объяснения проливают свет на общественное отношение к женщинам в данную эпоху; и, как мы увидим, отрицательная или положительная валентность по отношению к женщинам не является линейной прогрессией.

1. Теория половой иерархии с преимущественным положением мужчин (четырнадцатый век).

Женщины были освобождены от временных ограничений, потому что женщина подчинена своему мужу и должна быть свободна удовлетворять его потребности по мере их возникновения. Чтобы устранить возможные временные конфликты между служением Богу и своему мужу, а также для того, чтобы способствовать гармонии в доме, Бог освобождает женщин от некоторых Своих заповедей, которые должны были выполняться в определенное время.⁸

2. Теория половой иерархии, согласно которой преимущество отдается женщинам, как во взгляде Сэмюэля Рафаэля Хирша на моральное и духовное превосходство женщин (девятнадцатый век).

Освобождение женщин от определенных временных заповедей, безусловно, не может быть связано с тем, что они считаются каким-либо образом менее достойными или важными. ... Но, что более вероятно, Тора не навязывала женщинам эти заповеди, потому что не считала, что женщины нуждаются в этих заповедях. Посредством символических процедур эти временные заповеди время от времени побуждают нас к новым действиям. Тора допускает, что женщины проявляют особую любовь и большое рвение в служении Богу через свое уникальное призвание в жизни [семейная роль]. Более того, занимаясь этим призванием, они в меньшей степени подвержены искушениям, с которыми мужчины сталкиваются в бизнесе и профессиональной жизни. ... Во всех грехах, в которые погрязла наша нация, нас спасла заслуга праведных женщин.⁹

3. Отсутствие ментального контроля (тринадцатый век). Мидраш объясняет, почему женщины подпадают под исключение наряду с детьми и рабынями: “Из-за целеустремленности всех троих; у ребенка глупость на уме, а рабыня рабски связана со своим хозяином” (Ялкут Шимони, 1 Царств. 1: 13).¹⁰ Эта теория отличается от первой тем, что это функциональное исключение (служение своему мужу); здесь выносятся более широкое, более распространенное оценочное суждение о женской личности.

4. Теория обратного контроля времени (двадцатый век). Из-за менструаций, собственных биологических часов, женщины более чувствительны к течению времени, чем мужчины. Поэтому женщинам не нужны определенные заповеди, отмечающие время. Мужчинам, однако, такие заповеди нужны, чтобы помочь им лучше осознать космическое измерение времени. Эта точка зрения была предложена рядом современных раввинов.

5. Освобождение как функция частного и публичного характера конкретного ритуала (двадцатый век). Эта теория, предложенная Солом Берманом, представляется наиболее сложным, актуальным свежим анализом принципа освобождения. Берман указывает, что время является слабым коррелирующим фактором, и исключений из правила больше, чем в остальном. Затем он выявляет более последовательный, единообразный фактор, объясняющий, почему тот или иной предмет подпадает под исключение - публичное или частное исполнение мицвы. Поскольку еврейское общество диктовало, что женщины функционируют в первую очередь как “внутренние” личности, раввины делали все, что было в их силах, чтобы предотвратить привлечение женщин к работе в государственном секторе.¹¹ Теория Берман четко объясняет отсутствие статуса у женщин в миньяне, женщин, которым не разрешается обращаться к Торе, женщин, лишенных права быть свидетелями в еврейских судах, — все это привело бы женщин в государственный сектор. Эта теория важна, потому что она не только проливает свет на принцип, но и на вклад социологии в галахическое творчество. Раввины интерпретировали традицию в свете ожиданий и социального понимания мужчин и женщин своего времени. Я вернусь к этому вопросу позже.

Хотя были выдвинуты как положительные, так и отрицательные доводы, похоже, что принцип и практика освобождения в целом привели к негативному представлению женщин о себе в отношении дисциплины постоянной молитвы. Что, возможно, нарушает баланс, так это формулировка самого принципа: “Женщины, рабы и дети освобождены от ответственности”

(Кидушин 1:7). Конечно, женщины не приравниваются к рабам или детям, но эта фраза тонко намекает на то, что в глазах Галахи женщины делили с рабами и детьми более низкий статус, чем взрослые свободные мужчины. Разумеется, от женщин не ускользнуло осознание того, что отдельные рабы и дети мужского пола могут вырасти из этих приписываемых категорий, но весь класс женщин навсегда сохранил статус “освобожденных”, “освобожденных”, “неподотчетных”.

Таким образом, влияние законов, освобождающих от ответственности, на законы, обязывающие, было далеко идущим. Исключения не только ослабляли приверженность женщин молитве, но и подавляли любое желание официально считаться равноправными членами святой общины.

Государственное / Частное дело

Общая молитва отличается от частной молитвы в нескольких отношениях. Для этого нужен кворум из десяти человек (Мегилла 23б); это более желательная форма молитвы (Берахот 6а, 8а); определенные отрывки, обычно известные как *отрывки давар ше-би-кедуш* (святость), могут быть прочитаны только в кворуме (Мегилла 5б).¹²

Миньян - это отношения галахической взаимозависимости, невысказанный, но мощный символ человеческой взаимозависимости, того, что представляет собой сообщество. Каждый человек в миньяне позволяет каждому другому человеку выполнять требования миньяна. И наоборот, тот, кто не обязан выполнять мицву *тефила бе-циббур* (молитва в кворуме), не может позволить другому выполнить это обязательство.

Таким образом, молитва в миньяне предпочтительнее частной молитвы; она укрепляет чувство родства. Однако в традиционном иудаизме женщины не могут ни составлять миньян, ни позволять другим составлять его.¹³ Очевидна определенная правовая симметрия: точно так же, как женщины освобождены от обязанностей по совершению общественной молитвы, они “освобождены” и от прав на совместную молитву. Таким образом, когда женщины все—таки молятся, это становится функцией периодического и запоздалого посещения синагоги, переживание, которое еще больше приглушается тем фактом, что женщины находятся на периферии — как психической, так и реальной - собравшегося собрания.

Добавьте эту публичную невидимость к исключению по признаку пола, и вся ситуация становится такой, которая вряд ли рассчитана на серьезную молитву — вот почему молитва стала в иудаизме мужской прерогативой. Пятилетний Аврум Зев знает это; я подозреваю, что его трехлетний брат тоже это знает. И триста женщин тоже.

Несколько лет назад мы с семьей провели пасхальные каникулы в отеле Catskill, где все постояльцы были православными. В первую ночь Песаха моим глазам предстало странное зрелище. В вестибюле, безукоризненно причесанные и одетые, сидели и болтали триста женщин; их мужья были в синагоге отеля на вечерней службе. Это был явный пример обусловленности и ожидания. Ни у одной из присутствующих женщин не было никаких домашних дел или забот по уходу за детьми, которые требовали бы их времени и внимания в данный момент, как, возможно, было бы в случае дома. Взгляд на женскую секцию в синагоге сделал картину завершенной — порванный, потрепанный на вид занавес, закрывающий *мехицу*, полностью блокирующий обзор и приглушающий звук. С таким же

успехом на задней двери могла бы висеть табличка: ЖЕНЩИНАМ ПОДАВАТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ НЕ НУЖНО.

Тут же всплыл другой образ: комната 204 в административном здании католического колледжа, где я когда-то преподавал. Школа была основана более ста лет назад женским орденом, и в течение десятилетия, последовавшего за Вторым Ватиканским собором, она претерпела множество изменений, все из которых отражали либерализационные тенденции Церкви. Монахини “отказались от привычки”, школа стала совместной, курсы по иудаизму теперь преподавал еврей, а не священник, и так далее. Но некоторые вещи не изменились. Каждый божий день в 12:30 группа католических женщин, религиозных и мирянок, от президента колледжа до помощника по административным вопросам в типографии, собиралась на полчаса в специальной часовне — комнате 204 - чтобы отслужить мессу. Не менее впечатляющим для меня было узнать, что эта практика продолжалась в течение ста лет, и ни один день не был пропущен. Цифры были небольшими, но они были постоянными, и студентам была доступна модель. Как я ни пытался поискать в своем уме параллельную группу в моем собственном сообществе, я не смог. Отдельные люди - да, но группа взрослых женщин, которые служили бы образцом во многом так же, как миньян мужчин служит духовной и ментальной моделью для индивидуальной молитвы? Ни одна.

Сила обусловленности В сравнении с Новыми Реалиями

Кажется, ситуация требует исправления. Но сначала мы должны спросить: что же на самом деле такого плохого в существующем положении вещей? Большинство женщин, соблюдающих заповеди, испытывают очень сильное чувство приверженности иудаизму без всяких молитв. Большинство традиционных женщин вполне довольны существующим положением вещей и на самом деле не ищут дополнительных заповедей. Зачем говорить о других? Позвольте мне поделиться своими собственными чувствами и смешанными эмоциями.

Мне всегда было легко и даже приятно осознавать, что у мужчин есть определенные заповеди, а у женщин - другие. Отчасти благодаря обучению, отчасти обусловленности, мои собственные молитвенные привычки развиты значительно меньше, чем у большинства мужчин, которые находятся в той же точке конфессионального континуума. Я все еще считаю себя очень реализованным евреем. Более того, я должен признаться, что испытываю чувство удовольствия, наблюдая за мужчинами, выполняющими свои молитвенные обязанности. Это не просто поверхностное удовольствие. Скорее, этот опыт затрагивает меня на каких-то очень глубоких уровнях духовного и сексуального понимания, суть которых я не в состоянии сформулировать даже самому себе.

Что это за внутреннее удовлетворение, которое я испытываю, наблюдая, как мой муж и сыновья надевают тфилин? Как объяснить этот прилив гордости, когда я наблюдаю, как они читают слепополуденную молитву — дома, или в тихом месте на краю песчаного пляжа, или даже в телефонной будке на Манхэттене, когда сумерки приближаются быстрее, чем пробки в час пик? Почему я испытываю чувство удовлетворения и завершенности, не испытывая ни малейшей мотивации присоединиться? Дело в том, что, несмотря на то, что я знаю интеллектуально, эмоционально, я пришел к мысли о молитве как о “мужском занятии”, когда так повелевают только мужчинам. Интерпретировали ли раввины откровение не в свете общепринятой мудрости, а скорее с учетом некоего божественного понимания человеческой природы, так что совместные литургические обязанности в конечном итоге каким-то образом потерпели

неудачу? Может ли быть так, что то, что происходит в миньяне только для мужчин, удерживает мужчин от поиска менее желанных мест для мужской связи, таких как бары, бильярдные и мужские клубы? Кроме того, кто хочет вставать раньше для молитвы; кому нужна дополнительная нагрузка или ответственность? Почему бы не принять литургический статус-кво, такой простой, такой приятный, такой гибкий?

Несмотря на интеллектуальное осознание того, что женщины имеют иной и объективно второсортный статус в ортодоксальной синагоге, я все еще чувствую себя довольно комфортно в этой конкретной обстановке. Иногда я предпочитаю просто сидеть в последнем ряду задней секции со своей стороны *мехицы*, секции с опоздавшими, молодыми матерями с младенцами, маленькими детьми, и просто греться в жизненной силе этого места, в атмосфере, настолько насыщенной жизнью и сообществом, что ее почти можно растереть пальцами. Конечно, были случаи, когда я чувствовала беспокойство или отстраненность, но таких было немного. Чаще всего меня затягивает в водоворот этого особого сообщества. Так или иначе, молитва в ортодоксальной синагоге каждый раз освежает.

И *мехица*! Возможно, из-за того, что я так привык к этому, это расставание не вызывает негодования, как ожидали бы посторонние. Говорят, что его идеальная функция заключается в создании ауры одиночества с Богом, отдельного человека, отделенного от семьи. На практике *мехица* также выполняет социальную функцию; она способствует сплочению сообщества посредством процесса установления связей между мужчинами и женщинами. Я знаю, что большинство ортодоксальных женщин и мужчин разделяют эти чувства, поскольку вред ли кто-то в обществе требует перемен.

Наконец, существует дилемма, которую нельзя упускать из виду. Что касается групп, которые настаивают на равенстве женщин в литургии в наше время — реформистских, реконструкционистских, консервативных, — то факт таков, что ни мужчины, ни женщины не молятся с какой-либо регулярностью. Нет, это, конечно, неплохо в традиционном сообществе, при том, как обстоят дела. Тем не менее, я вынужден задавать другие вопросы, вопросы, которые лежат на грани моего удовлетворения, которые выходят за пределы моего самодовольства. Действительно ли я верю, что женское причастие отличается в глазах Бога и что Он хочет его меньше? Действительно ли мужчины больше подходят для строгой дисциплины молитвы, или это просто потому, что женщинам был дан или они выбрали легкий путь?

А как насчет спирального эффекта высвобождения? Возможно ли когда-нибудь получить полный и равный доступ без фактического принятия на себя полной и равной ответственности, особенно в системе, которая определяет доступ с точки зрения ответственности? Может ли женщина когда-либо надеяться стать религиозным лидером, если она не прошла равных испытаний как мирянин? В самом деле, разве не существует неразрывной связи между освобождением и ограничением, между безответственностью и незаметностью для общественности, между приписываемым младшим статусом и пониженной самооценкой? Если мы вообще чему-то и научились у феминизма, так это тому, что права и обязанности должны сочетаться?

Какие скрытые побочные послания, я вынужден спросить, проявлялись все эти столетия из-за пристрастия женщин к литургии? Второй пол? Не полноправные члены общины? Неспособен нести постоянную ответственность? Не контролирует время и судьбу? Даже если бы мы сказали,

что раввины не стремились исключить женщин из основной еврейской литургической деятельности, мы все равно должны были бы признать негативные оценочные суждения, которые это порождало из поколения в поколение.

Наконец, как насчет молодых женщин, которые сейчас растут в обществе, женщин, у которых нет ни амбивалентности, ни самодовольства, женщин, которых больше не удовлетворит молитва через доверенное лицо и духовное сообщество на расстоянии вытянутой руки? Как насчет женщин, у которых нет мужчины, через которого они могли бы проводить ритуалы опосредованно, — одиноких женщин, вдов, разведенных? Как сообщество отреагирует на женщин, которые хотят быть привлеченными к ответственности и ожидают, что с ними будут считаться в полной мере? Даже если бы таких женщин не было, я должен спросить себя, хочу ли я, чтобы мои дочери были приучены к тому же уровню ожиданий, что и я?

Итак, несмотря на мое самодовольство, я должен заключить, что ремонт, а не повторение, является более достойной альтернативой, какой бы тяжелой ни была борьба. Учитывая новую реальность, в которой сегодня находятся женщины, кажется, что это, возможно, подходящий момент в истории для того, чтобы наметить более ответственный духовный курс, вывести обязанность из ее неопределенного состояния, вернуть женщинам здоровые привычки богослужения и предоставить женщинам равный статус и равный доступ, которые приходят с обязанностями. Я верю, что это можно сделать галахическими способами, продолжая традицию: обучая еврейских женщин их обязанностям, сокращая период освобождения, чтобы он стал функциональным, а не просто гендерным, и переосмысливая статус женщин в духовном сообществе.

Обучение женщин Заповедям, которые действительно существуют

Само собой разумеется, что образование очень важно. Те женщины, которые молятся, делают это в основном потому, что их так научили. Но образование имеет свои пределы. Дело в том, что это сработало только для очень небольшого числа женщин в ортодоксальной общине, или это работает до определенного возраста, а затем все, чему они были научены, становится разученным. Требуется нечто большее, чем просто образование.

Помимо всего прочего, освобождение женщин имело мощный волновой эффект. Находя отклик во всех областях, затрагивая духовные и интеллектуальные реакции женщин далеко за пределами своей непосредственной юридической досягаемости, это исключение подорвало лучшие намерения, лучшие образовательные усилия. Следовательно, необходимо смягчить его последствия. Я могу представить себе галахический процесс, который начинается с сокращения срока освобождения. Женщины, как правило, будут включены в обязательства по соблюдению установленных во времени заповедей (как это происходит во многих случаях), но им будет разрешено освобождение в период воспитания детей, когда нельзя будет отложить немедленные, бессрочные требования ребенка к родителю. Возможно, исключение может действовать до тех пор, пока младший ребенок не достигнет семи, или десяти, или двенадцати, или тринадцати лет, причем последний возраст в еврейской традиции является синонимом самоответственности молодежи (двенадцать лет для женщин, тринадцать лет для мужчин).

Возможно, это не такой грандиозный галахический скачок, как кажется. Сам язык исключения гласит, что женщины являются *patur* (освобожденными, уволенными). Это вызывает в памяти первейшую обязанность всего Израиля, от которой впоследствии освобождаются женщины.

Возможно, такое постановление является не более чем отделением сути завета — любить Бога и служить Ему — от различных форм, которые он принимал на протяжении истории.

Таким образом, сохранение исключения для молодых матерей позволит достичь нескольких целей: с галахической точки зрения, оно будет более тесно связано с прошлым и развеет часто высказываемые опасения, что *тефила* будет мешать семейным обязанностям. Что еще более важно, это превратит категорическое гендерное исключение из чего-то негативного для женщин, как это происходит сейчас, в нечто более позитивное. Это будет тонкое, но убедительное заявление о святости воспитания семьи, которое в течение нескольких решающих лет может иметь приоритет над заповедью молитвы. Галахическая модель - *ха-осек ба-мицва патур мин хамицва* — тот, кто занят выполнением одной мицвы, освобождается от другой (Сукка 25а). Изложенный таким образом, он может помочь сформировать осознание религиозной значимости задач по уходу за детьми и тем самым ослабить негативное значение, придаваемое этим задачам в современном обществе.

Возможно, что переформулировка исключения для женщин с точки зрения функции, а не пола, может оказаться промежуточным шагом, а последним шагом будет освобождение по функции для любого пола. По мере того как общество медленно, но неумолимо движется к более равному распределению обязанностей по уходу за детьми и ведению домашнего хозяйства, мы начинаем наблюдать всевозможные формы социальной поддержки мужчин как отцов, которые были невообразимы всего поколение назад — такие вещи, как отпуск по уходу за ребенком, отмена ночных собраний и так далее. Поэтому не исключено, что в рамках органического роста Галахи освобождение от ответственности выпадет на долю отца в еврейских семьях, когда он является основным воспитателем детей. Это логическое завершение исключения по функции.

Тем временем, однако, необходимо уделять внимание традиции и истории. Мы должны быть должным образом чувствительны к галахической традиции и ее ритму, поскольку она пытается предоставить женщинам больший доступ и ответственность. Поступать иначе в данный момент - значит поляризовывать и разрушать без достижения каких-либо дополнительных реальных выгод. Более того, необходимо учитывать социальную реальность и биологию. Я полагаю, что большинство женщин по-прежнему будут стремиться к преимуществу в воспитании детей.

Наиболее очевидным результатом включения женщин в круг обязанных будет превращение *тефилы* в соответствующее постоянное выражение приверженности женщины на протяжении большей части ее жизни, первых двадцати или тридцати лет до того, как у нее появятся дети, и последних тридцати или сорока лет после того, как ее дети смогут функционировать самостоятельно.

Я подозреваю, что мы также будем наблюдать следующую закономерность. Однажды приученные к молитве женщины будут продолжать молиться даже в те периоды, когда они освобождены по галахии. Каким-то образом, несмотря на открытый характер ухода за детьми, женщины все чаще берут на себя множество ролей, которые выводят их за пределы дома. Я знаю нескольких женщин, которые работают, у которых большие семьи, которые активны в обществе., и которые также никогда в жизни не пропускали *Шмоне Эсре*, даже во время беременности, родов и ухода за младенцами. Женщины также могут учиться у мужчин, которые каким-то образом умудряются выполнять свои молитвенные обязательства даже в периоды повышенного давления и ответственности.

Пересмотр статуса женщин в совместной молитве

С галахической точки зрения обязанность молиться совершенно независима от обязанности молиться в миньяне. Хотя закону удастся разделить их, психика не может; на каком-то более глубоком уровне общественный и частный режимы неразрывно сплетены. То, что существует симбиотическая связь между общественной и частной молитвой, было хорошо понято раввинами, которые учили, что если человек не может молиться с миньяном, он должен синхронизировать свою молитву со временем молитвы миньян (Берахот 7б–8а). Следовательно, в качестве подкрепления модели постоянной молитвы, как ее естественного продолжения и как символ возмещения ущерба общественному достоинству еврейских женщин, галахическая обязанность женщин участвовать в общественной молитве должна быть установлена или восстановлена, в зависимости от исторического случая.¹⁴

Необходимо проводить важное различие относительно точного характера обязательства. Молитва в миньяне “срочно предпочтительнее”; она не “обязательна”.¹⁵ “Срочно предпочтительнее” означает, что женщина, которая серьезно относится к своим молитвенным обязанностям, не обязательно будет вынуждена работать в государственном секторе и молиться с миньяном, точно так же, как мужчина не обязан читать все свои молитвы с миньяном. С другой стороны, когда женщина приходит вместе с другими евреями на молитву, ее следует считать членом молитвенного сообщества с равным положением.

Я использовал термин “достоинство”. Я говорю не об оскорблении, не о жестоком обращении или личном оскорблении; Ортодоксальные женщины просто так не чувствуют, несмотря на то, что посторонние думают, что мы должны. Когда я говорю об общественном достоинстве женщин, я имею в виду то, что кажется справедливым и пристойным как с теологической, так и с иной точки зрения. Моя вера в совершенного Бога не позволяет мне верить, что Бог отдает предпочтение одному полу перед другим при создании святой конгрегации.

Синагога - это не только место молитвы. Не случайно, что из трех ивритских терминов, используемых для обозначения “синагоги” (*бет мидраш*— дом учебы; *бет тefила*— дом молитвы; *бет кнессет*— дом собраний), тот, который обозначает общину — *бет кнессет*— вытесняет два других. В современной ортодоксальной еврейской жизни община ориентируется вокруг синагоги. Учитывая тот факт, что женщины живут дольше и демонстрируют растущую способность гибко переключаться между частными и общественными ролями, синагоге следовало бы искать способы завладеть временем, присутствием и энергией женщины, а не отчитывать ее. Правда в том, что раввины и мирские лидеры поощряют женщин участвовать в мероприятиях, связанных с синагогой. Таким образом, несоответствие между их присутствием на публике и их галахическим статусом становится еще более вопиющим. Когда в восемнадцатом веке виленский гаон учил своих дочерей молиться дома, а не ходить в синагогу, он опирался на совершенно иную культурную и социальную реальность. Поскольку еврейские женщины берут на себя множество новых ролей и по мере того, как они все больше достигают равного статуса в обществе в целом, разве им не должно быть предоставлено такое же достоинство в их основной общине?

Я знаю, что спрашивать о том, что современные галахисты ищут средства для интеграции женщин в миньян, непросто. Во-первых, тот факт, что реформистский, реконструкционистский и консервативный иудаизм выступил первым, затрудняет ортодоксальным даже рассмотрение вопроса независимо от его политического подтекста. Это прискорбно, но это правда. Это также

сложно просто потому, что большинство женщин сочтут промежуточный этап неловким и некомфортным по мере того, как они переходят от низкого профиля к высокой видимости.

Эти два вопроса должны быть решены в процессе. По мере возникновения внутреннего давления важность межконфессиональной политики будет уменьшаться. Это можно назвать скользящей шкалой религиозной политики. Точно так же только по мере того, как женщины начнут испытывать повышенную вовлеченность, это будет казаться им менее чуждым.

Будет поднято множество других вопросов. Например: как быть с женщинами, которые не воспринимают всерьез обязательства, а хотят только прав? Этот вопрос имеет несколько других последствий. При этом два: “Как только женщины будут учтены в миньяне и получают свое право быть призванными к Торе, они даже не потрудятся появиться”; или “Если женщины возьмут на себя обязательства и не выполнят их, это просто создаст еще больше нарушений в мире”. На что следует ответить вопросом: если *силахийюв* (обязательства) заключается в том, чтобы связывать, не является ли столь же вероятным, что при обязательстве женщины будут усиливать свое соблюдение, а не уменьшать его, и что при больших правах женщины возьмут на себя больше ответственности, а не меньше? По крайней мере, женщине должно быть предоставлено такое же право сомневаться, как и мужчине. Никто не проверяет *цицит* человека, то есть принял ли он на себя все обязательства по шестистам тринадцати заповедям. Мы также не обязаны проверять. Все мы знаем бесчисленные случаи, когда “еврейского мужчину” забирали с улиц, чтобы он служил десятым на миньяне, часто просто для того, чтобы постоять там и сказать “Аминь”; это к чести раввинов, которые понимали первенство *клаль Исраэль*, что они не списывают со счетов даже наименьшего из наших братьев. И тем более для женщины, которая приходит добровольно, из своих собственных обязательств.

Уничтожит ли смешанный пол *мехицу*? Возможно, столетие - это слишком рано, чтобы что-либо говорить о причинно-следственных связях, но факт остается фактом: смешанное рассказывание практиковалось задолго до того, как появились какие-либо разговоры о равных обязательствах. Смешанные места для сидения, отчасти, отражают американизацию синагоги; вопрос о равенстве в совместной молитве вытекает из фундаментального богословского вопроса. Если *мехица* служит для поддержания статуса женщины второго сорта, она будет становиться все более уязвимой, поскольку традиционные женщины становятся более сознательными и менее пассивными в отношении сексуальной иерархии. Я бывал в синагогах, где женщины не могли слышать богослужения, где им приходилось скосить глаза, чтобы увидеть, что происходит. Я был в других местах, где *мехица* делала совершенно другое заявление о женщинах, где она была построена таким образом, чтобы женщины могли не только одинаково хорошо видеть и слышать, но и где отсутствие женщин заметно уменьшило бы чувство молитвы в обществе. Таким образом, представляется, что *мехица* по своей сути не унижает достоинство женщин и не должна исчезать по мере того, как женщины берут на себя новые роли, а также что “отдельный” в каждом последнем случае не является синонимом “неравного положения”.¹⁶

The *Мехица* служит большему, чем упомянутые выше духовные и социальные функции — интимному одиночеству с Богом и связям мужчины и женщины. Это также бесспорно подчеркивает половую дифференциацию, что является немалым достижением в обществе, которое иногда путает равенство с андрогинностью. Тайна человеческой сексуальности гораздо более распространена в рамках *мехицы*, чем в синагоге со смешанным составом зрителей, где сексуальность просто воспринимается как должное. На самом деле, когда я

оглядываюсь по сторонам утром в шаббат, мне трудно соотнести первоначальное обоснование раздельного рассаживания — что присутствие женщин может привести к легкомыслию — с текущей реальностью. Кажется, это просто не подходит. Невооруженным глазом кажется, что в синагоге с *мехицей* меньше приличий и больше товарищества, чем без нее. Я не уверен, что раввины не понимали, что половая связь и ощущение человеческой сексуальности являются положительными факторами в построении избранного сообщества.

Все это не означает, что раздельное сидение обязательно является единственным способом или самым приятным способом для еврея молиться. Тем не менее, в этом есть аспекты, которые вполне оправданны. Более того, галахическая политика общины делает крайне нецелесообразным связывать *мехицу* с равенством литургических обязанностей и прав. *Мехица*, тем не менее, также должна служить напоминанием нам о необходимости сохранять бдительность, чтобы ее не использовали, как это было в прошлом, для увековечения второсортного статуса женщин в совместной молитве.

Здесь уместно сказать несколько слов о женских миньянах как решении проблемы периферийного статуса. Женский миньян действительно имеет значительную ценность, поскольку в нем женщина может приобрести навыки, которые в противном случае у нее не было бы возможности развить: ведение молитвы, чтение Торы, даже знакомство с порядком *тефилот*, которые обычно развивают мужчины. Отдельные общины должны помогать женщинам создавать молитвенные группы. Организовать такую группу непросто, а поддерживать ее в рабочем состоянии еще сложнее. Женская группа "*тефила*" из Ривердейла в моей собственной общине, состоящая в основном из замужних женщин с детьми, отобранных из трех местных ортодоксальных общин, собирается раз в месяц в одной из синагог и пользуется полной поддержкой принимающего раввина и его прихожан. Тем не менее, нескольким преданным делу женщинам потребовалось много времени и усилий, чтобы продержаться третий год. Даже сейчас ежемесячная дата шаббата часто определяется в соответствии с тем, в какой из двух частей Торы содержится наименьшее количество стихов.

Женский миньян - это в лучшем случае временное решение. Полностью сепаратистское решение - это не то, к чему стремится сообщество ковенантов. Более того, отдельный миньян по-прежнему будет удовлетворять лишь небольшое число женщин. Для большинства полный доступ должен быть в пределах досягаемости всего сообщества. Синагога, естественно, - это место, которое укрепляет семью, а не разделяет ее.

А как насчет кадиша? Считать женщин, когда они приходят, - это одно, но при равных обязательствах женщина-плакальщица должна молиться с миньяном три раза в день. Кадиш поднимает множество вопросов — безопасность женщин, семейные обязанности и даже вопрос о том, кто из членов семьи имеет приоритет в совместной молитве. В тот год, когда мой муж произнес кадиш в память о своем отце, блаженной памяти, вся наша жизнь была перестроена — не только время пробуждения, но и время приема пищи и сна, часы работы, путешествия, гости, все. Чтобы не пропустить ни одного кадиша в течение целых одиннадцати месяцев, вдобавок к очень плотному графику, требовались планирование и выдержка. Это также был один из самых невероятных опытов исцеления от горя благодаря связям нежного и поддерживающего сообщества.

Смогла бы женщина это сделать? Я знаю одну женщину, которая сделала, и другую, которая могла. Недавно, на утренней бар-мицве в понедельник, я встретил старого друга, раввина с

солидной репутацией и последователями, человека, категорически выступающего против любых изменений, касающихся женщин и Галахи. Зная, что я давний поклонник его жены, матери одиннадцати детей, он с гордостью объяснил мне, почему ее там не было. В настоящее время она работала медсестрой-интерном полный рабочий день и была единственной бабушкой в строгой программе. Чтобы избежать дежурств в больнице в шаббат, она каждое утро работала в 8:00 утра. Это означало, что она должна была выходить из дома каждый день в 6:30 утра. “И угадай, кто готовит *cholent* каждую пятницу?” - спросил он с огоньком в глазах.

Теперь я знаю, что одна энергичная бабушка не отвечает на этот вопрос. Но она указывает на тот факт, что традиционные женщины, столь прочно связанные с домом и семьей, также способны к дисциплинированному поведению вне дома. Я не мог не задаться про себя вопросом, нашел ли мой друг какую-либо связь между строгим распорядком дня своей жены и его собственной узкой позицией в отношении женщин и еврейских традиций.

Потребуется поддержка семьи и общества, чтобы женщина смогла выполнить заповедь кадиша. Женщины, вовлеченные в более насущную религиозную задачу воспитания молодой жизни, по необходимости будут освобождены от ответственности за почитание умерших. Но преимущества регулярного участия женщин в выполнении общественных заповедей могут намного перевешивать трудности. Я сравниваю жизни Рут и Дэна, которые потеряли своих супругов несколько лет назад. Рут и ее муж Ирвин были основателями синагоги и были активными прихожанами в течение двадцати лет. После смерти Ирвина в синагоге как будто не нашлось места для Рут. В последнее время я заметил, что она перестала приходить. Дэн, с другой стороны, установил еще более прочные связи с синагогой после смерти своей жены; ежедневный миньян, который он не посещал до ее смерти, стал важным якорем в его жизни. Это была не просто молитва, это была группа, организующий принцип. Прошло три года, а он все еще ходит на ежедневный миньян.

Есть некоторые еврейские мужчины, которые произносят кадиш с миньяном каждый день, как того требует Галаха, другие, которые произносят это, когда могут, и третьи, которые привлекают третью сторону, чтобы произнести кадиш за любимого человека. Женщины, несомненно, могут распределять себя по тому же континууму. Те женщины, которые возьмут на себя дисциплину ежедневного кадиша во время травмы, пожнут психологические, духовные и родственные награды, которые так блестяще сформулировали раввины древних времен.

Связующая сила Галахи

Некоторые люди говорят на все это: “Пусть женщины молятся; кто им мешает? Пусть они читают кадиш. Пусть они создают свои собственные молитвенные группы. Пусть они организуют женский хакафот”. И так далее. Но факты противоречат таким идеям. Большинство еврейских женщин не делают ничего из этого. Так же поступили бы и люди, если бы они не ощущали всю связующую силу возложенного на них обязательства. В этом простом факте заключается фундаментальная истина и сила галахического иудаизма. Еврейский закон не касается экстраординарных или сверхмотивированных людей. Он обращается к обычному человеку и поднимает его на другой уровень. Если бы мне, как женщине, не было предписано соблюдать шаббат и кашрут, я бы сделала все, что в моих силах, чтобы мужчины в моей жизни могли тщательно соблюдать эти заповеди, но я, вероятно, чувствовала бы себя безудержно, если бы воспользовалась субботними распродажами или съела омаров и креветок. Однако мне так приказано, поэтому даже сама мысль о том, чтобы поступить иначе, вызывает у меня

определенное отвращение. Я не только соблюдаю Шаббат и кашрут, но и полюбил эти заповеди и ценю то, что они во многом определяют меня как еврея.

Учитывая их общую верность Галахе, кажется, что ортодоксы больше всего выиграют от интеграции феминистских ценностей. Кто может лучше перевести на еврейский язык такие идеи, как “равная способность женщин соответствовать новым ожиданиям”, чем группа, которая неизменно хорошо справляется с галахическими ожиданиями? Недостаточно сказать, что в существующем статусе-кво нет ничего дурного; учитывая уникальные рычаги, предлагаемые галахической системой, следует сказать: “Насколько лучше было бы, если бы женщины были истолкованы В.”.

В области женщин и литургии, возможно, больше, чем в любой другой сфере ритуала, мы видим огромное разнообразие интерпретаций, перевороты прежних мнений, социальную целесообразность, сопряженную с синайской традицией. Просто проследить исторические закономерности — мягко говоря, неустойчивые — значит уйти с ощущением, что в толковании галахи присутствовал какой-то элемент человеческой изменчивости. Что произошло, например, между вторым веком, когда Мишна учила, что женщины освобождены от чтения *Шема*, и семнадцатым веком, когда *Шулхан Арух* добавил, что женщин, тем не менее, следует учить принимать ярмо небесного царства (ежедневное чтение *Шема*); между семнадцатым веком и двадцатым веком, когда ни одна уважающая себя религиозная образовательная система не позволила бы своим дочерям не произносить *Шема*? Кто может объяснить историю освобождения раввинами женщин от мицвы лулав или, если уж на то пошло, средневековое и современное галахическое признание, если не настойчивое требование, чтобы женщины благословляли лулав?

Что произошло между первоначальным раввинским освобождением женщин от шофара и почти повсеместным галахическим включением женщин сегодня, включая практику посещения дома женщины, которая не может прийти в синагогу, чтобы освободить ее от исполнения заповеди о прослушивании шофара, как это делается для мужчины, находящегося в аналогичном заключении?¹⁷ И разве нет явного раввинского произвола в случае с молитвой после еды? Тора говорит нам: “И вы будете есть, насытитесь и благословите Бога” (Втор. 8: 10). В этой заповеди нигде не проводится различия между мужчиной и женщиной. Раввины, однако, определили, что обязанность давать милость женщинам является заповедью не из Торы, а раввинского происхождения (*Пискей Ха-Рош*, Берахот 7:4).¹⁸ Поскольку у женщин меньше обязательств, когда мужчины и женщины сидят за одним столом, женщины не могут составлять *зиммун* (кворум из трех мужчин, который созывает милость). Законы *циммуна* дают богатое представление о том, как сохранялась мужская ритуальная иерархия. Не было никакого элемента фиксированного времени, не было вопроса о публичном или частном присутствии, не было проблемы смешанной компании. Весь *зиммун* занимает всего одну минуту и читается ответственно перед молитвой. Женщины обязаны отвечать перед мужским *циммуном* или составлять его самостоятельно, если присутствуют три женщины, но не трое мужчин. Как же тогда мы можем понять идею о том, что женщинам не разрешается создавать вместе с мужчинами *зиммун*? Я думаю, это отражает волю раввинов сохранить “сообщество” как мужское. Было нетрудно найти галахический путь.

Таким образом, женщины были включены в определенные литургические обязанности, потому что они регулярно принимали и выполняли определенные заповеди; в других случаях их

приучали к большей ответственности; в третьих, как в ежедневной молитве, они просто ускользали почти незамеченными; и, наконец, в некоторых случаях они были произвольно истолкованы. Таким образом, те, кто говорит “никаких изменений для женщин в литургии”, сами пишут новые правила о женщинах и Галахе. Задача религиозных лидеров сегодня состоит в том, чтобы найти способы сбалансировать новые моральные и этические суждения в отношении женщин с ритуальными аспектами Галахи. Это не означает автоматического отказа от любой возможности поднять женщин на новый уровень участия в литургии и общине.

Точно так же, как освобождение от ответственности и публичная невидимость в прошлом имели негативный эффект домино, так и обязанности и полные права женщин теперь изменятся в положительную сторону. Одной из таких областей будет празднование событий в жизни исключительно женщин.

Одна из прелестей иудаизма заключается в том, что ничто не воспринимается как должное. Каждое действие, каждое событие, каждый новый этап, каждый обряд посвящения становятся религиозным опытом, который каким-то образом связывает человека с Богом и обществом. Но это было более верно для мужчин, чем для женщин. В прошлом общинное и религиозное празднование рождения мальчика или его вступления в половую зрелость не имело эквивалентного выражения для женщин в нашей обширной традиции. Разве это не повод задуматься о том, что в религии, столь чувствительной, столь всеобъемлющей, где есть благословение на все — на гром и молнию, на путешествия, на еду, на очищение, на новые фрукты и новую одежду — эта традиция не сформулировала ни единого благословения, не говоря уже о полномасштабном ритуале, чтобы отметить то, что, несомненно, является пиковым моментом в жизни женщины? Представьте, какое религиозное празднование к настоящему времени развил бы иудаизм, если бы все эти поколения именно мужчины испытывали чудо рождения!

По мере того, как женщин будут поощрять более серьезно относиться к своим собственным духовным способностям, они начнут развивать религиозные формы, выражающие эмоции, которые они испытывают в своих сердцах, эмоции, которые в настоящее время не находят особого еврейского выражения. После завершения начального этапа инноваций экспериментов эти религиозные формы войдут в русло традиций, чтобы обогатить будущие поколения.

Вторым результатом совместной литургической ответственности станет распределение ролей общественного лидера. На первый взгляд кажется, что лидерство и литургия никак не связаны. Тем не менее, я считаю, что отсутствие у женщин статуса в общественной молитве одновременно ослабило их интерес и ограничило их возможности для выполнения ответственных руководящих ролей, мирских и религиозных, по всем направлениям структурированного сообщества. Хотя процесс уже начал разворачиваться вспять, он будет продвигаться гораздо быстрее с позитивными моделями из каждого сектора.

Наконец, и это самое важное из всего, полная ответственность и права с большей готовностью приведут женщин к ежедневной молитве, чего трудно добиться в обществе, которое не молится естественным образом. Ежедневная молитва иногда поднимает настроение, иногда является рутиной, но она всегда отражает приверженность евреев. Формализованная молитва - это способ привнести в свое время и в свое место осознание Божьего творения, чудес нашего спасения, благословений жизни и любви, которыми мы наслаждаемся, экзистенциальных

забот, которые не ускользают ни от одного из нас. Молитва также является способом объединения себя с еврейским народом. Менее возвышенный и, возможно, более непосредственный, это способ отметить свое пребывание в качестве еврея, и даже в этом есть большая ценность.

Несколько лет назад, воскресным днем, я поехала на каток, чтобы забрать двоих своих детей. Я приехала за полчаса до окончания сеанса, мне было любопытно узнать, окупилась ли все эти уроки катания на коньках. Вместо этого мне предстояло научиться кое-чему другому. Стоя за стеклянной витриной, я восхищался тем, как мой четырнадцатилетний сын носится по катку с грацией и скоростью, а его тринадцатилетняя сестра плетется немного медленнее. Внезапно я заметил, как Дэвид сошел со льда и встал возле пустых зрительских скамеек. Секундой позже Дебора подкатила к краю катка, долго смотрела ему вслед и продолжила кататься. Когда я представила Дэвида, стоящего там в своих коньках, едвадвигающегося, я преисполнилась гордости. Минуту назад он идеально сливался со всеми яркими фигуристами на льду. Теперь, на несколько коротких мгновений, прежде чем наступила темнота, Дэвид нашел в себе силы отделиться, ненадолго спроецировать себя на другой уровень, заявить о том, что он еврей. Даже если его послеполуденная молитва была поспешной, в ней, тем не менее, были все признаки *кедуши*, святости — разделение, разграничение, определенность, целеустремленность. Какая замечательная религия, подумал я. Какой силой она обладает, чтобы заставить четырнадцатилетнего мальчика осознать момент или просто прикоснуться к сути. Хотелось бы, чтобы эта власть распространялась на девочек, на зрелых женщин.

Все это не означает, что все в иудаизме должно быть идентичным для мужчин и женщин. Гендерные задачи могут быть вполне полезными и приятными, поскольку женщины не идентичны мужчинам и не должны быть связаны совершенно параллельными заповедями. Тем не менее, молитва, как и учеба, является такой большой и значимой частью жизни традиционного еврея, что создавать климат, препятствующий расцвету женской молитвы и учебы, означает отсекающие силы в жизни еврея, уменьшать свою целостность как еврея, ослаблять связи с прошлым и будущим.

Таким образом, необходимо будет более тщательно проработать отдельные литургические задачи для мужчин и женщин, но не те глобальные, которые мы унаследовали — молитва, учеба, общение с людьми для мужчин; мужья, дети, домашнее хозяйство для женщин. Возможно, различие между мужчиной и женщиной проявится в таких разделениях, как зажигание свечей женщинами и хавдала мужчинами, как это имеет место сейчас; или мегилла Пурима, читаемая женщинами, и свечи Хануки, зажигаемые мужчинами; или кидуш, произносимый мужчиной, *имоци* женщиной - строки, которые начинают приближаться и символизировать равенство.

Каким бы способом ни были проведены линии, необходимо взвесить потери и выгоды. Я не думаю, что талит и тфилин являются началом и завершением ежедневной молитвы; я все еще склонен думать о них как о мужской одежде. И все же мне кажется, что человек, который каждое утро начинает жизнь со слов: “И я обручаю тебя на вечность; я обручаю Себя с тобой в любви и милосердии, в праведности и правосудии”, - оборачивая тфилин вокруг головы и руки, начинает день качественно иначе, даже если он концентрируется на значении этих слов всего один или два раза в год. Нам придется найти эквивалентные формы. До тех пор, возможно, женщинам придется цепляться за некоторые из тех готовых обязательств и прав, которые так хорошо служили евреям на протяжении веков.

Примечания

1. Контраст между мужчинами и женщинами довольно резок даже в хасидской общине, где молитва ставится выше всех других религиозных обязанностей. “Из изображения Шекины как женщины и молящегося как мужчины следует, что женщины обычно не попадают под полный охват хасидских доктрин о молитве” (Луи Джейкобс, *Хасидская молитва* [Филадельфия: Еврейское издательское общество Америки, 1973], стр. 61).
2. Об этом “переключении” см. Элиакима Эллинсона, *“Женщина и заповеди”* (иврит), откр. изд. (Иерусалим: Еврейское агентство / Альфа Пресс, 1979), стр. 98-100.
3. Согласно “Тосафоту” раввина Иуды хе-Хасида, это была не просто интерпретация Маймонида, а скорее текст талмудической рукописи, которая была у него перед глазами. См. Эллинсон, *Женщина и заповеди*, стр. 101, п. 5.
4. Раввин Авраам Авли Гомбинер, *Маген Авраам* 106:4, об Орах Хайим.
5. Раввин Исраэль Мейер Хакохен (Хофец Хайим), Мишна Берура 106:4, об Орахе Хайиме. Обратите также внимание на то, что он включил *Шему*, еще один пример изменения в каждом выпуске; технически женщины были освобождены от чтения *Шемы*.
6. Арух Хашульхан, Орах Хайим 106:7. Обратите внимание на небольшое изменение: “три ежедневных *тефилота*”. До сих пор все галахисты ссылались на обязанность женщин совершать только две ежедневные молитвы (утреннюю и дневную), а не *намаарив* (вечернюю молитву). Согласно всем взглядам, *маарив* является добровольным и стал обязательным для мужчин только потому, что они приняли его как таковой. Поскольку женщины никогда не брали это на себя, это так и не стало обязательным.
7. См. Эллинсон, *Женщина и заповеди*, главы 3-5, для более полного обсуждения женщин, выполняющих заповеди, от которых они изначально были освобождены.
8. Сефер Абудрахам, Третьи Врата, Благословения над Заповедями. Есть несколько вариаций на эту тему: “Женщина была создана, чтобы служить помощницей своему мужу. ... Мужчина должен властвовать над женщиной. ... научить ее следовать его указаниям” (раввин Якоб Анатоли, *Меламед ха-талмидим*, Парашат Лех Лекха, цитируется в книге Эллинсона *“Женщина и заповеди”*, стр. 31).
9. Самсон Рафаэль Хирш, *Комментарий к Торе* (Лондон: И. Леви, 1962), Лев. 23:43. Раввин Аарон Соловейчик также выразил эту точку зрения в “Еврейском взгляде на высшую природу женщин: И Ты превосходишь их всех”, *“Еврейский горизонт”* (ноябрь 1969). Хирш в целом очень благосклонно относился к женщинам и был одним из пионеров в области образования для женщин.
10. Об этом мидраше см. М. Мейзельман, *Еврейские женщины в еврейском праве* (Нью-Йорк: Ktav, 1978), стр. 45. Сравните Эллинсона, который использует фразу “единое сердце” (целеустремленность) положительно (т. е. по воле Бога). Эллинсон также приводит комментарий к Ялкут Шимони, в котором говорится обратное — что у женщин одно сердце, злые наклонности вытесняют добрые (*Женщина и заповеди*, стр. 32, п. 17). Раввин Джозеф Дов Соловейчик

однажды объяснил, почему рабы и несовершеннолетние освобождены от заповедей, привязанных ко времени: потому что они не контролируют свое собственное время и, следовательно, свою судьбу; он не объяснил, почему женщины также включены в эту категорию (Яхрzeit Шиур, весна 1977 г.).

11. Сол Берман, “Положение женщин в галахическом иудаизме”, *Традиция* 14 (Зима 1973): 5-28.

12. Они состоят из *борху*, *кадиша* и повторения *амиды* (безмолвного поклонения) с *кедушей*. Во времена геонии (ок. десятый век) кадиш скорбящего был официально добавлен как священный отрывок, который можно было читать только в кворуме. Чтения Торы и хафтары с сопутствующими благословениями также читаются только на общественных службах. Законы о женщинах и алиот, однако, взяты из другого источника, хотя конечный результат тот же. См. Абрахам Милграм, *Еврейское богослужение* (Филадельфия: Еврейское издательское общество Америки, 1971). Об алиот см. Дэвид Фельдман, “Роль женщины и еврейский закон”, *Консервативный иудаизм* 26 (Лето 1972): 29-39.

13. В этом талмудическом описании кворума нет упоминания пола; в нем просто указано число десять. *Шулхан Арух* первым упоминает о десяти мужчинах. Об этом и “несколько менее адекватном” применении *гезерах шава* (талмудического принципа сходства частей) см. Филипп Сигал, “Женщины в молитвенном кворуме”, *Иудаизм* 23 (Весна 1974 г.): 177, п. 10.

14. Реформаторский и реконструкционистский иудаизм требует равного статуса для женщин во время публичных молитв. Решение Раввинской ассамблеи консервативного иудаизма 1973 года разрешило включать женщин в миньян. Практика местной синагоги варьируется в зависимости от решения местного раввина. Решение Консервативного юридического комитета было основано на галахе о том, что основной обязанностью для совершения молитвы является публичная молитва. Поскольку женщины не были исключены явно, раввинисты должны считать, что они включены в обязанность по совершению публичного богослужения. Особенно см. Сигал, “Женщины в молитвенном кворуме”, стр. 174-82.

15. Мейзельман, *Еврейские женщины*, использует термин “срочно предпочтительный” (стр. 134); Сигал, “Женщины в молитвенном кворуме”, называет это “обязательной мицвой высокого приоритета”. Термин Майзельмана - это более прочная основа, на которой можно преодолеть разрыв между учетом участия женщин в общественной молитве и не обязывать их присутствовать там, когда этого не требуют другие факторы.

16. Две синагоги в Нью-Йорке, строительство которых отражает новый взгляд на женщин и общество, - это Еврейский институт в Ривердейле и синагога на Линкольн-сквер. В красноречивую защиту противоположной точки зрения (что, *ipso facto*, раздельное неравноправно) см. Синтию Озик “Заметки навстречу”. Нахождение правильного вопроса”, *Лилит* (осень 1979 г.).

17. См. также Арлин Пьянко, “Женщины и шофар”, *Традиция* 17 (Осень 1974 г.): 54-67.

18. См. Берахот 20б, 45б; Арахин 3а. Тосафот, на Берахот 20б, предлагает такую основу толкования: один стих в благодати ссылается на “завет, который Ты подписал в нашей плоти (обрезание), Тору, которой Ты научил нас”. Поскольку ни то, ни другое не применимо к женщинам, женщины не могут позволить тому, к кому применимы обрезание и Тора, выполнить свои обязательства. Под произволом я подразумеваю, что раввины могли бы с такой же

легкостью постановить, что, поскольку женщины тоже едят, насытились и благословляют Бога, они обязаны в равной степени, даже если один стих благодати к ним неприменим. В конце концов, благодать - это позитивная заповедь, которая не ограничена временем.

В защиту “Дочерей Израиля”: замечания о Нидде и Микве

Очень Личное Дело

НЕСКОЛЬКО лет назад июньским вечером мы с мужем оставили наших детей на попечение няни и ушли на два часа. Я сказала няне и Моше, единственному ребенку, который еще не спал в этот час, что мы отправляемся за покупками. Я знал, что к тому времени, как мы вернемся, Моше будет спать, так что не могло быть и речи о том, чтобы иметь дело с естественной любознательностью шестилетнего ребенка. Я также знала, что Патти, наша няня, дочь-подросток наших соседей-ирландцев-католиков, была слишком хорошо воспитана, чтобы поинтересоваться, почему я вернулась из магазина без посылок, но с копной длинных мокрых волос.

Дело было не в том, что мне было стыдно говорить о микве, ритуальном омовении. Но поскольку эта тема полна скромности и табу, я бы предпочел избежать ее. Чего я не ожидал, так это того, что по возвращении мы обнаружим старого друга, который остановился у нас дома. Мы с Кэрол вместе учились в аспирантуре четыре года. Она немного знала о еврейской жизни; ее бабушка и дедушка были православными. В отличие от некоторых людей их либерального, интеллектуального происхождения, Кэрол и ее муж не испытывали антагонизма по отношению к иудаизму. Напротив, хотя они не желали иметь ничего общего с шаббатом, кашрутом, синагогальной жизнью или дневным образованием для себя или своего сына, они, тем не менее, с большим уважением относились к нашему образу жизни.

Кэрол обладает невероятным умом. Все, что она когда-либо читала или слышала, было спрятано в какой-то щели памяти, чтобы мгновенно вернуться в нужный момент. Где-то в прошлом, возможно, во время своей короткой стычки с еврейской школой пятнадцатью годами ранее, она слышала о микве. Таким образом, она смогла сразу собрать все воедино — мокрые волосы, уличную одежду, никаких пакетов — и придумать ответ. Как только няня закрыла за собой дверь, Кэрол выпалила: “Вы действительно практикуете *это*? Ты действительно ходишь в... .. микве?”

Впервые в жизни у меня возникло ощущение, что кто-то видит во мне какого-то аборигена, переодетого в одежду двадцатого века. Я обнаружил, что не нахожу слов. Это была тема, которая лежала очень тихо и глубоко внутри меня. К тому времени я был женат десять лет. Никто никогда не спрашивал меня, почему я соблюдаю законы нидды. (Следует отметить, что слово “Нидда” имеет несколько значений, в зависимости от контекста: законы, относящиеся к нидде; состояние сексуальной недоступности; то время месяца, которое включает менструацию и послеродовой период; женщина в состоянии нидда.) Я никогда даже не задавала себе этого вопроса и не обсуждала его со своими родителями, сестрами или друзьями, даже со своим мужем, который наблюдал эту практику вместе со мной. На самом деле, ближе всего я подошла к обсуждению этого вопроса, когда моя школьная подруга призналась, что ее мать говорила, что каждый месяц после посещения микве она чувствует себя невестой. Меня смутило, что мать могла сделать такое наводящее на размышления и разоблачающее признание дочери, и до

конца моих впечатлительных подростковых лет я не мог смотреть на эту благочестивую женщину без нескромных фантазий.

Дело было не в том, что я не знал законов или связанных с ними древних и современных значений. Я прочел много "маленьких книжек" на эту тему; им не удалось ни напугать меня, ни вдохновить. Будучи хорошей "дочерью Израиля" — эта фраза является эвфемизмом для обозначения той, кто соблюдает законы нидды и микве, — мне никогда не приходило в голову, что я буду делать что-то еще, кроме соблюдения определенной практики. Точно так же, как мои мать и свекровь раз в месяц ходили на какую-то неопределенную "встречу", не было никаких сомнений, что я тоже продолжу традицию. Но, как и многие подобные вещи, я воспринимал все дело микве как должное. Мне удалось сохранить в неприкосновенности его грандиозные притязания, но я не имел представления о том, какое положительное значение это имело для меня. Я также не мог четко сформулировать, что я делал или думал в те редкие моменты — а такие бывали, — когда соблюдение этой заповеди было для меня трудностью или неприятностью.

Кажется, я произнес несколько клише в разговоре с Кэрол, а затем быстро сменил тему. Со временем Кэрол стала известным психоаналитиком, разводилась, снова выходила замуж и снова разводилась. Последнее, что я слышал, она сколотила состояние на частной практике в Лос-Анджелесе и писала книгу. Я не видел ее пятнадцать лет, но раз в месяц, расчесывая мокрые волосы в микве, я про себя посмеиваюсь, когда перед моими глазами проходит ее изумленное выражение. С годами я начал разбираться в некоторых своих чувствах по поводу этой заповеди, настолько могущественной, что ей удастся контролировать человеческие стремления и заявлять о них, которые, кажется, больше нигде не подчиняются границам, установленным законом, культурой или даже семейными ценностями.

Микве, как мы все знаем, подверглась нападкам еврейских феминисток, не очень еврейских феминисток и не очень феминистских евреек. Кэрол этого не сказала, но, вероятно, подумала про себя: "Микве. Ах! 'Примитивное табу на кровь'. Устаревшие и унижительные понятия 'нечистого'! Возможно, некоторые из этих элементов в то или иное время были связаны с концепцией нидды. Однако сегодня они не имеют никакого значения, по крайней мере, ни для меня, ни, я полагаю, для большинства женщин, которые с любовью или рефлексивно берут на себя это обязательство. Кроме того, с таким же успехом можно было бы защитить нидду с точки зрения ее функции в префеминистском обществе. Например, нидда была предназначена для защиты женского "я" и сексуальности; неплохо, учитывая, что общество было ориентировано на то, чтобы женщина служила мужчине, сексуально и иным образом. Нидда также обеспечивала гарантии против того, чтобы женщины становились просто сексуальными объектами; даже когда закон не мог изменить общественное восприятие, по крайней мере, он сводил к минимуму те случаи, когда с таким отношением можно было что-то сделать. Наконец, Талмуд дает наиболее функциональный взгляд из всех, каким бы сексистским ни казался этот язык сегодня: "Поскольку мужчина может стать чрезмерно фамильярным со своей женой и, следовательно, испытывать к ней отвращение, в Торе сказано, что она должна быть ниддой в течение семи чистых дней [после менструации], чтобы она была такой же любимой [для него после нидды], как и в день своей свадьбы" (Нидда 31б).

Закон и его практика

Библия излагает начальные принципы физического разлучения во время менструации:

Когда у женщины начинаются выделения, причем выделения ее представляют собой кровь из ее тела, она должна оставаться в своей нечистоте семь дней; всякий, кто прикоснется к ней, будет нечист до вечера. (Лев. 15:19)¹

Не приближайся к женщине в период ее нечистоты, чтобы обнажить ее наготу. (Лев. 18:19)²

Если мужчина ляжет с женщиной в ее немощи и откроет ее наготу, он обнажит ее кровотечение, а она обнажит свое кровообращение; они оба будут отрезаны от всего народа. (Лев. 20:18)

В раввинском объяснении библейской традиции мы находим, что минимальный период нидды увеличивается с семи до двенадцати дней³ — то есть минимум в пять дней, отведенный для потока, и семь дней для “белых”, дополнительных дней разлуки.⁴ (Несколько слов об использовании термина “белые”: мне не нравится термин “семь “чистых” дней”, который используется во всех английских источниках, поскольку он вызывает в памяти его аналог — “нечистый”. Поэтому я предпочитаю “белое”, что является буквальным переводом талмудического *леваним*, белой одежды, которую женщины должны были носить в течение этих семи дней, чтобы облегчить поиск пятен.) Если отток или окрашивание длится дольше пяти дней, то⁵ семидневный отсчет “белого” начинается после последнего дня оттока.⁶ Весь цикл завершается погружением.⁷ Это известно как *тевила*. После этого женщина может возобновить секс до следующей менструации, примерно через две с половиной недели. *Тевила* также сопровождается многочисленными деталями. Если нет смягчающих обстоятельств, погружение происходит вечером, после наступления темноты, по завершении двенадцатого дня.

Что касается самой миквы, существует множество законов, касающихся миквы и ее строительства. Фактически, этому вопросу посвящен целый трактат Мишны (Микваот). Вкратце, микве должна быть непористой, чтобы в ней не было ничего, что могло бы поглотить *тум’а* (примеси). Он должен состоять из двух отсеков: *бор ха-оцар* (отсек для хранения) и *бор ха-тевила* (погружной бассейн, который осушается каждый день). Слово *микве* просто означает сбор (воды). Это должна быть стоячая вода, а не текущая, как из-под крана, и ее источники должны быть естественными — дождевая вода, колодцы, природный лед, океанская или озерная вода. Однако, поскольку древние раввины были практичны по натуре, и поскольку было бы трудно собрать всю эту воду естественным путем, они законодательно установили, что для приготовления кошерной микве требуется только определенный процент этой природной воды; остальная часть может быть приготовлена из обычной водопроводной или откачанной воды. Для этой цели может быть использовано озеро или океан, хотя существуют галахические опасения, что из-за страха перед такими водами погружение не будет выполнено должным образом.

После разрушения Второго храма микве использовалась в основном для женщин, но у нее есть и другие применения. Некоторые мужчины идут в микве, чтобы очиститься перед определенными праздниками, особенно перед Йом Кипуром. Микве также является последним шагом в обращении в иудаизм. Многие традиционные евреи также погружают свою новую посуду в микве перед использованием. Для этих других целей микве используется только в течение дня. Вы никогда не увидите мужчину около микве ночью. Мужчины, которые сопровождают своих жен в микве — а это часто бывает, — всегда сидят в своих машинах, припаркованных дальше по улице.

В микве

Если вы никогда не были в микве, то этого следует ожидать. Сначала вас спросят, хотите ли вы “отдельный” или “полуприватный”. Частный означает, что бассейн микве (небольшой глубокий бассейн) находится в той же комнате, где вы принимаете ванну в обычной ванне для подготовки к погружению; полуприватный и душ означают, что вы принимаете ванну или душ в своей комнате, но должны пройти в соседнюю комнату, чтобы воспользоваться бассейном микве. В зависимости от конструкции полуприватного помещения, это может быть похоже на игру с музыкальными дверями — все двери, ведущие к бассейну микве, закрываются до того, как открывается ваша дверь, — так что у вас будет полное уединение во время погружения. Перед принятием ванны вы чистите зубы, полощете рот, подстригаете ногти и снимаете всю косметику, зубные протезы, кольца — все, что не является частью тела. После ванны вы ополаскиваетесь под душем или только последним, если вы уже принимали ванну дома в тот вечер. (Кстати, этот тщательно продуманный ритуал очищения является еще одним доказательством того, что микве не имеет ничего общего с личной гигиеной или чистотой.) Вы расчесываете волосы, которые только что вымыли шампунем, и заворачиваетесь в белую простыню или полотенце. Затем вы нажимаете на зуммер, который вызывает “леди микве”.

Женщины-микве бывают нескольких разновидностей. За последние двадцать лет я побывал в дюжине разных микве, и у каждой женщины-микве свой стиль. Как правило, это чувствительные, набожные женщины, которые добры, но не любопытны. У них довольно приятные, спокойные, деловые манеры, которые как раз необходимы в такой личной ситуации. Иногда вы будете сталкиваться с женщиной-микве, у которой есть некоторые особенности, например, она входит в вашу комнату без стука, чтобы узнать, готовы ли вы, или с той, кто будет драться с вами из-за еще одной шестнадцатой дюйма ваших тщательно подстриженных ногтей, или даже с той, кто без какого-либо предупреждения проведет расческой по вашим лобковым волосам, пока вы стоите там в полном шоке. Однако, справедливости ради, это общая сумма жалоб, которые я слышал в отношении женщин из микве за эти годы.

Служительница микве проверяет, правильно ли вы подготовились (подстригли ногти и т.д.). Она оглядывает вас, чтобы убедиться, что на вашем теле нет выпавших волосков, которые она аккуратно удаляет. Держась за поручень, вы спускаетесь на несколько ступенек ко дну микве — уровень воды примерно по плечо. Слегка раздвинув ноги, закрыв губы и глаза, но не сжимая их плотно, немного разведя руки в стороны, но не касаясь боковых стенок, вы сгибаете колени в положении приседания и полностью погружаетесь. Если у вас длинные волосы, вам нужно погрузиться немного глубже, чтобы каждая прядь волос оказалась под водой. Вам не нужно оставаться под водой даже лишнюю секунду. Все, что вам нужно сделать, это полностью погрузиться в процесс, а затем сразу же всплыть. Если вы все сделали правильно (каждая частичка вас, находящаяся ниже ватерлинии), ваша служительница микве произнесет это как “кошерное”.

Затем, стоя в воде, вы произносите благословение: *Барух ата адонаи элохейну мелех ха-олам ашер кидешану бе-мицвот ве-цивану аль ха-тевила* (Благословен Ты, о Господь, Бог наш, Царь Вселенной, который освятил нас Своими заповедями и заповедал нам относительно погружения). Часто добавляются другие благословения, наиболее распространенным из которых является *йехи рацон*: “Да будет Твоя воля, о Господь, наш Бог и Бог наших отцов, чтобы Храм был быстро восстановлен в наше время; дай нам нашу долю в Твоей Торе, чтобы мы могли

служить Тебе с благоговением, как мы делали в древние времена. И мы принесем Вам благодарственную жертву Иудеи и Иерусалима, как это делалось в прошлые годы”.⁸ Многие женщины покрывают голову махровой тканью, которую им вручает служительница микве, прежде чем произнести благословение. (Это действительно кажется довольно неуместным - покрывать голову из скромности и уважения, когда все остальные стоят там совершенно обнаженными. Но именно так это часто и делается.)

После благословения вы окунаетесь еще два раза; каждый раз служительница миквы произносит “кошерный”. Затем ты поднимаешься по ступенькам, она заворачивает тебя в белую простыню и выходит из комнаты, чтобы ты могла одеться. Перед отъездом вы платите сбор микве, который составляет от трех до десятидолларов. (Этот сбор никоим образом не покрывает расходы на содержание микве, которая в значительной степени субсидируется сообществом.)

Невесту приводят в микве за день или два до свадьбы. Обычаи немного различаются, но основные процедуры те же. Сефарды по-настоящему празднуют это событие, что для них равносильно вечеринке невесты. Среди ашкеназов это довольно тихое мероприятие, посвященное исключительно матери и дочери.

Большинство современных микв - довольно приятные заведения, особенно новые, построенные с учетом вкусов современных женщин. Во всех миквах есть фены. У некоторых даже есть косметологи несколько вечеров в неделю. Следующим этапом, вероятно, будут гидромассажные ванны, сауны и велотренажеры. А почему бы и нет? Это примерно соответствует концепции *хиддур-мицвы*, украшения заповеди. Больше никакого изображения микве только для реббецинов среднего возраста. Я видел женщин, выходящих из микве с таким видом, словно они только что сошли со страниц журнала *Vogue*. Раввин Акиба, который считал, что женщины должны пользоваться косметикой и делать себя привлекательными (даже во время менструации), чтобы не вызывать отвращения у своих мужей, мог бы гордиться!

Историческое развитие законов Нидды

Законы нидды предоставляют нам не только подробное руководство, но и увлекательный урок того, как развивается Галаха, поскольку предписания можно проследить из Библии, через Мишну, Тосефту, два Талмуда, а также средневековую и современную раввинскую литературу.

Библейская заповедь о разлучении во время менструации встречается в двух различных контекстах: законы, касающиеся других форм осквернения, нечистоты и смерти; и законы, регулирующие запрещенные сексуальные отношения. Таким образом, с самого начала мы сталкиваемся с двумя темами, которые связаны с ниддой, — темами, которые отражены в Галахе на протяжении всей истории — иногда переплетающимися, иногда затеняемыми, иногда параллельными.

Что касается осквернений и нечистот, упомянутых в Библии, то они обычно связаны со смертью: контакт с мертвым телом, потеря менструальной крови, потеря спермы в результате ночных поллюций или проказы (все это символизирует безудержные силы смерти, вступающие во владение по мере того, как живительные соки, питающие ткани тела, таинственным образом прекращаются). Очищение живыми водами, таким образом, символизирует обновление, воссоздание, регенерацию жизненных сил.⁹ Таким образом, очищение считалось привилегией, а не бременем. Чтобы конкретизировать это, существовала осязаемая

общественная награда: доступ в святилище (а позже и в Храм), где можно было принести жертву и оказаться в присутствии Бога, дающего жизнь. Тот, кто не прошел обряд очищения, не мог повторно войти в святилище.

Вторая ассоциация - это ассоциация семейной чистоты. (На самом деле, законы нидды известны как *тахарат ха-мишпаха*, законы семейной чистоты.) Древняя, вечная истина заключается в том, что общество разрушит само себя, если в нем не будет этических сексуальных отношений. Хотя не приводится явных причин для запрета отношений во время менструации, очевидно, что это относится к категории запрещающих связей, которые наиболее открыты для эксплуатации или которые наиболее типичны для поведения животных, а не человека: инцест, секс с людьми, живущими под одной крышей, но не являющимися партнерами друг друга, секс с животными. За эти запрещенные связи было назначено наказание *карет* — отсечение души преступника от общества.

После разрушения Второго Храма категории *тахара* и *тум'а* (чистое и нечистое) становятся почти неуместными в повседневной жизни. В Эрец-Исраэль должны были сохраняться определенные обычаи из-за святости земли, но постепенно даже они вымерли. Это не означает, что раввины Талмуда прекратили обсуждать эти концепции и их практическое значение; однако это означает, что все другие формы *тахары* и *тум'а* были по существу неработоспособны: сосуды, палатки, руки, жидкости и т.д. Таким образом, поскольку больше не существовало Храма, где требовалось сохранять чистоту, человеку, соприкасавшемуся с мертвым телом, больше не нужно было проходить ритуальное погружение. Единственным остатком этой практики, сохранившимся до наших дней, является мытье рук после ухода из похоронного бюро или с кладбища. Что более важно для нашего беспокойства, мужчине, у которого были выделения из организма, больше не нужно было воздерживаться от секса до тех пор, пока он не пройдет очищение. Единственный человек, который все еще подвергается обрядам очищения, - это женщина в период менструации.

После разрушения Храма акцент сместился с *тумат нидда* (разлука по причинам осквернения, нечистоты, осквернения и табу) на *иссур нидда* (запрещение сексуальных отношений, поскольку это запрещено еврейским законом). Тем не менее, вся территория Нидды никогда полностью не теряла своей ассоциации с нечистотой и осквернением.¹⁰ Действительно, раввины укрепили “забор” вокруг первоначального запрета. Иногда они строились на одном основании, иногда на другом, часто соединяя их.

Прекрасным примером является талмудическая дискуссия в шаббат 13а. Перикопка открывается приглашением “прийти и посмотреть, как возросла чистота в Израиле” (во времена раввинов). Ученые спрашивают: может ли нидда спать в постели со своим мужем полностью одетыми, избегая таким образом телесного контакта? Шаммай отвечает утвердительно — они могут спать вместе полностью одетыми, поскольку совместный сон (в “белые” дни) не запрещен, только половое сношение. Гиллель не согласен — и закон соответствует Гиллелю.

В этом обсуждении в качестве доказательств проводится несколько аналогий: одни вызывают осквернение, другие - ограничения на правильные сексуальные отношения. В этом отрывке человек получает возможность ощутить вкус Галахи в процессе постижения. Обсуждение происходит после того, как минимальное количество дней было увеличено с семи дней (библейских) до двенадцати (пять менструаций плюс семь “белых”); первоначально в течение семи “белых” было запрещено только половое сношение, но в какой-то момент раввинского

периода, вероятно, примерно во времена Гиллеля и Шаммая (первый век до н.э.), библейское табу на любые формы телесного контакта во время менструации было перенесено и на семь “белых”. Неуловимая библейская концепция о том, что нечистота может передаваться при контакте посредством прикосновения, была исключена из любой другой категории, но усилилась в случае нидды.

Аналогичным образом, библейское наказание за нарушение нидды было ужесточено, и *карет* был расширен, включив в него семь “белых”. Как мы читаем в шаббат 13а-б:

[Этому учат в] Танна де бе Элиягу: Однажды случилось так, что некий ученый, который изучал Библию и Мишну и беззаветно служил ученым, умер в среднем возрасте. Его жена взяла его тфилин, пронесла их по синагоге и школам и пожаловалась им [ученым]: “В Торе написано: “Ибо в этом твоя жизнь и продолжительность твоих дней” (Втор. 30:20). Мой муж, который много читал Библию, изучал Мишну и много служил ученым, почему он умер в среднем возрасте?” Ни один мужчина не смог ответить. Однажды я [Элиягу, предполагаемый автор “Танны”] был гостем в ее доме, и она рассказала мне всю эту историю. Я сказала ей: “Дочь моя, каким он был с тобой в дни твоей менструации?” “Боже упаси, - ответила она, - он даже мизинцем ко мне не прикоснулся”. “А каким он был во времена ваших “белых”? “Он ел со мной, пил со мной и спал со мной в телесном контакте, и ему не приходило в голову поступить иначе”. Я сказал ей: “Благословен Вездесущий за то, что убил его, ибо Он не потворствовал такому поведению. Поэтому, несмотря на то, что у этого мужчины было много заслуг из-за его любви к Торе, Бог наказал его, ибо вот, в Торе сказано: “И ты не должен приближаться к женщине, пока она нечиста своими менструациями” (Лев. 18:19) ”.

Мишна ссылается на институт, который, несомненно, вырос из концепции осквернения. *Бет хатум’от* (специальные дома нечистоты) были отведены для того, чтобы женщины могли находиться отдельно во время менструации.¹¹ Однако такая изоляция не практиковалась в Вавилонии в период мишны.¹² Как написано в Ketubbot 61a:

Раввин Исаак бен Ханания далее заявил от имени Рава Хуны: Все виды работы, которые жена может выполнять для своего мужа, женщина во время менструации также может выполнять, за исключением наполнения его чашки, приготовления постели, мытья его лица, рук и ног. Саид Рабба: Запрет на приготовление его постели действовал только в его присутствии. Если это делалось в его отсутствие, это не имеет значения. Что касается наполнения его чашки, жена Сэмюэля внесла изменение [во время своего “застолья”]; она подавала ему левой рукой.

Другими словами, действия, которые были ограничены Библией по причинам осквернения, такие как прикосновение к постели мужа, теперь, в Вавилоне третьего века, были ограничены по причинам сексуального возбуждения.

Различия проявлялись как в подходах, так и в практике. Автор следующего талмудического утверждения звучит с негативной ноткой: “Если менструирующая женщина пройдет между двумя [мужчинами] в начале своей менструации, она убьет одного из них; а если у нее менструация закончится, она вызовет раздор между ними” (Песахим 111а). В другой отрывке из талмуда (Нидда 31b) подчеркивается романтический элемент: нидда запрещена, чтобы впоследствии она была более желанной.

И так далее. Средневековая литература в значительной степени подчеркивает тему загрязнения окружающей среды. Зоар, с его почти осязаемым ощущением чистоты и нечистоты в мире, наиболее ясен:

Тот, кто сожительствует с ниддой, изгоняет божественное присутствие из мира. В мире нет более сильной нечистоты, чем нечистота нидды. Куда бы они ни пошли, божественное присутствие удаляется от них. Более того, такой человек навлекает злую болезнь на себя и на ребенка, рожденного [от такого союза]. ... Когда человек приближается к нидде, ее нечистота переходит к нему и пребывает во всех его конечностях ибо написано: “и нечистота ее будет на нем” (Лев. 15:24). Семя, которое он приносит в это время, пропитано духом нечистоты и остается в состоянии нечистоты на протяжении всего своего существования, ибо само его создание и основа проистекают из глубокой нечистоты, которая является сильнейшей из всех нечистот. (Паршат Шмот)

Аналогичную точку зрения мы находим у Нахманида:

Взгляд женщины во время менструации отравляет воздух. . . . Она подобна гадюке, которая убивает одним своим взглядом. Сколько еще вреда она принесет мужчине, который спит с ней? Она - пария; мужчины и женщины будут дистанцироваться от нее, а она будет сидеть одна и ни с кем не заговорит. ... Пыль, по которой она ходит, нечиста, как пыль, оскверненная костями мертвых. И раввины сказали: “Даже ее взгляд приносит вред”. (*Комментарий к Торе*, Лев. 12:14)

Однако Маймонид, несмотря на то, что он верил в то, что женщин следует держать в секрете, придерживался иного мнения относительно изоляции. Вавилонская традиция отстранять женщин, чтобы помешать им выполнять свои обычные домашние обязанности, была, по его мнению, неподлинной раввинской традиции; это отдавало сектантским экстремизмом, возможно, даже самым страшным сектантством из всех - караизмом. Таким образом, Маймонид разрешал женщинам прикасаться к одежде, готовить пищу и вообще прислуживать своим мужьям в любое время (*Мишне Тора*, Хилхот Иссурей Биах 11: 6,7,15).

В средневековой Испании, где христианство подчеркивало греховность секса, а ислам усиливал табу, в еврейском законодательстве возникли некоторые дополнительные запреты. Один из них, в частности, запрет на вход нидды в синагогу, широко соблюдался.

С началом современного периода появляется новое явление - попытка обосновать нидду в терминах, которые были бы более привлекательны для просвещенного ума. Таким образом, как пишет Самсон Рафаэль Хирш, “в надлежащих супружеских отношениях муж и жена должны периодически жить как сестра и брат. Это имеет тенденцию устанавливать, а не ограничивать интимные семейные отношения, как в моральном, так и в духовном плане. И точно так же, как человек получает доступ в святое святилище после очищения, он может возобновить сексуальные отношения, которые также носят освященный характер”.¹³

В современной литературе о нидде мы видим двойственное влияние. Некоторые авторитеты подчеркивают нечистоту, осквернение, наказание, опасность и различные мельчайшие детали, пренебрежение которыми влечет за собой абсолютное нарушение закона; другие подчеркивают супружескую любовь, взаимное уважение, святость секса и искушения, которые возникают, когда два человека живут в такой непосредственной близости.¹⁴

Часто в современной литературе эти темы переплетаются. Так, например, сегодня строгое соблюдение нидды означает, что между мужем и женой не должно быть абсолютно никакого физического контакта, что их кровати разделены, что они не передают друг другу никаких предметов напрямую. Один известный галахический авторитет утверждает, что даже ребенка нельзя передавать напрямую (от мужа к жене) во время нидды, если только нет другого способа. Хотя законы такого рода можно объяснить как гарантии от сексуального возбуждения, они, по-видимому, больше напоминают библейские концепции нечистоты, где, например, мужчина, который прикасается к стулу, кровати или одежде того, кто является *тамей* (нечистым), сам становится нечистым. Однако существует и другой вид запретов: мужчина не должен чрезмерно паяться на свою жену; женщина не должна петь в присутствии своего мужа. Другими словами, необходимо сделать все, чтобы погасить все потенциальные очаги страсти.

Современный взгляд одной женщины

Сегодня законы нидды соблюдают относительно немногие евреи, ни огромная масса ассимилированных евреев, которые игнорируют заповеди в целом, ни евреи-реформаторы, которые рассматривают нидду как пережиток раввинского иудаизма, ни консервативные евреи, которые по умолчанию хранят молчание, ни, если уж на то пошло, многие евреи, считающие себя ортодоксальными. И все же законы нидды и микве считаются *гуфей ха-тора*, основными законами Торы. Микве, например, имеет приоритет в общественных усилиях над строительством синагоги или покупкой свитка Торы. Более того, соблюдение нидды является одной из трех основных заповедей женщин, двумя другими являются *нерот* (зажигание свечей) и *халлах* (снятие части теста с хлеба и освящение его) (Берахот 20б). Почему же тогда нидда в целом впала в запустение?

Одно из объяснений заключается в том, что нидду просто очень трудно соблюдать. Из всех основных заповедей она, безусловно, предъявляет самые строгие требования. Секс - такое же мощное побуждение, как и голод, и все же у нас всего пять дней поста в году по сравнению с примерно ста пятьюдесятью днями нидды. Человек, не обученный соблюдать закон, вряд ли стал бы задумываться об этом.

Некоторые сказали бы, что нидда и микве столкнулись с латунной сантехникой, главным символом современной цивилизации. Слишком многие люди путают законы нидды с гигиеной. В самом деле, как часто я слышал, как люди говорят: “Я с таким же успехом могу остаться дома и принять ванну”. Такое мышление отчасти связано с недостаточным образованием по этому предмету, включая тот простой факт, что человек обязан принять омовение *перед* посещением микве. Вероятно, это также связано с использованием таких слов, как “чистый” и “нечистый”, которые, возможно, не проникли бы в еврейскую традицию, если бы женщины были частью процесса раввинского раскрытия закона в течение последних двух тысяч лет. Тора имеет дело с концепциями духовной чистоты и нечистоты, которые были аморфными и, возможно, логически непостижимыми даже во времена Храма. Но как только Храм был разрушен и больше не существовало ни одного физического очага предельной чистоты, человеческий разум преобразовал эти концепции в термины, с которыми он мог иметь дело. Каким-то образом относительная чистота стала ассоциацией кода.

Еще один факт, который способствовал растущему пренебрежению ниддой, заключается в том, что на протяжении всего средневекового периода понятие табу преобладало над элементом *кедуш*ах, святости физических отношений. Конечно, табу и святость тесно связаны

друг с другом — то есть установление ограничений таким образом, чтобы происходящее внутри них становилось совершенно особенным. Однако преобладающее внимание к тому, чего не следует делать в период нидды, в сочетании с небольшим обсуждением или оценкой того, что происходит в то время, когда секс разрешен, сделало весь район довольно уязвимым. Вместо того, чтобы давать сексу после нидды зеленый свет в форме позитивной артикуляции, законы по мере их развития продолжали давать сексу красный свет. Наиболее отчетливо это видно в *Шулхан Арух*, который предписывает свести секс к минимуму. Здесь зародилась определенная чопорность, которую не следует путать со скромностью. Интересно отметить, что *онах* (обязанность мужа сексуально удовлетворять свою жену), не менее важное понятие в Торе, не получило особого внимания в еврейской традиции. Таким образом, по мере того, как современные мужчины и женщины все больше разочаровывались в табу, нидда соответственно страдал. Это неудачное решение, поскольку нидда и микве сегодня имеют большое значение в жизни женщины и в совместной жизни мужчины и женщины, которые любят друг друга.

Почему я соблюдаю нидду и микве? Потому что мне так приказано, потому что это мицва, предписанная Торой. Если бы мне так не предписывал еврейский закон, я, конечно, не изобрел бы такой строгий распорядок. Плоть слаба, и никакие мыслимые возвышенные планы не смогли бы сделать меня достаточно выносливым, чтобы соблюдать нидду. Все это верно и для моего мужа, поскольку ни один из нас не мог придерживаться этой практики в одностороннем порядке. Без взаимного понимания и принятия Галахи соблюдение нидды в браке свелось бы к ежемесячному испытанию воли.

Именно потому, что это мицва, для меня она имеет определенную сладость. Занимаясь своими делами в микве, я часто наслаждаюсь осознанием того, что поступаю точно так же, как поступали еврейские женщины на протяжении двадцати или тридцати веков. Это вопрос не только сохранения цепи, но и самоопределения: именно так мои предки определяли себя как еврейских женщин и как часть общины, и именно так я определяю себя. Меня радует чувство общности с ними. Есть еще один аспект соблюдения мицвы ради нее самой. Законы нидды постоянно напоминают мне, что я еврей, и нидда усиливает это глубокое внутреннее удовлетворение еврейским образом жизни.

Таким образом, принятие мицвы является основой; сопутствующие ощущения “общности”, “еврейской женственности” и “цепочки традиций” являются украшениями. Однако дело не только в этом. Нидда выполняет целый ряд функций в межличностных отношениях, соответствующих их приливам и отливам, а также различным стадиям их роста.

На ранней стадии брака, когда преобладают страсть и романтика, нидда позволяет, более того, поощряет мужчину и женщину развивать другие методы общения. На втором этапе, для маленьких детей, уставших матерей и трудолюбивых отцов, нидда — это произвольно установленный период восстановления. Поскольку он регулирует время перерыва, он синхронизирует время включения. Никакой закон не может запрограммировать желание, но, вероятно, больше шансов на совпадение ожиданий у пар, соблюдающих нидду. На третьей стадии, когда женщина приближается к менопаузе, нидда и микве ежемесячно оценивают ее сохраняющуюся способность к зачатию. Можно задаться вопросом, испытывает ли женщина, которая всю свою жизнь добросовестно соблюдала микве, повышенное чувство потери в период менопаузы.

Наконец, на всех этих этапах нидда формирует у женщины иное самоощущение, чувство самостоятельности. Некоторые женщины могут вызывать эти чувства из-за силы своего собственного эго; для тех, у кого это не является врожденным или инстинктивным, нидда является катализатором этого сознания.

Некоторые феминистки оспаривают саму концепцию микве. И все же микве вполне может быть прототипом женской мицвы. Это присуще только женщине; это говорит о женщине как о еврейке; это формирует человеческий характер. Таким образом, нам не нужно объяснять, что было не так с микве, а скорее утверждать, что было правильно и что выполнимо. Не все, что касается женщин и выдержало испытание временем, является хорошим; не все из библейской традиции выдержало испытание временем. Но в космическом порядке вещей микве кажется попыткой придать некую меру святости первобытному побуждению. Поскольку это передавалось из поколения в поколение, микве не могла не перенять определенные нюансы, некоторые из которых были менее благородными по отношению к женщинам. Именно на это поколение женщин, еврейских женщин с новым самоощущением, ложится задача восстановить этот элемент святости в наших телах, в наших "я".

Несколько скромных предложений

Есть несколько вещей, касающихся нидды и микве, которые сообщество может сделать в плане образования и даже совершенствования.

1. Нидда и микве должны быть заменены в контексте женской заповеди. Уникально то, что это мицва, в которой женщины совершают этот акт, а мужчины выступают в качестве помощников. Теперь, когда женщины призывают к более широкому приобщению к традициям, первым шагом должно стать перевоспитание сообщества в отношении уже существующих женских заповедей.

2. Следует избавиться от некоторых негативных высказываний, связанных с ниддой и микве — например, "нечистых", — и от некоторых ужасных угроз, о которых ходили слухи (дети, зачатые во время полового акта с ниддой, рождаются слепыми, прокаженными, безрукими и т.д.). Это не производит впечатления на людей, которые предпочитают брать на себя новые обязательства из любви, а не из страха. В то время как большая часть современной англоязычной литературы действительно подчеркивает кедушу, святость брака и семейную чистоту, новая литература должна подчеркивать святость секса как такового. Действительно, следует провести параллель: человек, который идет в микве перед Йом Кипуром, очищает себя не от состояния осквернения, а скорее для того, чтобы стать более святым для того, что он делает дальше (то есть для вступления в святое время). Точно так же менструальная кровь не является осквернением; скорее, после периода разлуки женщина очищает себя, чтобы стать более святой для последующих сексуальных отношений.

3. Возможно, некоторые современные потребности женщин можно перенести на нидду. Например, врачи советуют женщинам каждый месяц проверять свою грудь на наличие рака, но большинство женщин пренебрегают этими самообследованиями. Если бы это было каким-то образом галахически связано с ниддой, женщины делали бы это регулярно. Аналогичным образом, ежегодный мазок Папаниколау или гинекологическое обследование, которое ритуально привязано, скажем, к первому циклу нидды после Рош Ха-Шана, может придать новый смысл заповеди; более того, это может ежегодно спасать жизни тысяч женщин.

4. На определенных этапах жизни и для определенных людей воздержание от секса в течение почти полугода слишком сложно выдержать. Возможно, следовало бы галахически пересмотреть библейский временной отрезок. В это время возвращения к ритуалам и традициям многие еврейские пары всерьез могли бы задуматься о соблюдении нидды, если бы она ограничивалась семидневным периодом, предписанным библейским законом.

5. Особенно когда речь идет о невестах, и исходя из предположения, что мы по-прежнему придаем большое значение девственности до брака, следует проводить различие между менструальной кровью и кровью из девственной плевы. Начинать с одиннадцатидневного воздержания - плохой способ сформировать здоровое отношение к радостям секса в браке.

6. Одна из интересных вещей, обнаружившихся в ходе моего исследования современных православных женщин, - это разнообразие в соблюдении связанных с ними законов *негии*, запрета на любой физический контакт. Многие пары, похоже, провели черту по-разному, и диапазон был огромен. Как человек, уважающий заповедь нидды, но также и как изучающий историю, который понимает, что после разрушения Храма акцент вполне естественно сместился *стумат нидда* (разлука по причинам ритуальной нечистоты) на *иссур нидда* (запрещение сексуальных отношений), я нахожу акцент на *негии* чрезмерным и обременительным. Сегодня у нас несколько более здоровое отношение к физической привязанности. Галаха должна отражать уверенность в своих верующих. Тот, кто соблюдает мицву нидда, не прыгнет в постель в тот момент, когда прикоснется к плоти любимого человека.

Как и многие *хукким* из Торы (ритуалы и правила, для которых нам не дано ни этического, ни логического обоснования), нидда дошла до нас через три тысячи лет еврейской жизни. Он закалялся и формировался сменяющимися друг друга поколениями, но при этом остается относительно нетронутым, верным своей первоначальной, божественной, библейской форме. И хотя мы не можем понять это с помощью логики, очевидно, что это служит глубокой человеческой потребности.

Учитывая все обстоятельства, законы нидды добавили новое измерение нашему браку, сделали его богаче, особеннее. Поскольку именно эти небольшие преимущества меняют жизнь к лучшему, я считаю, что усилия того стоят. В целом, мне нравится быть настоящей “дочерью Израиля”.

Примечания

1. “Нечистота” - ужасное слово, плохой перевод и еще более скудная коннотация древнееврейского *tamei*. Однако я не смог найти ни одной английской Библии, в которой использовалось бы другое слово. *Тамэй* более точно понимается как “нечистый” — обратное состояние *тахор* (“чистый”); оба слова приобретают совершенно разное значение, если рассматривать их в свете доступа в Храм или богослужения, с которыми они связаны. Частично проблема в этом перикопе заключается в том, что слово *ниддатах* (ее состояние бытия нидда) переводится как “ее нечистота”, поэтому для *тум’а* пришлось использовать другое слово. Более правильно, *ниддатах* следовало бы перевести как “во время ее течения (менструации)” или “во время ее отделения (дистанцирования)”. Даже там, где используется концепция

отделения, некоторые переводчики используют слово “изгнание”, основываясь на комментарии Раши к Лев. 15:19. Смотрите *словари Эвена Шошана* и Ястроу, с. В. нидда.

2. Этот стих, кажется, является связующей фразой, в которой переплетаются две темы - нечистота и запретные сексуальные отношения.

3. Это вытекает из законов *заваха* (того, у кого есть выделения), который должен подождать еще семь дней после прекращения выделений (Нидда 66а, Лев. 15:23).

4. Для молодоженов действует специальное разрешение: одиннадцать дней вместо двенадцати. Причина этого в том, что потеря крови, вероятно, происходит в результате разрыва девственной плевы, а не из матки. Поскольку никто не мог знать наверняка, раввины выделили четыре дня плюс семь “белых дней”. Более логично, если в течение четырех дней можно было определить, что это внематочная кровь (то есть из девственной плевы), то почему всего семь “белых”? Из других случаев мы знаем, что ниддой стала только менструальная кровь; после кесарева сечения периода раздельного проживания не было.

5. Это определяется серией самоанализов. Окрашивание считается частью периода прохождения процедуры. На самом деле, существует больше законов о окрашивании, чем о любом другом аспекте нидды. Поскольку законы были настолько запутанными, в каждом поколении, по общему признанию, были определенные раввины, которые были специалистами в законах нидды. Им присылали вопросы с большого расстояния. Детали изначально были изложены в Мишне Нидда: определение цвета или размера, определение того, является ли это частью течения или частью семи дополнительных дней, откуда оно берется (влагалище или матка), процедуры самообследования, показания которых учитываются, когда тесты проводятся должным образом и т.д.

6. Поскольку нередко у женщины появляются пятна в течение нескольких дней после менструации, это создает дополнительную нагрузку для пар, пытающихся тщательно соблюдать законы. Для женщин с длительными менструациями (семь или восемь дней) это означает период воздержания от секса продолжительностью не менее двух недель или более.

7. Хотя Библия не описывает ритуал очищения для нидды (кроме прохождения семи дней), раввины учили, что та же процедура, которую используют мужчины, применима и к женщинам: погружение в живые воды (Лев. 15:13).

8. Я никогда не был уверен в уместности этой конкретной молитвы. Однако, кажется, напрашивается следующее: нидда и микве - единственные сохранившиеся ритуалы того периода, когда *тум'а* и *тахара* воспринимались с предельной серьезностью и когда Храм был символом чистоты и близости к Богу. Более того, на следующий день после погружения нищенствующий приносил в святилище в качестве жертвы двух горлиц. Эта дополнительная молитва символизирует тоску по тому времени в нашем прошлом или по мессианскому искуплению в будущем.

9. См. Рейчел Адлер, “Тума и Тахара—Микве”, в *Первом еврейском каталоге*, изд. Ричард Сигел, Майкл Страсфельд и Шарон Страсфельд (Филадельфия: Еврейское издательское общество Америки, 1973), стр. 167-71.

10. Самым ясным свидетельством этого было то, что Мишна была кодифицирована. Почти через двести лет после разрушения Второго Храма трактат Нидда был классифицирован не по порядку Женщин, а по Порядку Очищения. Это также единственная из двенадцати мишнаит по Порядку Очищения, в которой гемара объясняет это.

11. Раши и Бартенура объясняют это как комнаты, а не дома (Нидда 7:2).

12. Несколько столетий спустя сегрегация действительно практиковалась в Вавилонии (*Мишне Тора*, Хилхот Исурей Би'а 11:6, 7, 15).

13. Ср. Самсон Рафаэль Хирш, *Пятикнижие* (Лондон: И. Леви, 1962), глава 15.

14. Некоторые современные работы того или иного рода: Кальман Кахана, *"Дочь Израиля: законы чистоты семьи"* (Нью-Йорк: Фельдхайм, 1970); Норман Ламм, *"Изгородь из роз"* (Нью-Йорк: Фельдхайм, 1968); Пинхас Столпер, *"Дорога к ответственной взрослой еврейской жизни"* (Нью-Йорк: Союз ортодоксальных еврейских конгрегаций Америки, 1967); Зев Шостак, *"Чистота семьи": Его идеология и его законы* (Нью-Йорк: Фельдхайм, 1971).

Отношение евреев к разводу

ТРАДИЦИОННЫЙ еврейский закон о разводе предполагает две вещи: сколько изменений произошло на протяжении истории и сколько еще изменений необходимо внести, чтобы закон мог служить женщинам без дискриминации.¹ Эволюционный процесс начинается с библейского закона:

Мужчина берет жену и овладевает ею. Она не может угодить ему, потому что он находит в ней что-то неприятное (*эрват давар*), и он пишет ей заявление о разводе, вручает его ей и отправляет прочь из своего дома. (Deut. 24:1)

Женщине, которая вызвала чрезмерное неудовольствие своего мужа, предстояло вырваться с корнем как физически, так и психологически. У нее не было власти предотвратить или отказать в разводе, и не было положения, позволяющего ей развестись с ним, если она захочет расторгнуть брак, а он этого не сделает. Развод был абсолютным правом мужа, а не нелогичным следствием патриархального общества.

Однако сама Библия начинает процесс изменения этих абсолютных прав. Во-первых, тот факт, что муж должен был написать заявление о разводе и представить его своей жене, служил для нее защитой (Ис. 50:1; Иер. 3:8). Это была тактика затягивания; он не мог в порыве гнева просто окончательно объявить о разводе. (Необратимый устный развод был альтернативой в древневосточных культурах.) Во-вторых, мужчина должен был выплатить неустойку при разводе. Об этом свидетельствует библейский закон обвинения, согласно которому муж в качестве основания для развода публично обвиняет свою жену в добрачном сексе и в том, что она пришла к нему без девственности (Втор. 22:13-21). Зачем ему было публично обвинять ее, настраивать против себя ее семью и унижать себя при этом, когда он мог просто развестись с ней тихо и по своему желанию? Потому что, если бы обвинение было поддержано, он был бы освобожден от уплаты стандартного штрафа. В-третьих, Библия описывает два случая, в которых применяется абсолютный запрет на развод: если муж ложно обвинил свою жену в добрачном сексе; или если мужчина изнасиловал женщину, на которой он был обязан жениться (при

условии, конечно, что она примет его), он не мог после этого развестись с ней (Втор. 22:28-29). (Этот “закон насильника” может показаться грубым и довольно жестоким. Однако на самом деле это было сделано для защиты женщины; потеряв девственность не по своей вине, в противном случае она не могла бы выйти замуж.) Оба эти ограничения следует понимать в более широком контексте — прерогатива сообщества устанавливать ограничения на абсолютное, частное право мужчины на развод.

Библейский закон о разводе выступает почти как отступление в сторону, как изъясн в законе, запрещающий мужчине повторно жениться на своей бывшей жене в том случае, если она тем временем вышла замуж за другого мужчину. Это тоже было посягательством на фактический контроль мужчины над разводом. Более того, Библия учит, что существовала альтернатива разводу. Полигамия странным образом защищала женщину, поскольку мужчине не нужно было разводиться с одной женой, чтобы взять другую.

Библейское повествование описывает совершенно иную ситуацию. Полигамные браки были довольно редки, но разводы также были очень редки. Женщин не изгоняли поголовно. Даже в тех единичных случаях, когда женщину отсылали, это было травматично и для мужа (Быт. 21:11-12; 1 Цар. 3:14-16). Социальные санкции общества против развода, должно быть, были очень сильными.

Еще одно слово о контекстах. Библейский закон о разводе, по-видимому, отражает не столько древнее предубеждение еврейской религии в отношении женщин, сколько общую ближневосточную культуру, ориентированную на мужчин, в которой библейский закон был основан контекстуально. Параллельные культуры, такие как шумерская и хеттская, имеют эквивалентные обряды развода. Кодекс Хаммурапи, действовавший в Месопотамии во времена Патриархов, содержит законы о браке и разводе, которые почти идентичны библейскому закону.²

Тем не менее, нельзя отмахиваться от библейского закона о разводе просто как от древних культурных норм или социологических аксиом патриархата. Для евреев библейский закон является откровением и, следовательно, основой всей последующей Галахи. Раввины Талмуда не были равнодушны к неравенству в библейском законе о разводе. Мало-помалу дисбаланс был смягчен многочисленными раввинскими мерами, которые в целом обеспечили женщинам большую защиту. Тем не менее, базовый принцип прав человека существовал всегда, ограничивая то, насколько далеко традиция могла зайти в создании лучшего распределения полномочий в семейном праве.

Одним из методов, с помощью которого раввины подкрепляли этот принцип абсолютной правоты, было выборочное взвешивание фраз из Священных Писаний. “И он пишет ей заявление о разводе, вручает его ей и отправляет ее прочь из своего дома” было истолковано как всеобъемлющий божественный принцип мужской прерогативы. Мишна учит: “Мужчина, который разводится, не похож на разведенную женщину, потому что женщина разводится с ее согласия или против ее воли, в то время как мужчина разводится только по своей собственной воле” (Йевамот 14:1). Только мужчина может написать заявление о разводе (Гиттин 20а; Бава Батра 168а).

С другой стороны, фраза “передает это ей” не была истолкована как божественный принцип, требующий принятия или согласия жены; скорее, это было объяснено как процедура. Даже в

качестве процедуры допускалась значительная свобода действий: мужчина мог бросить гет (свидетельство о разводе) ей на колени, или в рабочую корзину, или на блюдо для фиников, или на парাপет, где она могла стоять (Гиттин 8: 1, 77а–79а). Только в некоторых очень ограниченных ситуациях фраза “передать это ей” используется в качестве принципа (Йевамот 113b).

В раннем раввинском споре между школами Гиллеля и Шаммая прослеживается закономерность, которая характеризует большую часть раввинской деятельности на столетия вперед. Шаммай, строгий сторонник построения библейского закона, утверждал, что библейские слова *эрават давар* (Втор. 24:1-4) буквально и исключительно означают прелюбодеяние. Таким образом, неверность женщины была единственным законным основанием для развода. (Католическая церковь укрепила эту строгую конструктивистскую точку зрения и с тех пор отстаивает самую несостоятельную позицию в отношении развода.)

Гиллель, которая обычно широко толковала Священные Писания, понимала *эрават давар* как нечто оскорбительное для мужа, даже подгоревшую еду. Как и в большинстве споров, раввинский закон следовал Гиллелю (Гиттин 9:10).³

В течение следующих нескольких столетий крупнейшие талмудисты повторяли принцип неограниченного права мужа на развод. Однако противоположная точка зрения не была полностью проигнорирована. Это давало о себе знать двумя способами: растущим числом галахических ограничений абсолютных прав мужчины и моральными предписаниями Талмуда, такими как “тот, кто разводится со своей женой, ненавидим Богом” (Гиттин 90b).

Таким образом, на протяжении большей части истории раввинизма в напряжении действовали три силы: теория абсолютного права человека, библейские прецеденты, определяющие эти права, и самый ранний слой раввинских источников, которые широко или узко интерпретировали библейские законы. Эти три принципа могут быть учтены при принятии каждого раввинского решения, в зависимости от взглядов учителя, климата времени, склонностей человека и конкретного рассматриваемого дела о разводе.

Раввинские изменения принимали несколько форм: увеличение числа случаев, в которых применяется абсолютный запрет на развод, приукрашивание и усложнение бракоразводного процесса, расширение финансовых обязанностей мужа и расширение возможностей жены соглашаться или инакомыслие, давая ей некоторую власть над своей собственной судьбой как замужней женщине.

1. *Увеличение числа обращений.* Помимо двух запретов библейского происхождения, были добавлены два новых случая: мужчина не мог развестись с женой, которая сошла с ума и, следовательно, была бы не в состоянии позаботиться о себе (Йевамот 14:1, 113b), а также мужчина не мог развестись с женой, попавшей в плен.⁴ Другой вид запрещенного развода касался несовершеннолетней невесты, что не редкость в восточных еврейских общинах.

2. *Приукрашивание судебного разбирательства.* Сложные правила, касающиеся фактического развода, были изложены в Талмуде и получили дальнейшее развитие в постталмудической раввинской литературе.⁵ Эти правила применяются сегодня так же, как и во всем средневековом мире.

Письмо должно быть написано от руки писцом по специальному указанию мужа. Язык - арамейский, в соответствии с текстовой формой талмуда, с подробностями конкретного случая,

заполненными в соответствующих местах. Центральная часть послания - это заявление мужа: “Я отпущу тебя, моя жена, чтобы у тебя была власть над собой выйти замуж за любого мужчину, за которого ты пожелаешь. ... Ты разрешена каждому мужчине. ... Это будет для вас биллем обувольнении, письмом об освобождении, даром свободы” (Гиттин 9:1-3; *Мишне Тора*, Хилхот Герушин 4:12).

В процессе написания письма соблюдается большая осторожность. Писец должен официально подарить мужу все письменные принадлежности, которыми он будет пользоваться. Получение может быть признано недействительным, если дата написания, подписи и доставки указана неверно. Получение должны подписать два свидетеля мужского пола. Муж должен предъявить документ жене, опять же в присутствии свидетелей (обычно тех же двух мужчин). Если это невозможно или непрактично, он может назначить агента по доставке, а также жену для получения товара; законы, касающиеся агентства, однако, еще более сложны.

После получения жена передает перевод в бет дин (раввинский суд), состоящий из трех мужчин. Они делают разрыв в документе, означающий разрыв отношений, а также заключение юридической сделки о разводе. Бет дин передает *get* на хранение и выдает *штар питурин* (документ об освобождении, подтверждающий, что жена получила действительный *get*).

Стандартные процедуры при разводе настолько точны, настолько детализированы, что присутствующие должны быть экспертами в этом. Во многих средневековых общинах, как и в современных, часто был только один раввин, достаточно квалифицированный, чтобы вести гиттин (религиозный бракоразводный процесс). Реальная функция мириадов законов заключалась в том, чтобы привести пару в контакт с бет дином, члены которого понимали свою роль не только писцов или экспертов по правовым вопросам. Задолго до того, как сделка была фактически заключена, они попытались бы использовать свои офисы для проведения примирения. Только после того, как все остальное потерпело неудачу, они могли бы контролировать заключительный акт. Весь этот процесс в конечном счете привел к подрыву понятия абсолютного права. Теоретически муж по-прежнему обладал частным и абсолютным правом, но на практике, а также в общественном сознании ему теперь приходилось обращаться за санкцией к бет дину.

3. *Расширение финансовых обязанностей мужа.* В кетубе (брачном контракте) говорится, что жена имеет право на возврат своего приданого и любого другого имущества, которое она привезла с собой в брак, а также на содержание ее до повторного замужества. Таким образом, он препятствовал разводам путем введения экономических санкций. Однако, если это не могло предотвратить развод, женщине, по крайней мере, предоставлялась определенная степень безопасности. Кетуба также защищала ее интересы во время брака. Муж был обязан обеспечивать ее в соответствии с ее положением в жизни, оплачивать ее медицинские и стоматологические счета, требовать за нее выкуп, если она попадет в плен, и достойно похоронить ее (Кетуббот 4:4-9, 5а; *Мишне Тора*, Эвен ха-Эзер, Хилхот Ишут, 12:2).

Талмуд не формализовал стандартный текст кетубы, но установил базовый минимальный уровень вознаграждения. Помимо этого, он допускал множество вариаций. Таким образом, во времена средневековья были написаны индивидуальные кетубы, в которых жена оговаривала условия, при которых ее муж должен дать ей развод и по-прежнему выплачивать кетубу (скажем, если он взял наложницу).

4. *Возможность жены согласиться или инакомыслить.* На практике теоретическое право мужа разводиться со своей женой постоянно подрывалось на протяжении всех раввинских времен. Наконец, в одиннадцатом веке Раббену Гершом из Майнца официально постановил посредством такканы (раввинского распоряжения), что женщина не может быть разведена без ее согласия. Завещание женщины теперь имело юридическую силу. Хотя никто не назвал бы это так, указ Раббену Гершома формально отменил принцип абсолютного права мужчины на развод.

Что на самом деле пытались сделать раввины, так это защитить женщину от развода. Конец трактата о разводе завершается цитатой из пророка Малахии, в которой кратко излагаются этические и моральные ценности, которые, по-видимому, лежали в основе раввинских дискуссий на протяжении всего времени:

Если мужчина разводится со своей первой женой, даже у алтаря льются слезы потому что Господь был свидетелем между тобой и женой твоей юности, с которой ты поступил вероломно, хотя она была твоей спутницей жизни и женой твоего завета. (Гиттин 90б)

А как насчет права жены подать в суд на развод? Зародыш такого понятия существовал в библейском праве, поскольку, если мужчина не выполнял свои договорные обязательства, его жена имела право подать в суд:

Когда мужчина продает свою дочь в рабство ... если она окажется неугодной своему хозяину, который предназначил ее для себя, он должен позволить выкупить ее. ... Если он женится на другой, он не должен отказывать этой женщине в еде, одежде или супружеских правах. Если он подведет ее этими тремя способами, она будет свободна без какой-либо оплаты. (Исход. 21:7-11)

Другими словами, эта еврейская рабыня могла уйти, свободная от долгов, без финансового урегулирования, но со счетом о разводе на руках (Мекилта, Мишпатим, с. 3; Арахин 5:6; Йевамот 14:1; Гиттин 9:8). Поскольку рабыни, вероятно, имели очень мало влияния, традиция предполагает, что законопроект о разводе был одобрен кем-то другим, наделенным властью - возможно, судом или городскими старейшинами (Бава Батра 48а; Йевамот 106а). Разумно было бы предположить, что если бы простая рабыня была защищена договорными правами, то, безусловно, жена вступила бы в брак как свободная женщина.

Во времена раввинизма договорные обязательства мужа были расширены и детализированы. Многие основания, дававшие жене право на развод, отражали большое внимание к потребностям женщин. Сексуальное удовлетворение, состояние, законодательно закрепленное в Библии, получило реальное определение от раввинов. Они даже законодательно установили минимальное количество раз для полового акта, которое варьировалось в зависимости от рода занятий мужа: моряк должен был сходить на берег не реже одного раза в шесть месяцев, ученый должен был удовлетворять свою жену не реже одного раза в неделю. Если муж отказывается соблюдать супружеские права своей жены, она может воспользоваться своим правом на развод через *bet din*. Если она решит не воспользоваться этим правом, ее муж может быть оштрафован неделя за неделей (Ketubbot 61b–62b).

Импотенция также была законным основанием для развода, вытекающим из более старого раввинского закона, который фактически разрешал женщине выдвигать такое обвинение без

предъявления доказательств. Поздний закон мишны разрешал мужу оспаривать обвинение, но возлагал на него бремя доказывания (Йевамот 65a–b).

Если жена поклялась не вступать в половую связь со своим мужем, а он не приложил усилий, чтобы аннулировать такой обет, она имела право подать в суд на развод (Кетуббот 5:8-9). Если она хотела жить на Святой Земле или переехать из одного палестинского города в Иерусалим, а он отказывался следовать за ней или оставаться там с ней (Кетуббот 110b); если у него была серьезная болезнь или постоянный неприятный запах от его занятий, таких как перевозка навоза или дубление шкур (Кетуббот 7: 9); если он не содержал ее в том стиле, к которому она привыкла, или, если он был богат, в стиле, соответствующем одному из его средств (Кетуббот 5: 8-9); или если он не соответствовал ничему в кетубе, жена должна была отказаться от него. имел право подать в суд на развод. Средневековые раввины добавили еще два основания для развода: если он бил ее или посещал проститутку (*Шулхан Арух*, Эвен ха-Эзер, Хилхот Гиттин 154: 3, комментарий Рамы).⁶

Договорные права работали следующим образом: если муж не выполнял свои обязанности по отношению к жене, она могла пойти в bet din, изложить свое дело и получить повестку в суд, обязывающую его явиться для предъявления обвинений. Сначала суд заставит его выполнить свои обязательства. Если он этого не сделает, суд может принудить его к расторжению брака, применив к нему экономические и социальные санкции. Закон, однако, утверждал, что он предпринял это действие “по собственной воле”; талмудическая фраза гласит: “Мы используем принуждение до тех пор, пока он не скажет ‘я хочу’” (Йевамот, 106a). Благодаря такой юридической фикции старая теория мужской инициативы была сохранена в неприкосновенности, в то время как в реальной жизни права женщины расширились.

Таким образом, возникает закономерность. Первоначальное право мужа на развод было неоспоримым и частным, но историческое развитие права постоянно служило его ограничению. В случае с женой ее первоначальные права были ограничены, но по мере распространения Галахи на постбиблейское поколение они были расширены и формализованы. Эта безошибочная закономерность опровергает простодушные обвинения в том, что раввины пользовались любой возможностью, чтобы лишить женщин власти. Верно как раз обратное, учитывая способность раввинов толковать закон, а также передачу мужской власти от одного поколения к следующему — в раскрытии закона наблюдается впечатляющая степень чувствительности и доброжелательности. Растущий набор обязательств мужа перед женой и растущая формализация ее прав на возмещение ущерба через бет дин являются четкими признаками озабоченного отношения к женщине.

Тем не менее, у нас остаются некоторые большие и серьезные проблемы. Вместо того чтобы напрямую бороться с сексистским принципом, согласно которому только мужчина имеет право на развод (то есть написать и передать развод), раввины использовали различные юридические маневры, чтобы ниспровергнуть первоначальный принцип. Исключительное право, вытекающее из Библии, никогда официально не оспаривалось; оно было просто вырезано по крупницам. В результате раввинские авторитеты в любом данном поколении могли вернуться к первоначальному представлению о власти мужчины над своей женой.

Пример этого можно найти в указе Раббену Гершома о том, что мужчина не может взять более одной жены или развестись со своей женой против ее воли (*Шулхан Арух*, Эвен ха-Эзер 1:10, 119:6, Рама). Это был значительный прорыв. Но в конце этого таккана было добавлено

небольшое уточнение: если непокорная жена отказывалась от развода или была физически не в состоянии принять его, муж мог передать дело в раввинский суд, объявить о своем намерении развестись, получить одобрение сотни раввинов, а затем был бы свободен взять другую жену. Таким образом, здесь, как и в других случаях, более эгалитарное решение, касающееся права женщины на согласие, может быть отменено или смягчено в определенных ситуациях на основании теории, что законное право мужа не может быть отменено. Каким-то образом, в случаях особой необходимости, Галахе удалось найти способ обойти библейское и талмудическое требование о том, чтобы муж передавал ей деньги. Не нужно удивляться, почему Галаха не нашла параллельной - и столь же необходимой — лазейки, позволяющей жене выйти из подобной ситуации.

Это подводит нас ко второй и более серьезной проблеме: женщина не могла и не может предъявить своему мужу документ о разводе и тем самым развестись с ним, хотя она может сама оформить его. Теория заключается в том, что муж - это тот, кто создал узы, и поэтому он должен быть тем, кто разорвет их (Кидушин 56: 9б). В еврейском законодательстве также нет какого-либо положения, в соответствии с которым брак выдается в судебном порядке в отсутствие мужа или без его согласия. Только муж может предоставить разрешение.

Это может привести к возникновению агуны, привязанной жены, привязанной к отсутствующему мужу.⁷ Есть два типа агуно: женщина, чей муж либо бросил, либо сошел с ума, либо пропал без вести и считается мертвым, но чья смерть не была подтверждена двумя свидетелями; и женщина, которая является женой непокорного мужа, который отказывается от брака по неблагородным причинам. Этот последний тип агуны указывает на возможность реальных злоупотреблений в еврейском законодательстве о разводе. Действительно, в каждом поколении существовали злое истории о злобе, шантаже, вымогательстве и отсрочке до тех пор, пока жена не заплатит за своего непокорного мужа.

На протяжении веков раввины постоянно пытались облегчить участь агуны. Во времена талмуда бет дин считала свои собственные показания достаточным доказательством смерти мужа, что резко меняло Галаху, которая требовала двух свидетелей-мужчин по всем вопросам, рассматриваемым раввинскими судами; это должно защитить ее от возможности того, что она может навсегда привязаться к отсутствующему мужу (Гиттин 3а). В талмудическом праве мужчине не разрешалось покинуть общину без гарантии согласия на развод, если он не планировал возвращаться в течение определенного времени (Гиттин 6:5, 6; Кетуббот 11б). Это было обычной чертой средневекового еврейского общества, где мужьям приходилось уезжать на длительное время, чтобы заработать на жизнь.⁸

В эту эпоху современные раввины приложили огромные усилия, чтобы освободить агунот Холокоста. Израильский раввинат тоже адаптировал Галаху к нынешней нестабильной реальности Израиля. В широком смысле это требовало, чтобы все женатые солдаты-мужчины перед отправкой на передовую передали бет дину судебный приказ об условном расторжении брака. Это было основано на древнем прецеденте (Ketubbot 9b). Более того, после войны Судного дня одним религиозным актом более тысячи молодых женщин были освобождены от того, что в противном случае было бы продлено как процедура агуны.

Тем не менее, остается много случаев заболевания агунотом в еврейских общинах по всему миру. Некоторые дела слишком трудно раскрыть, на урегулирование некоторых уходят годы, некоторые женщины обнаруживают, что им приходится добиваться своего и умолять. Несмотря

на сострадание многих раввинов, которые разрешают индивидуальные дела, женщины свидетельствуют об определенном унижительном качестве, присущем базовому понятию агуна, ее статусу в обществе и самому процессу выхода из этого состояния.

По иронии судьбы, открытое общество сработало в ущерб еврейской женщине, которая хочет подать иск о разводе. В закрытых, относительно автономных еврейских общинах прошлого религиозные власти могли применять санкции против непокорного мужа; однако в современных обществах раввинские суды (за пределами Израиля) имеют власть только над теми людьми, которые добровольно подчиняются их диктату. Современные батеи-дины, пытающиеся функционировать в светском обществе, имеют низкий процент успеха в том, что касается повестки в суд. Даже в Израиле есть мужчины, которые предпочли остаться в тюрьмах, куда их отправил бет дин, вместо того, чтобы освободить своих жен с помощью *get*.

Таким образом, в попытке уменьшить неравенство между властью мужчины и бессилием женщины при разводе раввины старались изо всех сил — возможно, недостаточно. Потребовалось бы немного больше коллективной ответственности, чтобы полностью ликвидировать разрыв, создать ситуацию реального равенства перед законом. Раввины наделялись широкими полномочиями по толкованию божественного закона и даже по внедрению инноваций в ситуациях, когда общие потребности сообщества требовали приспособления к реальности, а не рационализации громоздкого статус-кво. Тот факт, что раввины не сделали последнего шага в уравнивании закона о разводе, указывает на то, что они руководствовались в своих интерпретациях принципами патернализма и иерархии, а не равенства мужчин и женщин. За это их нельзя винить, учитывая почти универсальный характер сексуальной иерархии. Однако неспособность некоторых современных раввинов использовать существующие прецеденты и непризнание того, что прошлые улучшения в законодательстве о разводах являются всего лишь частью продолжающегося процесса, приводит к выводу, что многие из них предпочитают придерживаться принципа абсолютного права, несмотря на апологетические банальности.

В наше время было сформулировано несколько решений. Реформистский иудаизм понимал, что Галаха неоправданна с точки зрения этических и социальных категорий, центральных для Реформы, поэтому он просто отказался от гиттина и сказал, что подойдет гражданский развод. Если кто-то больше заботится о равенстве, чем о традициях, это решение проходит проверку. Однако, если человек стремится к большему равенству и соблюдению еврейских традиций во всех сферах жизни, то это вообще не решение. Справедливости ради, следует добавить, что реформа сегодня ставит перед собой другие вопросы; она ищет способы сделать еврейский закон в целом более всеобъемлющим. Кажется, настало время для реформы пересмотреть свою позицию в отношении гиттина. Между тем, в нем нет действующего еврейского закона о разводе.

Реконструкционизм сформулировал решение, которое лежит где-то между двумя концами спектра - или, правильнее сказать, на двух концах спектра. Раввинат-реконструкционист использует традиционный метод *get* и все сопутствующие процедуры. Когда ранее разведенная женщина хочет повторно выйти замуж, но не смогла получить разрешение на вступление в брак от своего бывшего мужа, сторонница реконструкции бет дин просто выдаст ей *штар питурин*, документ, который объявляет ее свободной вступить в повторный брак, даже если у нее нет права на вступление в брак и ее брак не был аннулирован.

За последние три десятилетия консервативный иудаизм прошел три этапа исправления в попытке устранить потенциальные злоупотребления, оставаясь при этом верным унаследованной традиции.⁹ Эти изменения поучительны, поскольку дают некоторое представление о возможностях, проблемах и связанных с ними процессах.

Кетуба Либермана впервые была использована в 1954 году. Посредством такканы раввин Саул Либерман добавил т'най (условное условие) к стандартной кетубе: если брак заканчивается гражданским разводом, любая из сторон может сослаться на авторитет бет дина, чтобы определить еврейский образ действий, передачу гета. Если какая-либо из сторон отказывается от получения, он или она становится обязанным подать иск в гражданский суд. Предположительно, суд приведет в исполнение решение bet din. Хотя эта кетуба, как правило, больше не используется для разрешения дел непокорного супруга, она широко используется в браках, заключенных консервативными раввинами. (Одна из проблем с этим кетубом заключалась в том, что он не охватывал дела о разводе, в которых кетуба изначально не использовалась. Более того, достоверность его угрозы зависела от возможности приведения ее в исполнение в гражданском суде, и это остается под сомнением. Ортодоксальная оговорка Либермана была отвергнута как недействительная с галахической точки зрения из-за ее неопределенного характера. Во-первых, ущерб [*knas*, штраф] не был прописан, и, следовательно, никто не стал бы подписывать такой контракт, влекущий за собой ответственность в виде неопределенного штрафа. В кетубе Либермана, однако, используется слово *пицуум*, ущерб, термин, часто используемый в контрактах и имеющий галахическую силу; это примерно настолько конкретно, насколько хотелось бы быть во время церемонии бракосочетания. Во-вторых, обещание, которое давал жених, считалось *асмахтой*-обязательством заплатить штраф за ситуацию, которая, как он на самом деле не ожидал, произойдет.)

Вторым этапом стало принятие закона Берковица о браке в 1968 году, который отличается от решения Либермана тем, что он устанавливает условия для самого акта заключения брака. Раввин Элиэзер Берковиц основывал свою работу на двух элементах: принципе, согласно которому брак может быть признан недействительным раввинскими властями, и прецеденте в еврейском праве установления особых условий для заключения брака. При невыполнении таких условий суд мог бы определить, что брак был аннулирован задним числом и никогда не был юридически оформлен. Этот прецедент также использовался раввинами Парижа в конце девятнадцатого века. Условия Берковица заключались в том, чтобы пара не разлучалась на неоправданно долгое время, чтобы никто не отказывался (или не становился неспособным) дать или принять развод, и чтобы жена не забеременела в результате прелюбодеянного союза. Консервативный юридический комитет изменил это, и раввин Эдвард Гершфилд разработал текст на этот счет: "если наш брак закончится гражданским разводом и в течение шести месяцев после этого я дам вам разрешение на брак, наш брак останется действительным и обязательным; если, однако, пройдет шесть месяцев, а я не дам вам разрешения на брак, тогда наш брак будет признан недействительным". Это не было приложено к кетубе; оно было подписано как отдельное добрачное соглашение. В данном случае не было необходимости обращаться в гражданские суды для приведения в исполнение этого соглашения. С другой стороны, то, что это отдельный документ, также было его слабостью; пары неохотно подписывали его в такой счастливый момент своей жизни. (Это предложение было отклонено православными на том основании, что брак является безусловным обязательством, а условные браки и разводы, таким образом, становятся недействительными по завершении брака.¹⁰)

Решением третьего этапа, широко применяемым сегодня в консервативном иудаизме в проблемных случаях развода, является более широкое применение *хавкаат кидушин* (полномочия раввинов аннулировать браки *ab initio*) (Бава Батра 48b; Гиттин 33а; Кидушин 3а). Он основан на талмудическом принципе, согласно которому все, кто вступает в брак в еврейской общине, делают это с подразумеваемого согласия раввинов и на условиях, установленных ими. (Фраза “согласно законам Моисея и Израиля” есть в кетубе и также является центральной частью церемонии обручения.) Таким образом, акт женитьбы мужчины на женщине подтверждается санкцией раввинов на этот акт. Точно так же, как они дают санкцию, они могут и снять санкцию; брак продолжает существовать только до тех пор, пока раввины соглашались с его существованием. Если раввины снимают свою санкцию из-за того, что определенные условия больше не действуют, первоначальный акт кидушина (обручения) аннулируется. Задним числом это становится просто актом вручения подарка, такого как кольцо. А как насчет брака, который был заключен? Даже там раввины могли объявить сексуальную связь внебрачным актом (то есть актом проституции).

Как это работает сегодня в консервативном иудаизме? В случае непокорного мужа жена сначала обращается за помощью к своему собственному раввину. Если он не может заставить мужа (бывшего мужа по гражданскому праву) предоставить разрешение на брак, жена затем предстает перед специальным совещанием, учрежденным Консервативным раввинатом. Она предъявляет свой гражданский развод, а также доказательства предыдущих добросовестных попыток добиться развода. Если *bet din* будет удовлетворен, он выдаст документ, задним числом объявляющий брак недействительным, и после этого она сможет вступить в повторный брак. Это отличается от брака Берковиц *т'най* тем, что к браку не прилагается никаких дополнительных условий и никакого специального соглашения подписывать не нужно. Это тоже было отвергнуто многими ортодоксальными раввинами на том основании, что право аннулировать браки использовалось лишь в ограниченных случаях, а в постталмудические времена право аннулировать браки было ограничено.

Что было сделано ортодоксальным сообществом? Помимо неприятия шагов, предпринятых консервативным иудаизмом, движение было незначительным. Между тем, все большее число традиционных женщин, подавших в суд на развод, сталкиваются с угрозой шантажа с целью получения выгоды.

Однако в воздухе витают ветры перемен. В 1967 году, когда Берковиц опубликовал свою книгу "*Т'най бе-нисуин у-ве-гет*" (Условный пункт в соглашениях о браке и разводе), он предназначал ее не для консервативного иудаизма, а для ортодоксальной общины, членом которой он является. Первоначально он получил одобрение своего учителя, выдающегося *посека* Харава Йехиэля Якова Вайнберга. Из-за растущего давления со стороны правых большой Вайнберг отозвал свое одобрение, а активисты ортодоксального раввината категорически отвергли предложение Берковица. Берковица тихо поддерживали, но тихая поддержка мало помогает.

В начале 1970-х годов Зеев Фальк, ортодоксальный профессор Еврейского университета, обновил факты.¹¹ Он дал подробный обзор всех ранее предложенных решений, заявив, что ситуация с непокорным мужем более распространена в Израиле, чем в Соединенных Штатах, причем рассмотрение дел в религиозных судах часто занимает до десяти лет, и в течение этих десяти лет женщина не может повторно выйти замуж. В 1977 году Ирвин С. Хаут¹² проследил историю древнего таккана, принятого геонимами и используемого ими более трехсот лет: если

по прошествии двенадцати месяцев жена не смягчится в своем стремлении получить что-то, бет дин может заставить мужа дать это ей. Эта таккана была принята давным-давно, чтобы положить конец практике, когда еврейские женщины нанимают мужчин-неевреев с сильными руками, “чтобы принуждать его до тех пор, пока он не скажет, что я этого хочу”. Хаут призывает израильский раввинат, как централизованный орган власти, ввести новую таккану, аналогичную геонической, срок действия которой давно истек. Это вынудило бы мужчину, который живет за пределами Израиля и которому был предоставлен гражданский развод, дать своей жене развод; если мужчина, получивший такое предписание от бет дина, будь то в диаспоре или в Израиле, все еще отказывается, то бет дин объявляет брак аннулированным или расторгнутым. Разница между этим решением и консервативным на сегодняшний день заключается в использовании такканы и централизации власти в израильском раввинате.

В книге "Еврейские женщины в еврейском законе", широко читаемой в ортодоксальных кругах, Моше Мейзельман признает проблему непокорных мужей.....¹³ В своем непоколебимом желании не затрагивать галахический статус-кво, он призывает светские суды к решению: гражданский суд должен привести в исполнение решение бет дина, когда он рекомендует получить разрешение, а его не поступает. Мейзельман не занимается проблемой Первой поправки; более того, хотя он признает весьма спорадический успех гражданских судов на данный момент, он отмахивается от этой проблемы с необоснованным оптимизмом, что проблемы будут решены за счет повышения уровня образования гражданских судей.¹⁴ Но он требует ремонта.

На своем ежегодном съезде в 1978 году Раввинский совет Америки посвятил большую сессию современным проблемам гиттина. Раввин Меир Фельдблюм, известный галахический авторитет, поднял эти вопросы и предложил несколько решений. На конференции Университета Бар Илан по еврейским женщинам в 1978 году президент раввин Эмануэль Ракман, признанный лидер современной ортодоксии, открыл обсуждение галахической историей *хавкаат кидушин*. Он совершенно справедливо призвал раввинат использовать его. Несколько месяцев спустя он повторил этот призыв в печати; его послание было опубликовано на первых полосах нескольких американских еврейских еженедельников.

Наконец, были предприняты усилия женщинами как в небольших, так и в более крупных общинах. Группа православных женщин в канадском городе просто объявила, что ни одна из них не пойдет в микву, пока их подруга не получит бесплатное посещение от своего бывшего мужа, который требовал двадцать пять тысяч долларов. Женщина получила свое в кратчайшие сроки. В 1980 году женщинами-традиционалистами была создана организация под названием G.E.T., которые намерены оказывать давление до тех пор, пока женщины не получают равного обращения в еврейских бракоразводных процессах.

Тем не менее, проблемы неравенства сохраняются, и все большее число женщин — традиционных женщин — платят высокую цену за свою приверженность Галахе. Более того, существует совершенно новая проблема, беспрецедентная в еврейской истории: община, действующая по четырем различным сводам законов о разводе, как если бы мы были четырьмя разными общинами.

Что остается сделать, так это сформулировать решение, которое решило бы обе проблемы: устранило бы любой потенциал жестокого обращения с женщинами и объединило все ветви иудаизма в его всеобщем признании. Достижение и того, и другого означает, что всем евреям

придется признать, что есть что-то особенное в том, чтобы быть евреем и жить по еврейским законам. Это означает, что у всех нас возникнет повышенное чувство осознания того, что брак, развод и все остальные моменты нашей жизни должны переживаться должным образом в рамках святого сообщества.

Как и большинство наших ритуалов, предписанных Богом и сформированных несколькими тысячелетиями еврейской жизни, еврейский развод настолько точно соответствует потребностям человека в данный момент, насколько можно было ожидать. В отличие от финального момента гражданского развода, еврейский развод не является конфликтной ситуацией. Здесь нет судебных разбирательств, нет оснований, нет взаимных обвинений, нет попыток примирения, нет высокой драмы. Фактически, разговоров почти нет. Все это, что бы из этого ни было, имело место в другое время. Сам по себе развод - это простая юридическая процедура, совершаемая на последнем этапе, акт, который придает отношениям глубокое ощущение завершенности. Это немалый подвиг, поскольку, как все чаще сообщают социологи, чувство завершенности - одна из самых трудных стадий, которых человек достигает в муках развода.

Но сила еврейского развода заключается не в его ценности как терапевтического инструмента. Еврейский развод, как и еврейский брак, еврейское рождение или еврейская смерть, - это, попросту говоря, образ жизни еврея. Именно так евреи делали эти вещи на протяжении нескольких тысячелетий; именно таким образом человек называет себя евреем сегодня.

Таким образом, лидерам всех ветвей иудаизма придется собраться вместе и поговорить друг с другом, чтобы выработать взаимоприемлемое решение, каждый из которых признает другого частью *кляль Исраэль*, всей еврейской общины. Самодовольные изоляционистские позиции должны будут отойти в сторону.

Чтобы ускорить этот процесс, женщинам придется активизировать свои усилия. Учитывая нынешний характер укоренившихся интересов и жестких институциональных установок, еврейские женщины всех политических и религиозных оттенков должны попытаться свести воедино противоречивые цели и заполнить вакуум, образовавшийся из-за потери инициативы нынешними религиозными лидерами. Кто может знать, какое влияние оказали тысячи женщин, протестующих перед лидерами реформистского иудаизма за восстановление галахического еврейского закона о разводе? Кто может знать, какой эффект произведет обращение тысячи евреев в бет-дин Раввинского совета Америки с просьбой пересмотреть нынешнюю несправедливость в галахическом разводе? (Несомненно, раввинские власти подошли бы к своему хранилищу галахических прецедентов и принципов с другим чувством срочности, во многом так же, как они поступали во многих отдельных случаях с агунотом.) Кто знает, может быть, давление на консервативное руководство побудит их стремиться к более тесному сотрудничеству со всеми слоями еврейской религиозной общины?

Трудно спрогнозировать, какой в конечном итоге будет оптимальная форма пересмотра. Возможно, это будет похоже на *хавкаат кидушин*, используемый консервативным бет дином и рекомендуемый многочисленными ортодоксальными учеными. Возможно, это будет условный пункт, добавленный к кетубе. Возможно, раввинат диаспоры передаст это дело в руки раввината Израиля, где централизация власти в семейном праве легче поддается глобальным, а не индивидуальным решениям.

Возможно, с новым чувством равенства женщин пересмотр примет форму такканы, которая даст женщине возможность передавать наследство. Если, как защищаются галахисты, брак - это изменение статуса, а не одностороннее приобретение женщины мужчиной, если женщина является взаимно активным партнером во всех этих сделках, если развод является более галахически правильным способом расторжения брака, чем расторжение брака, то то, что женщина доставляет товар там, где мужчина отказывается, может быть лучшим галахическим решением во всех отношениях. Полезным прецедентом может быть такой, который позволяет обойти закон, требующий, чтобы муж заплатил за написание письма. Когда мужчина отказался платить пошлину писцу, суд обязал женщину заплатить, чтобы муж не стал причиной задержки с получением ею свободы (Бава Батра 168а).

Все это подводит нас к вопросу о традициях и переменах. Принимая во внимание тот факт, что разворачивающаяся Галаха о разводе отражает безошибочную схему ограничения прав мужа и расширения прав жены, современные раввины больше не могут говорить, что они не могут “разобраться с этим”. Говорить, что у них связаны руки, или говорить, что они могут решить индивидуальную проблему, но не могут найти глобального решения, - значит отрицать их коллективную ответственность. Хуже того, это свидетельствует об отсутствии у раввинов желания найти галахический путь. На самом деле они говорят, что недостойны возложенной на них власти, поскольку хорошо знают, что единственный человек, у которого связаны руки, - это женщина, семья которой должна платить за шантаж.

Если бы не было злоупотреблений в области развода, я бы не возражал против сохранения мужской прерогативы и нетронутости этого закона. Односторонний кидушин не таит в себе реальной несправедливости, и его следует ценить таким, какой он есть: древней раввинской традицией, еврейским способом, по которому мужчины и женщины вступали в брак на протяжении тысячелетий. Уже в одном этом заключена огромная ценность и сентиментальность.

Но, учитывая сегодняшнюю противоположную ситуацию — рост злоупотреблений, — галахисты должны взять на себя обязательство не только облегчать страдания отдельных людей здесь и там, но и придерживаться концепции справедливого закона. Ибо смягчение наказания отдельного человека не является справедливостью для всей системы. Если галахисты не приложат свои умы и энергию к этой проблеме, то я подозреваю, что мы увидим то, что видели в прошлом — регулирование еще одной области человеческих отношений, находящейся в руках толкователей еврейского закона, по мере того как растущее число евреев решает свои проблемы в других местах.¹⁵

Широкомасштабное устранение неравенства послужило бы еще одному преимуществу. Это устранило бы огромные затраты раввинского времени и энергии, которые сейчас тратятся на попытки добиться согласия от непокорного мужа. Религиозные лидеры могли бы тогда свободно заняться реальной проблемой: факторами, стоящими за ростом числа разводов, нереальными ожиданиями от брака, идеологией “я на первом месте”, нетерпением мужчин и женщин, когда дело доходит до постоянной работы над отношениями.

Несколько лет назад, когда я впервые начал исследовать этот предмет, я почувствовал сильную двойственность, даже чувство страха, когда говорил о фундаментальном изменении библейского принципа абсолютной справедливости. Отчасти этот страх проистекает из моей духовной укорененности в сообществе, которое, самое большее, позволяет себе говорить

приглушенными голосами о постепенных изменениях на протяжении двух тысячелетий. Я также не забываю о том факте, что божественность Торы оставалась такой сильной на протяжении веков именно потому, что раввины были так осторожны, чтобы не запрещать то, что было разрешено, и разрешать то, что было запрещено. Таким образом, по натуре и образованию я всегда предпочитал решения, которые влекли за собой наименьшие изменения в базовой структуре Галахи.

Тем не менее, я должен остановиться и спросить, не окажут ли половинчатые шаги медвежью услугу еврейским женщинам, скажем, через десять поколений. Разве этого не случилось с женщинами нынешнего поколения евреев, живущих в открытом обществе? Более того, с возросшим пониманием закона и процесса я должен задаться вопросом, действительно ли этот принцип является принципом. Возможно, суть библейского закона заключается в вручении гет, официального документа, который обеспечивает надлежащее юридическое и психологическое завершение отношений. Возможно, мужская прерогатива - мужчина отдает предпочтение женщине — это всего лишь форма, а не суть. Возможно, историческая случайность заключалась в том, что широко распространенное представление об иерархии полов позволило превратить процедуру в принцип, тем самым блокируя другие, более важные принципы, такие как *тиккун олам*, улучшение социального порядка, равенство для всех членов сообщества, вступившего в ковенант.

В каждой ситуации развода неизбежно будут присутствовать несправедливость и дисбаланс; такова, к сожалению, природа распада человеческих отношений. Но закон не должен дискриминировать один пол. И если в каждом поколении есть одна женщина, которая неоправданно страдает в результате действия закона, то закон предвзят по отношению ко всем женщинам.

Если, как я полагаю, иудаизм - самая этичная, самая чувствительная из всех религий, если со времен откровения иудаизм продвинулся к своим собственным лучшим ценностям, переосмысление, которое привело бы к большему равенству, должно быть сформулировано не в категориях изменения / отсутствия изменений, а скорее как часть органического роста святого народа на протяжении всей истории.

Примечания

1. Я рекомендую четыре превосходных источников по этой теме, двух на английском и двух на иврите: Дэвид Вернер Амрам, *еврейского закона разводов в Библии и Талмуде* (Нью-Йорк: Хермон, 1968); Зеев Фальк, *иск о разводе от жены в Средние века* (Иерусалим: Еврейский университет, 1973); Бенцион Schereschewsky, *Dinei mishpahah* [Семейное право (Иерусалим: р. масс, 1967)]; Элизер Беркович, *Т Бней быть-nisuin у-ве-вам* [условное наклонение в браке и при разводе соглашения] (Иерусалим: Мосад Арав Кук, 1967).
2. См. Джеймс Б. Притчард, изд., *Древние ближневосточные тексты* (Принстон: Издательство Принстонского университета, 1969), стр. 137-40; Роланд де Во, *Древний Израиль: его жизнь и институты* (Нью-Йорк: Макгроу-Хилл, 1965), гл. 2.
3. Рабби Акиба расширил это еще больше: муж имел право отказаться от своей жены, если он нашел другую, которая нравилась ему больше; он основывал свое толкование на фразе “если

она не нашла расположения в его глазах”. См. Мейер С. Фельдблюм, *Талмудическое право и литература* (Нью-Йорк: Университет ешивы, 1969), стр. 221-3.

4. Поскольку это было нарушением библейского права мужа, раввины сочли нужным объяснить свой поступок. Они запретили это, потому что понимали последствия, что женщина станет обездоленной, беспомощной и легкой добычей. Но они “замели” свои гуманные следы юридическим обоснованием. Поскольку Тора требовала, чтобы подарок был отдан “в ее руки”, это, должно быть, подразумевалось, что она способна его получить (т. Е. Обладает всеми своими способностями; это был один из примеров, когда “в ее руки” применялось как принцип, а не просто как процедура). Далее, Тора описывает разведенную женщину как “ту, которая изгнана из своего дома и, следовательно, не вернется. Но безумный человек, ты отправляешь ее прочь, а она продолжает возвращаться” (Йевамот 113b). Это пример того глубокого раввинского процесса, когда раввинский закон становится “непрерывным” по отношению к Торе.

Интересно, что когда Маймонид описывает это постановление, он ссылается только на гуманную причину, а не на юридически действительную (*Мишне Тора*, Хилхот Герушин 10:23). Проследивая процесс на шаг дальше, во времена средневековья, после введения запрета на многоженство, раввины иногда разрешали мужу сумасшедшей женщины взять другую жену. Однако это было разрешено только в том случае, если безумие было признано неизлечимым и муж обеспечил ей надлежащий уход, что во всех отношениях было довольно гуманным решением. Формулировка Маймонида немного жестче: муж бросает ее, берет другую жену, и когда она поправляется, он разводится с ней. Другими словами, здесь нет условия неизлечимости. Более того, от мужа не требуется предоставлять кров, медицинскую помощь или требовать выкуп (*Мишне Тора*, Хилхот Герушин 10:23). Очевидно, что Маймонид не применял ни запрет Раббену Гершома на принудительный развод, ни исключения из него. С другой стороны, Маймонид в некоторых отношениях пошел дальше Раббену Гершома.

5. В *Шулхан Арух* перечислен 101 шаг в правилах процедуры развода. Рама добавляет несколько примечаний и уточнений к этому списку. См. Амрам, *Еврейский закон о разводе*, стр. 192-204. Еще один труд, которым пользуются те, кто регулярно имеет дело с гиттином, - это *Кав Наки*, всеобъемлющее руководство по процедурам развода семнадцатого века.

6. Существовала даже испанская традиция, которая вообще не требовала оснований: “Если она скажет: “Я презираю его”, - по моему мнению, мы заставим его немедленно развестись с ней, потому что она не похожа на пленницу, которая должна вступать в половую связь с кем-то, кто ей ненавистен” (*Мишне Тора*, Хилхот Иштут 14:8).

7. Смотрите роман Хаима Грэйда “Агуна” (Бостон: Твейн, 1974).

8. См. Израэль Абрахамс, *Еврейская жизнь в средние века* (Нью-Йорк: Атенеум, 1969), стр. 90.

9. См. Сеймур Сигел, “Живая галаха: консервативный иудаизм и еврейский закон”, *Объединенное синагогальное обозрение* (зима 1979 г.).

10. См. Моше Мейзельман, *Еврейские женщины и еврейский закон* (Нью-Йорк: Ktav, 1978), стр. 103-8.

11. Зеев Фальк, *Иск жены о разводе по еврейскому закону* (Иерусалим: ILRCL, 1973).

12. Ирвин Х. Хаут, “Проблема в еврейском законе о разводе: анализ и некоторые предложения”, *Традиция* 16 (Весна 1977 г.): 29-49.

13. Мейзельман, *Еврейские женщины*, гл. 14.

14. Несколько ученых и историков права показали неотъемлемую ошибочность полагаться в этом вопросе на гражданские суды. См., например, А. Лео Левин и Майер Крамер, *Новые положения в Кетубе: юридическое заключение* (Нью-Йорк: Университет ешивы, 1955).

15. См. Стивен Бейнер, “Бракоразводный процесс в Израиле: сравнительное исследование” (неопубликовано).

Проблема абортов

Я НАПРЯГАЮСЬ при мысли о том, что могу оказаться втянутой в спор по поводу абортов. Эмоционально, теологически, как еврейка, и больше всего как мать, которая ежедневно видит и слышит своих детей, я выступаю против абортов. И все же нельзя игнорировать другие аспекты нежелательной беременности — усталых и измученных родителей, позор изнасилования, преждевременный конец юности (в случае подростковой беременности), деградацию и опасность абортов на вешалке и, что не в последнюю очередь, подавляющее и исключительное влияние ребенка на жизнь женщины в течение многих ее самых сильных лет. Поэтому я поддержала реформу легализации абортов, полностью осознавая двойственность своей позиции.

Социальные проблемы, независимо от их характера, редко бывают четко сформулированы, когда вся правда на одной стороне. Особенно это касается абортов. Здесь мы обнаруживаем противоречия между общепринятой галахической позицией в отношении абортов и индивидуальными потребностями женщин. Существует также расхождение между заботой о перенаселении мира и заботой о выживании евреев, где сами цифры значительны. Существует несоответствие между возможностью расширить медицинские знания и эксцессами, связанными с экспериментами над плодом. Наконец, существует конфликт в смешении вариантов, а также в областях контроля, закрепленных за религией, государством или отдельным человеком. Следует спросить, каким изменениям подвергается общество, когда все более обширные области морали становятся вопросами индивидуального сознания?

Но человек вынужден делать выбор, и поскольку все жизненные решения принимаются с учетом конкурирующих требований, я должен, каким бы незначительным это ни было, встать на сторону абортов как законного варианта в Соединенных Штатах. Более того, как член религиозной общины, которая заинтересована в законах этой страны, я считаю, что мы должны пересмотреть еврейскую традицию, чтобы увидеть, где более мягкое толкование еврейского закона может поддержать легализацию абортов. Однако мы должны сделать это с оговорками, а также с чувством срочности, чтобы донести до нашего народа и общества в целом нашу собственную систему ценностей.

Все это означает изучение новых ролей и обязанностей галахической общины вместо того, чтобы продолжать тратить время и энергию, как это происходит сейчас, в попытках навязать более строгое толкование еврейского закона нации, которая в значительной степени

продвинулась в другом направлении. Разрешить аборт как медицинский вариант, но при этом просвещать общество и прививать ему трансцендентную перспективу, возможно, является величайшим вкладом, который могут внести моральные и религиозные сообщества. В конечном счете это может положить конец долгой и ужасной истории незаконных аборт, но одновременно положить начало борьбе с легальными абортами. Это также может помочь ищущему обществу усвоить этику, которая включает в себя чувство ценности человеческих отношений и самой жизни.

Борцы с аборт в еврейской общине обычно приводят следующие аргументы в поддержку своих утверждений:

1. Опасности, к которым могут привести легализованные аборты, то есть злоупотребления научными манипуляциями, такими как евгеника или эвтаназия.
2. Галахическая точка зрения, выступающая против абортов, за исключением случаев, спасающих жизнь.
3. Обесценивание человеческой жизни в самом процессе аборта — мужчины и женщины берут дело в свои руки, “выходя за рамки своей роли людей и берясь играть роль Бога”.¹

Что касается первого аргумента, то нет никаких доказательств того, что легализация абортов обязательно приведет к еще большим злоупотреблениям. Швеция либерализовала свои законы об абортах много лет назад, однако Германия, не имевшая долгой истории легализации абортов, задумала и осуществила план арийской высшей расы и медицинские эксперименты Менгеле. Этот аргумент домино не имеет отношения к спору об абортах. В значительной степени ответственность галахического сообщества состоит не в том, чтобы говорить, что аборт приведет к жестокому обращению, а в том, чтобы всегда быть начеку, чтобы этого не произошло.

Что касается галахической позиции в отношении абортов, при обзоре литературы выясняется, что существует ряд различных точек зрения, одни снисходительные, другие строгие.² Все это происходит из нескольких основных источников в Торе, Мишне и Талмуде. Самое прямое утверждение по этому вопросу можно найти в Мишне Охолотх 7: 6: “Если у женщины тяжелые роды и ее жизни угрожает опасность, то плод можно разрезать и извлекать конечность за конечностью, потому что ее жизнь имеет приоритет над жизнью плода. Но если большая часть плода уже родилась, к нему нельзя прикасаться, потому что жизнь одного человека нельзя отнимать за жизнь другого”. Таким образом, до своего рождения плод не является *нефеш*, человеческой жизнью.

Галаха не рассматривает аборт как убийство, как преступление, влекущее за собой смертную казнь. Он также не приписывает прав плоду, что объясняет относительное отсутствие позиции “права на жизнь” в еврейской кампании против абортов. Тора учит, что если мужчина ударяет беременную женщину и убивает плод, он подвергается штрафу только за имущественный ущерб (Исход. 21:12, 22-23); по иронии судьбы, этот штраф выплачивается мужу, как если бы плод считался его собственностью.

Вокруг этих центральных тем возник целый массив раввинской литературы, посвященной таким вопросам, как состояние плода до и после сорока дней — Талмуд описывает плод как “воду” до

сорокового дня — и что представляет собой законные обстоятельства для аборта (Йевамот 69б; Нидда 15б, 30а–б; Берахот 60а).

В целом, традиционный еврейский взгляд на аборты был более снисходительным, чем классический христианский. Тем не менее, даже там, где галахисты разрешали аборты, они проводились только в случаях терапевтических абортов, когда отказ от аборта представлял бы серьезную угрозу жизни или здоровью матери. За очень немногими исключениями, здоровье плода не рассматривается как уважительная причина для прерывания беременности. Таким образом, в тех мнениях меньшинства, которые разрешают аборты при пороках развития плода, таких как в случаях с талидомидом, решения раввинов основаны на широком толковании угрозы здоровью матери, а не на соображениях о потенциальных страданиях ребенка.³

Однако реальная проблема, с которой мы сталкиваемся сегодня, - это не терапевтический аборт, а аборт по требованию. В связи с этим очень мало еврейских откликов на аборты, основанных на личных, экономических соображениях или планировании семьи. Это можно понять исторически. В жизни традиционных еврейских общин в досовременные времена, где даже контроль над рождаемостью был тщательно ограничен и где функция продолжения рода стояла на первом месте в списке заповедей, новая жизнь ценилась особенно высоко, потому что жизнь в целом была ненадежной: нужно было родить восемь детей, если ты хотел, чтобы выжили четверо. И до нового времени аборты не были обычным явлением в общей культуре (евреи диаспоры всегда испытывали влияние нравовпреобладающего общества). Более того, в наши дни, когда многие евреи предпочитают иметь только одного или двух детей и когда вопрос об абортах приобрел национальное значение, большинство евреев не обращаются к руководству раввинов при принятии решений в этих областях.

Поскольку нет традиционных еврейских прецедентов аборта по требованию, одним из способов сохранить некоторую целостность в рамках галахи могло бы стать расширение толкования терапевтического аборта, распространение принципа приоритета реальной жизни и здоровья матери на серьезное отношение к качеству жизни. Связывая одно с другим — уважение к качеству ее жизни с древним галахическим отношением к ее жизни, когда эмбрион угрожает ей физически, — это помогло бы лицам, принимающим решения, легче приспосабливаться к законным и незаконным потребностям. Действительно, в галахической литературе существует несколько прецедентов именно такого рода. В девятнадцатом и двадцатом веках существовали законы, разрешающие аборты в случаях изнасилования замужней женщины, в случаях, когда роды причинили бы матери продолжительные страдания, или, как отмечалось выше, в решениях меньшинства по поводу уродливых плодов. Эти решения были приняты уважаемыми галахистами, которые в своем применении закона перешли от чисто физических соображений к ментальным и эмоциональным соображениям матери — именно в этом суть текущего вопроса, касающегося абортов.⁴

Хотя можно представить себе галахическую позицию, призывающую избегать абортов по всем знакомым традиционным и теологическим причинам, обстоятельства, при которых аборт допустим, могут быть расширены. Такие условия могут включать эмоциональную неспособность справиться с рождением детей и их воспитанием — например, необходимость обеспечивать себя (или своего супруга) во время учебы в школе, время, необходимое для стабилизации брака, непосильную ответственность перед другими детьми и так далее. В этих случаях аборт следует

рассматривать как необходимость, а не зло. Действительно, многие заповеди зависят от времени и условий, которые они регулируют.

Возвращаясь к третьему традиционному аргументу против аборт — обесцениванию человеческой жизни и дегуманизирующему воздействию аборт на отдельных людей и общество, — я нахожу обоснованным мнение о том, что проблема легкого аборт заключается в том, что он может стать просто средством контроля рождаемости, лишенным серьезности в отношении тайны человеческого зачатия. Я понял это, когда несколько лет назад прочитал о забастовке медсестер в крупной больнице Восточного побережья. Они больше не могли выносить постоянного вида абортированных плодов, грудями сложенных в мусорных баках зала для проведения аборт. Образ, который возник в моем сознании, был грудями трупов, которые ошеломили инспекционные группы союзников в Освенциме в 1945 году и которые навсегда ошеломили еврейский народ. Это абсолютное осквернение мужчины и женщины, созданных по образу Божьему. Вот, поистине, диалектика в вопросе аборт, с которой нужно разобраться.

Тогда возникает вопрос: как можно сохранить принципы почитания жизни, заложенные в Галахе, расширяя при этом основания для аборт.

Один из ответов заключается в том, что санкции за аборт — или против него — должны быть сформулированы как часть богословского целого, в котором зачатие и рождение являются ключевыми сегментами этого богословия. Еврей должен задавать личные вопросы и отвечать на них, более широко ссылаясь на религиозный кодекс, источником ценностей которого являются Бог и община. Сегодня решения об аборте часто принимаются в обратном порядке.

Создателям еврейского закона потребуется мужество, чтобы постановить, что в определенных случаях аборт является высшей моралью, в соответствии с общими принципами *кавод ха-бриот* (уважение ко всему живому) и *целем элохим* (“по образу Божьему”) — принципами, которые иногда теряются во множестве законов, разработанных для выражения именно этих приоритетов. Например, еврейский закон, как мы видели, санкционирует аборт в тех случаях, когда на карту поставлено здоровье матери. В различных ответах раввинские авторитеты расширили это понятие, включив в него и ее психологическое здоровье.⁵ Эти ответы могли бы подкрепить новые, которые охватывали бы такие переменные, как физическая сила, стресс, даже задержка в воспитании ребенка в целях планирования семьи. Кроме того, тот факт, что в еврейском праве любовь и брак являются позитивными ценностями, должен позволить рассмотреть случаи, когда жена беременеет до того, как у пары появится шанс наладить прочные отношения.

Принцип *ве-хай ба-хем* (“и ты будешь жить по ним”, то есть заповеди [Лев. 18: 5])⁶ может быть применен к аборту с Тай-Саксом или деформированным плодом. Здесь достоинство *целем элохим* следует интерпретировать не как противодействие аборт, чтобы они не привели к дегуманизации, а скорее в свете страданий и неизбежной смерти, которые последуют за этим. Это правда, что некоторые дети с уродствами пользуются большей любовью и вызывают более глубокие чувства сострадания, чем идеальные экземпляры. И все же учреждения полны жалких, отвергнутых, уродливых, нефункционирующих детей, которые влачат жалкую, бесчеловечную жизнь, а у родителей есть глубокие колодцы вины. В этой ситуации принудительные роды являются бесчеловечной ситуацией. Наконец, тот факт, что Талмуд рассматривал плод как воду до сорокового дня, открывает дополнительные возможности для аборт при более широких обстоятельствах.

Галахисты не должны бояться расширения еврейского законодательства, чтобы лучше сочетать личные потребности с традиционными предписаниями. Это не означает, что Галаха должна легитимировать себя, просто говоря "да" всем своим заявителям. Это означает, что при переходе к более реалистичной позиции ее негативные оценочные суждения также будут приниматься всерьез. Двигаясь в этих направлениях, мы не будем ставить под угрозу Галаху. Раввины взяли цели и идеалы Торы за отправную точку и показали, как стремиться к идеалу в реальной жизни со всеми ее противоречивыми притязаниями. Открыв свою позицию в отношении аборт, традиционный иудаизм мог бы сегодня выработать для себя новые роли и обязанности.

Одной из таких обязанностей могла бы быть поддержка исследований по более ранним и самостоятельно применяемым методам выявления беременности. Если современная наука смогла разработать таблетку (что галахически допустимо, несмотря на тот факт, что она обходит цель продолжения рода), то, по-видимому, она также способна разработать набор для утреннего обнаружения и противоядия. Само собой разумеется, что галахическое сообщество должно исследовать и разрабатывать более совершенные методы контрацепции и расширять просвещение по вопросам контроля над рождаемостью.

Некоторыми дополнительными обязанностями могли бы быть создание агентств по усыновлению, постоянная бдительность и мониторинг последствий легальных аборт для предотвращения злоупотреблений, более широкое распределение ответственности между общинами за воспитание и образование детей, улучшение полового воспитания и более зрелая ответственность за свою сексуальную жизнь.

Галахическая позиция не должна превращаться просто в противодействие аборт, с неохотными исключениями, допускаемыми в особых случаях. Скорее, акцент должен быть сделан на том, что альтернативы аборт существуют, но причины для рождения детей гораздо более веские. А именно: каждый ребенок, который особенный и неповторимый, имеет право на жизнь, полную любви и заботы. Дети также отвечают взаимностью на любовь и заботу; они драгоценны и не стоят у нас на пути. В эти тяжелые времена, когда на детей часто смотрят как на помеху самореализации, следует подчеркнуть эти основные истины.

Еврейская теология аборт должна постулировать, что еврейскому народу необходимо увеличить уровень рождаемости и восполнить себя после Освенцима, даже если мы серьезно относимся к общему вопросу перенаселения мира; то, что хорошо для остального мира, не всегда хорошо для евреев. Хотя никто не заводит ребенка ради истории, многие евреи этого поколения инстинктивно понимали, что создание жизни - это единственный реальный ответ, который человек может сделать после смерти.⁷ Эти идеи нельзя навязывать; скорее, они должны быть изложены как действительные и желательные варианты, конкурирующие в обществе, где противоположные идеи в настоящее время более популярны.

Какое влияние все это окажет на саму Галаху? Это вполне может привести к расширению галахических рамок - от акцента на надлежащем соблюдении ритуалов до акцента на правильном принятии этических, социальных и сексуальных решений. Как евреи, мы всегда верили в этическую судебную систему, которая регулирует каждый аспект жизни. Сегодня существует острая необходимость восстановить этот потенциал в областях этики и нравственности. Это может побудить больше евреев — даже тех, кто считает себя

соблюдающими еврейский закон, — серьезно относиться к Галахе как к моральной силе в своей жизни.

Аборт на самом деле является симптомом более масштабной проблемы. Наше общество ставит товары выше отношений, собственность выше людей, легкость и комфорт выше труда и отдачи. Как порождения модернизма, мы склонны рассматривать наше повседневное существование как имеющее космическое значение, упуская из виду наше реальное значение для развития человеческой цивилизации. Мы пытаемся скрыть эти истины человеческого существования с помощью таблеток, материальных благ, всевозможных развлечений. Даже сексуальный экстаз становится прикрытием для настоящих отношений. Дисбаланс в нашем обществе слишком очевиден, чтобы его не заметить. В результате современное общество граничит с эгоистичным. И евреи в этом отношении ничем не лучше любой другой группы.

Нынешний шум по поводу абортов - это, отчасти, чрезмерно острая реакция на прошлое, на то, как женщины относятся к своей роли в обществе, на то, что у них нет других возможностей, кроме материнства, на их зависимость, их бессилие. Высшим выражением этого чувства является идея, которую многие феминистки считают центральной в своих заявлениях об абортах, — право контролировать свое собственное тело. На мой взгляд, это слишком узкий фокус при рассмотрении чуда сотворения жизни. Более того, такое отношение освобождает мужчин от их ответственности, тем самым укрепляя сексистские модели, которые оно стремится подорвать. Теологи—моралисты должны обратить внимание на атмосферу инвалидности и неравенства в отношении женщин — в обществе в целом и в еврейской общине, - чтобы ситуация не переросла в окончательный кризис с отказом от деторождения и воспитания детей как выражения неудовлетворенности.

Рука об руку с большей галахической ответственностью и гибкостью в отношении абортов должна также идти критика общества, которое в настоящее время сводит заботы человека к таким вопросам. Наряду с этим должны быть даны некоторые моральные рекомендации о том, как все общество может начать интегрировать те ценности, в основе которых лежит благоговение перед самой жизнью.

Примечания

1. Раввинский совет Америки, “Заявление об абортах”, 1972г.
2. Наиболее полное изложение предмета на английском языке - Дэвид М. Фельдман, *Брачные отношения, контроль над рождаемостью и аборты в еврейском праве* (Нью-Йорк: Schocken, 1974). Дэвид Блайх, “Аборты в галахической литературе”, и Фред Рознер, “Еврейское отношение к абортам”, *Традиция* 10 (Зима 1968 г.).
3. Одним из исключений из этого правила является решение раввина Саула Исраэли, который постановил, что в случаях применения талидомида аборт является как благом для потенциального ребенка, так и облегчением страданий матери. Из ответа Амуда Ха-йемини, № 32 (1966), цитируемого в Feldman, *Брачные отношения*, стр. 292, № 134.
4. См. Фельдман, *Брачные отношения*, главы 14-15.
5. Там же, стр. 284-94.

6. Эти заповеди были даны для того, чтобы люди жили, а не умирали. Классически эта библейская фраза имела ограниченное юридическое применение; тем не менее, этот принцип является мощным и, хотя прямо не сформулирован, лежит в основе многих галахических решений.

7. Ирвинг Гринберг, “Облако дыма, огненный столп” в *“Освенциме: начало новой эры?”*, изд. Ева Флейшнер (Нью-Йорк: Ktav, 1977).

Феминизм и выживание евреев

Я

ПРИМЕРНО десять лет назад Джеральдин Кейн (ее ненастоящее имя) начинала секретаршей на телеканале ABC в Нью-Йорке. Она только что окончила Бостонский университет, участвовала в группе повышения самосознания и одновременно проходила курс повышения самоутверждения в Нью-Йоркском университете. Яркая, способная и вновь обретшая уверенность в себе, она быстро поднялась по служебной лестнице ABC. Сегодня она работает менеджером по связям с общественностью телеканала, у нее есть собственная секретарша в приемной, а недавно она подала заявку на второго секретаря, который помог бы ей быстрее продвигаться вперед. Есть все основания полагать, что Джери Кейн однажды добьется успеха. А почему бы и нет? Потому что она, как и любой другой, способна продвигаться по корпоративной лестнице.

Теперь мать Джери, моя бывшая соседка, испытывает смешанные чувства по поводу всего этого. Как бы она ни гордилась быстрыми успехами своей дочери, она все еще хочет, чтобы Джери немного, по ее выражению, выучила “*начасна идише*”. Даже в ассимилированной семье это все равно означает брак и детей. Но Джери решила никогда не выходить замуж; проща говоря, она влюблена в свою работу, и ни один мужчина и ни один ребенок не могли бы соперничать с ней в этой непоколебимой страсти.

Затем идут Барри и Сьюзен, каждый из солидных еврейских семей среднего класса. Они познакомились во время совместной работы над *Columbia Law Review*. В июне следующего года они поженились; свадебную церемонию провел ее дядя, известный консервативный раввин. Теперь, семь лет спустя, у них есть ребенок в возрасте девятнадцати месяцев, день рождения которого они отпраздновали со своей хавурой. У большинства их друзей в хавуре есть один ребенок или ни одного. Только у одной пары есть двое. Возможно, когда-нибудь у Барри и Сьюзен появится второй ребенок, но, конечно, не сейчас. Если наступит беременность, они без колебаний сделают аборт. Недавно Сьюзан была принята на работу в офис государственного контролера, и она хочет оставаться на этой работе не менее четырех лет. Работая пятьдесят часов в неделю с няней и заботливой бабушкой, которая живет неподалеку, Сьюзен и Барри вполне справляются со своей напряженной двойной карьерой. Они чувствуют, что с двумя детьми было бы бесконечно труднее собрать все воедино.

Влияние феминизма распространяется по всем направлениям; ни один сегмент общества не находится в безопасности. Даже Ривка, двадцатисемилетняя мать пятерых детей-хасидка, не осталась равнодушной к новому сообщению. Она читает журнал *Redbook*, сидя в зале ожидания микве в Боро Парке. Про себя она решает установить внутриматочную спираль. Она

оплатит счет гинеколога наличными; таким образом, ее муж не будет посвящен — и, следовательно, участником — в этот проступок.

Никто не может оспаривать тот факт, что феминистские ценности помогли женщинам более серьезно относиться к собственной жизни и лучше контролировать свою судьбу. Правда, феминизм не полностью ответственен за падение рождаемости; Нулевой прирост населения был на подъеме задолго до того, как феминизм приобрел известность. Но феминистские ценности оказали мощное стимулирующее воздействие на сокращение численности еврейской общины.

Что изменилось? Просто так: для предыдущих поколений еврейского народа роль жены и матери была оптимальной, единственной и существенной ролью, с помощью которой женщина реализовывала себя. Бесплодие было синонимом неудачи. Библейская заповедь “плодиться и размножаться” была определена раввинами как минимум наличие двух детей. Другими словами, человек не должен покидать этот мир, оставляя после себя меньше душ, чем когда он или она вошли в него. Бездетность после десяти лет брака считалась законным основанием для развода. Раввинская литература и библейская экзегеза укрепили то, что пришло совершенно естественно, - ожидание, что женщина должна иметь детей, много детей, чтобы создать хороший еврейский дом и семью.

Феминизм, однако, передает другие послания, главное из которых заключается в том, что в настоящее время перед женщинами открыт огромный спектр возможностей, что материнство - не единственная и даже не предпочтительная роль. Феминизм говорит нам больше: мы можем жить для себя и самореализовываться, не подвергаясь суровому испытанию в виде самопожертвования. Не так давно Софи Портной вызывала некоторую симпатию; сегодня она - архаичная, отвергнутая модель. Самопожертвование, на которое реально приходится идти ради зависимых детей, определенно идет на убыль. Личный интерес (“я, для себя, сейчас”) становится доминирующим способом.

Таким образом, для евреев это послание является революционным. В предыдущих поколениях женщины ощущали себя полностью реализованными как жены и матери. Никто никогда раньше не говорил нам, что мы должны ожидать от самих себя чего-то большего. Никто никогда не говорил нам, что наш потенциал равен потенциалу тех, кто принимает решения и крутит колеса общества. Эта идея ошеломляет, особенно “женщин переходного периода”, которые выросли в тридцатые, сороковые и пятидесятые годы и в целом были довольны отведенной им ролью. Пока у женщин была их главная опора - дети на иждивении, они чувствовали себя нужными, полезными, созидательными. Но сейчас, впервые в нашей истории, общество поставило нас перед сложным набором вариантов, и каждый из них требует нашего ограниченного времени и энергии.

Этот конфликт связан не только с идеологией; женщины, которые не желают отказываться от традиционной роли матери, ощущают его на очень практическом уровне. Дети конфликтуют с карьерой точно так же, как они конфликтуют с другими личными целями и другими человеческими отношениями. Дети конфликтуют даже с самими брачными отношениями. Правда, они связывают мужа и жену так, как ничто другое в мире не может, но они также узурпируют другие возможности для глубочайшего самовыражения между двумя взрослыми людьми. Я говорю здесь о уединении — не о том, чтобы “закрыть дверь спальни”, а скорее о времени, чтобы выслушать друг друга. Здесь я также говорю об этом особом явлении, которое

поражает каждый брак, когда разговор о детях, кажется, вытесняет все другие виды совместного общения. В этих случаях вознаграждение столь же велико или даже больше и с лихвой компенсирует конфликты, но в карьере время и энергия, затрачиваемые на одно, в некотором роде уменьшают другое.

Тем не менее, пути назад к феминистской революции нет. Нереалистично думать, что мы можем остановить приток женщин в более широкий мир, просто посоветовав им бросить свою карьеру, оставаться дома и рожать детей ради еврейского народа. Новое послание о равенстве и потенциале женщин, по сути, является хорошим, несмотря на конфликты, которые оно порождает. Это позволяет женщинам расти как личности, это учит их не так сильно зависеть от финансовой поддержки мужчин, как это было раньше с женщинами; и это может принести только пользу обществу.

Более того, для многих женщин работа больше не является вопросом выбора. Внесли или не внесли свой вклад в инфляционную спираль работающие женщины, как предполагают некоторые экономисты, не имеет значения для молодой женщины, которая должна взять на себя или разделить ответственность за обеспечение себя или своей семьи.

Таким образом, наша лучшая надежда на увеличение еврейского населения, по-видимому, заключается в том, чтобы помочь справиться с конфликтами и напряженностью, совместить феминистскую и традиционную модели. Мы должны найти способы поддерживать и поощрять женщин в выборе различных ролей в карьере и материнстве.

II

На практическом уровне наиболее очевидным решением, к которому чаще всего стремятся умеренные феминистки, являются центры дневного ухода на полный рабочий день. Еврейская община нуждается в еврейских центрах дневного ухода, которые специально соответствуют еврейским потребностям родителей и детей. Кроме того, еврейские агентства должны оказывать лоббистскую поддержку общему женскому движению в этом вопросе, поскольку мы также можем извлечь выгоду из их достижений в плане федерального финансирования и стандартизированных требований.

Однако я не считаю центры дневного ухода лучшим решением. Я знаю, что пока существует мало научных данных о положительном или отрицательном психологическом воздействии детских садов на маленьких детей или даже о его конечном воздействии на демографические тенденции. Фактически, некоторые исследователи предположили, что центры дневного ухода более точно коррелируют с сокращением численности населения. Помимо этого, однако, мне кажется, что какой бы благоприятной ни была обстановка, оставлять своих маленьких детей с суррогатными родителями на большую часть времени их бодрствования оставляет желать лучшего как для родителей, так и для детей. Я предпочитаю видеть другие решения.

Работа на неполный рабочий день - важный ответ. Здесь лидеры феминистского движения тонко намекнули на свою антисемейную предвзятость, поскольку, хотя предпринимались большие усилия по достижению равной оплаты за равный труд для работающих полный рабочий день, аналогичных усилий для работающих неполный рабочий день не предпринималось. Подавляющее большинство рабочих мест с частичной занятостью заняты матерями, и, как известно, им низкооплачивают. Обычно работа с частичной занятостью означает две трети полной занятости и одну треть заработной платы за полный рабочий день.

Моя сестра много лет проработала директором отделения социального обслуживания в нью-йоркской больнице. Она работала с девяти до трех, четыре дня в неделю, и каждый день была дома к четырем часам, когда трое ее детей возвращались из дневных школ иврита. По вечерам она много работала дома с бумагами и телефоном. Другими словами, она работала полный рабочий день. Единственная проблема заключалась в том, что ей платили за работу неполный рабочий день. Таким образом, еврейская община, и особенно еврейские агентства, занимающиеся политикой занятости, должны добиваться достойной оплаты за работу неполный рабочий день повсюду.

В самой практике найма еврейские учреждения должны служить образцами. Каждой организации следует подумать о том, где она может реструктурировать определенные рабочие места в соответствии с потребностями матерей, работающих неполный рабочий день. Если бы, например, две молодые матери заняли одну работу, то, вероятно, не было бы потерь в производстве; и агентство, и женщины служили бы существенной альтернативой рутинному режиму работы с девяти до пяти.

Я знаю, как легко скатиться к практике дискриминации матерей маленьких детей. Два года назад мне довелось нанять секретаря. Я обнаружил, что на самом деле не рассматриваю женщин с маленькими детьми, потому что, как я рассуждал, им придется брать отгулы из-за школьных каникул, детских болезней и всего остального. Когда я небрежно описала своему мужу, как продвигается процесс найма, он сказал мне с большим удивлением: “Тебе не кажется странным, чтобы не сказать несправедливым, что из всех людей именно ты автоматически исключаешь матерей с маленькими детьми?”

III

До сих пор еврейская община очень мало делала в области профориентации и возвращения к карьере. Однако я думаю, что эти области будут приобретать все большее значение, потому что одним из главных влияний феминизма было поощрение женщин мыслить в терминах карьеры, а не просто работы в белом или синем цвете.

Нам нужны более качественные консультации по вопросам карьеры, ориентированные на семью. Молодая женщина должна знать, какие профессии подходят для работы с частичной занятостью, а какие могут естественным образом перейти от неполной к полной занятости по мере того, как появляется больше времени. Она должна знать, какие профессии можно или нельзя прерывать на несколько лет. Моя подруга с дипломом биохимика Еврейского университета работала несколько лет, пока у нее не родился первый ребенок. Пятеро детей и десять лет спустя она хотела вернуться к своей карьере, но быстро поняла, что ей придется начинать все сначала, потому что за эти десять лет появилось так много новых и непохожих данных. Сейчас она редактирует научные труды других людей; она просто не хотела тратить еще три года на то, чтобы заново осваивать азы. Правильное консультирование с еврейской точки зрения могло бы позволить женщинам, которые действительно довольны традиционными обязанностями по воспитанию детей и волонтерской общественной работе, отказаться от необходимости делать карьеру в ближайшее время, противостоять тенденции принуждения к материнству, которая сейчас распространяется.

Удивительно, как новые идеи почти полностью изменили те, что были созданы поколением или два назад. Когда иммигранты пытались добиться успеха в новой стране, их жены, дети, все, кто

мог вдеть нитку в иголку или поднять коробку, были призваны на работу. Хорошим признаком того, что семья наконец добилась своего, было то, что мать смогла уединиться с домом и детьми. Это было освобождение женщин в начале 1900-х годов. Это правда, что подвернуть шов или подобрать в тонзастежку-молнию - не совсем то же самое, что организовать корпоративное слияние, но женское движение имеет тенденцию преувеличивать творческие моменты на работе и недооценивать их в семье и дома.

Все еще есть много женщин, состоящих в браке и имеющих детей, которые оказываются в положении, когда им абсолютно не нужно работать ради получения этого второго дохода для семьи. Иногда работа стоит им денег, с няньками, транспортом, новой налоговой базой и так далее. Тем не менее, они чувствуют сильное давление, почти вину, занимаясь тем, чем им нравится заниматься. Для этих женщин и для общества в целом должно быть какое-то напоминание о том, что не каждой женщине нужно работать каждый момент своей взрослой жизни, чтобы чувствовать самоутверждение. Ориентированные на евреев консультанты по вопросам карьеры должны учитывать этот аспект при общении с женщинами.

Если еврейские агентства искренне обеспокоены сокращением численности населения, они должны установить квоты позитивных действий для матерей, особенно для тех, кто хочет вернуться к своей карьере после длительного периода материнства. Прямо сейчас женщине за сорок, чьи дети достаточно независимы, трудно вернуться в профессиональную среду. Точно так же женщина старше сорока, которая хочет вернуться в школу, чтобы завершить свое обучение, обнаружит, что многие стипендии выдаются только тем, кто моложе тридцати пяти. Логика всегда заключалась в том, что если ученый не добился успеха к тридцати пяти или сорока годам, он никогда этого не добьется; однако теперь тенденция в области образования требует иной оценки. Такие ограничения должны быть обозначены как то, чем они являются, — дискриминация в отношении возвращающихся женщин.

Наконец, должны быть консультации по вопросам карьеры для пар. В критической ситуации, почему именно женщина должна отодвигать свою карьеру на второй план? Есть много отдельных пар, которые добились бы наилучших результатов, если бы муж взял на себя основную роль воспитателя на несколько лет и позволил жене заниматься своей карьерой полный рабочий день.

Я все еще нахожусь под достаточным влиянием истории, традиций, антропологии и биологии, чтобы рассматривать весь вопрос в терминах первичного и вторичного права собственности на определенные роли, при этом выбор профессии по уходу за ребенком в первую очередь падает на женщин. Я бы не хотел, чтобы это было выставлено на всеобщее обозрение в каждом отдельно взятых отношениях. Хотя бы с практической точки зрения, необходимость с нуля договариваться о том, кто является основным кормильцем, а кто - кормилицей семьи, может осложнить многие браки. Но красота феминизма в том, что мы узнали, что можно переступать границы и стирать их, не только разделяя, но даже меняясь ролями, не считаясь при этом уродами, как это было бы поколение назад.

Еврейская община сталкивается с особой новой проблемой. Во многом в результате конфликта между карьерой и неограниченными родительскими притязаниями мы являемся свидетелями поразительного роста числа женщин, у которых рождается первый ребенок в возрасте тридцати с лишним лет; в целом, у этой группы, как правило, только один ребенок. Появляется поразительная статистика: откладывая рождение детей с двадцатых на тридцатые годы, мы

теряем целое поколение каждые три десятилетия. Консультирование по вопросам карьеры с учетом потребностей еврейского народа может уравновесить претензии феминисток еврейскими; это могло бы позволить парам более серьезно относиться к выбору сначала завести детей, а затем перейти к двойной карьере.

Во всех этих областях профориентации еврейские общинные агентства не могут позволить себе ждать, пока появятся клиенты. Они должны проявить инициативу и пойти туда, где есть люди, - в синагоги, центры, образовательные и социальные группы.

В связи с этим существует настоятельная необходимость в исследованиях. Нам следует более тщательно изучить модель тех женщин, которые успешно совмещали карьеру и родительские обязанности, чтобы выяснить, как они справляются. Несколько лет назад было проведено исследование тридцати женщин-карьеристок из православной общины. Эти женщины в целом продемонстрировали высокий уровень успеха в управлении карьерой, большие семьи и еврейские обязательства. Однако одно открытие поразило меня с особой силой. Оказывается, единственной сферой, которой всем женщинам пришлось пожертвовать, была их социальная жизнь. Последние несколько лет я чувствовала огромную вину, прокручивая в уме друзей, которым я не позвонила, званые обеды, которые я не устраивала, письма, которые я не писала, просроченные подарки. Каким-то образом, обнаружив, что это совершенно логичная и законная область, на которой можно экономить в свете потребностей семьи и карьеры, я почувствовал себя гораздо менее виноватым.

Я подозреваю, что исследование этих образцовых женщин подтвердит то, о чем свидетельствуют личные наблюдения — что традиционные еврейские феминистки и карьеристки (эти два понятия не синонимичны) заводят больше детей, чем нетрадиционные. Каким бы ни был волшебный ингредиент, мы должны попытаться распространить его повсюду. Другими словами, еврейским федерациям, учебным заведениям и женским организациям надлежит попытаться изучить, как они могут распространять более партикуляристские еврейские ценности и более строго соблюдать традиции. (Обычно считалось, что это входит в компетенцию синагоги. Но поскольку, к сожалению, это не то место, где в наши дни проживает большинство евреев, другие учреждения должны восполнить эту слабость.)

IV

Одним из сильнейших факторов, влияющих на решение иметь меньше детей, является экономический. Как выразился мой шурин, “Самой эффективной формой контроля над рождаемостью в ортодоксальном сообществе сегодня является плата за обучение в дневной школе”. Хотя у нас нет эффективной корреляции между практикой контроля рождаемости и обучением в дневной школе, его заявление отражает реальность. Я знаю несколько молодых пар в моем районе, у которых был бы третий или четвертый ребенок, если бы они не были обременены ежегодными расходами на обучение в размере от 5 000 до 10 000 долларов в год.

Следовательно, федерации должны оказывать больше поддержки дневным школам, а также поддерживать и лоббировать некоторые средства федеральной помощи образованию в приходских школах. Однако до тех пор, пока этого не произойдет, обучение в дневной школе должно быть обязанностью всей еврейской общины, а не просто ложиться на плечи молодых пар, у которых в этот период жизни много дополнительных финансовых проблем.

Еще одной финансовой помощью является общественная поддержка услуг по уходу за детьми на дому. В нынешнем виде женщина, которая хочет работать или ходить в школу и которая не желает оставлять своего ребенка на попечение детского сада, должна иметь либо мужа, который может взять это на себя, либо родителя, способного, желающего и близкого. В противном случае она, должно быть, очень богата, поскольку помощь по дому обходится очень дорого, а работа неполный рабочий день едва покрывает расходы по уходу за ребенком. Многим женщинам, не имеющим этих возможностей, приходится ждать, пока ребенок пойдет в начальную школу, чтобы вернуться к карьере. Такая женщина часто пересматривает свое первоначальное намерение иметь больше одного или двух детей, потому что боится, что ее запрут. В таких случаях субсидия еврейской общины на уход за ребенком была бы неоценима.

Что еще лучше, растет число евреев пожилого возраста, которые способны и желают работать там, где в них будет необходимость. Пожилые мужчины и женщины часто могут прекрасно выполнять задачи по уходу за детьми с большим терпением, и они также чувствовали бы себя полезными в этом. Опять же, еврейские общинные агентства должны быть центрами обмена информацией для распределения таких трудовых ресурсов.

Конечно, человек съеживается при мысли о еще одной организации в нашем высокоорганизованном сообществе. Но если мы серьезно относимся к проблемам народонаселения, то должно существовать центральное агентство, которое посвящало бы свою энергию исключительно этой проблеме. В Израиле такая организация была создана в 1972 году под названием "Зехуйот Ха-мишпахот Берухот Еладим" (Захави), что буквально переводится как "права семей, благословленных детьми". Он предлагает такие услуги, как продовольственные кооперативы, и настаивает на принятии законодательства в интересах многодетных семей. Организация, которая будет отслеживать и координировать все системы поддержки — карьерные и личные консультации, услуги по уходу за детьми, мероприятия по политическому давлению, программы признания семьи и финансовые субсидии, — имела бы огромную ценность в этой стране.

Само собой разумеется, что феминизм оказал мощное влияние на рост числа разводов в еврейской общине. Чрезвычайно высокий процент женщин, участвующих в феминистских организациях, либо разведены, либо одиноки. Развод отрицательно сказывается на росте населения, потому что часто теряется несколько хороших детородных лет, пока каждый партнер не начнет собирать воедино кусочки своей жизни. Брачные консультации, призванные помочь молодым еврейским парам осознать новые и тревожные представления о феминизме, могут сделать больше для увеличения роста еврейского населения, чем любой другой отдельный фактор.

V

Последний вопрос. В нашем сообществе есть группа из нескольких тысяч человек, которые хотят иметь детей, которые физически способны, но не решаются из-за страха санкций. Это молодые женщины за тридцать, в основном хорошо образованные, финансово независимые и приверженные еврейству. Они не состоят в браке, и их перспективы найти подходящего партнера сокращаются из года в год. Они не готовы довольствоваться меньшим, чем самое лучшее, только ради того, чтобы пожениться.

Я встречал этих женщин в каждом крупном городе Соединенных Штатов. Несколько раз, после того как я заканчивал лекцию о еврейской семье, ко мне подходила привлекательная, красноречивая молодая женщина и мягко упрекала меня следующим образом: “Вы говорите только о семье, а как же я? Больше всего на свете я хочу выйти замуж, завести детей и воспитать их по-еврейски, но я просто не смогла найти подходящего человека для замужества. Я могла бы воспитывать ребенка сама, как и любой другой родитель-одиночка. Я не могу усыновить ребенка, потому что предложение ограничено, и предпочтение отдается семейным парам. Что мне делать?”

Я чувствую некоторое нежелание поднимать этот вопрос, потому что я принадлежу к тому сообществу, где традиционные нравы и галахические границы четко определяют еврейскую семью, и поэтому такое представление вызывает тревогу. Я также знаю, что нелегко растить ребенка, когда двое родителей разделяют эту задачу, тем более с одним родителем. Тем не менее, те, кто познал невероятную сладость воспитания детей, не могут не быть чуткими к потребностям этих женщин. По крайней мере, сообщество должно признать наличие проблемы и решить ее.

Последствия для социальной политики огромны и сложны. Необходимо проанализировать галахические вопросы; сформулировать медицинские, этические и социальные проблемы. Вопросы, касающиеся искусственного оплодотворения, генетического консультирования, отношения синагог и школ к детям одиноких женщин, - все это части более широкой проблемы. Возможно, нам придется отвечать галахическими категориями, такими как *le-hathila* и *be-di-eved*, дифференцированные ответы до и после свершившегося факта. Возможно, наиболее позитивным результатом таких обсуждений будет побуждение лидеров общин и агентств к более активным усилиям по подбору партнеров от имени таких одиночек.

VI

Помимо всех практических решений, предложенных выше, должна быть поддержка роста еврейского населения на уровне идей и опыта. Я называю эту систему поддержки “делом еврейских детей”. Дело может быть рассмотрено со многих точек зрения — галахической, психологической, экологической (переработка процесса воспитания), принципа удовольствия (иначе известного как *начас*), и это лишь некоторые из них.

Каждая женщина, чтобы добиться успеха, должна найти свое собственное уникальное решение. То, что работает для одной, не сработает для другой. С некоторыми карьерами можно справиться дома, с некоторыми - нет. Некоторым женщинам просто необходимо на некоторое время уехать из дома. Однако сообщество должно создавать системы поддержки, которые помогают женщине найти свой собственный путь. Вот почему система идеологической поддержки так важна. Если женщине и мужчине обеспечить правильную ориентацию, они так или иначе найдут способ создать семью, независимо от того, каковы могут быть их личные обстоятельства.

Ситуацию с еврейскими детьми также можно рассматривать с другой точки зрения, феминистской. Это принимает форму как критики узкой, принудительной интерпретации феминистских ценностей, так и более широкого объяснения того, каким должно быть настоящее феминистское понимание. Истинный феминизм означает, что женщина свободна максимально использовать свою жизнь и саму себя. Если думать о самоактуализации в ее

самом ограниченном смысле, то карьера - это ответ, и все женщины втиснуты в эту новую ограниченную роль, точно так же, как когда-то они были ограничены единственной ролью жены и матери. Как евреи, мы должны сформулировать более широкое определение, которое включает следующее: опыт расширения биологически естественной роли до такой, в которой душа, характер, ощущения простираются до своих внешних пределов; роль, в которой интенсивная встреча, способность дарить и получать любовь и акт самоотдачи должны восприниматься как значительное выражение женского "я". Воспитание ребенка должно пониматься с точки зрения общей жизни женщины, не конкурируя и не сталкиваясь с другими вариантами, а дополняя их как один из этапов жизни женщины, оптимально реализуемый в течение данного биологического времени, что является центральной задачей в общем процессе реализации своего потенциала.

VII

Каждый из нас делает личный выбор в жизни; затем мы начинаем рационализировать свой выбор как часть некоего законного мировоззрения. Мое, я думаю, лучше всего можно сформулировать как позитивную теорию конфликта. Ибо я нахожу себя среди тех женщин, чья основная ориентация - традиционная еврейка со всеми вытекающими из этого семейными ценностями и обязательствами, но которых в то же время привлекают феминистские представления о равенстве, расширении горизонтов, саморазвитии.

Итак, я живу с этим конфликтом. Я живу с ним каждый день, тысячью способов, которые тянут меня в ту или иную сторону. Я пришел к пониманию того, что конфликт - это признак моего здоровья, а не моего замешательства; напряжение - это показатель богатства моей жизни, а не ее беспорядка. Это признак того, что я пытаюсь получить лучшее из обоих миров — традиционное богатство еврейской семьи и новые возможности для личностного роста, которые предлагает мне феминизм так, как общество никогда не предлагало моей матери или бабушкам.

Когда я перестану ощущать конфликт, я пойму, что один этап моей жизни завершен. В этот момент, я надеюсь, я буду оглядываться назад без сожалений о том, что упустил что-то ценное. Я надеюсь, что буду оглядываться назад с огромным чувством удовольствия оттого, что мне посчастливилось в полной мере воспользоваться совершенно особыми подарками, данными мне, и сделать это в самый подходящий момент моей жизни.

Послесловие: Некоторые незаконченные дела

Я

Высказывалось предположение, что еврейские феминистки - это не все, за что они себя выдают, что они виновны в том, что хотят получить лучшее из всех миров бесплатно, что они замышляют не что иное, как тщетную или глупую попытку придать традиционному иудаизму шик. Это обвинение в высшей степени странно, поскольку оно не только искажает еврейский феминизм, но и в глубине души выдает испуганный и пугающий осадный менталитет, неподобающий способ мышления о традициях и ритуалах, который не оправдывает ни того, ни другого. Еврейские феминистки не заинтересованы в том, чтобы сделать ортодоксию модной, или современной, или актуальной, или что-либо еще.

Празднование настоящего Шаббата никогда не будет шикарным до тех пор, пока общество прославляет необузданный образ жизни "поколения субботы". Также не стоит тратить драгоценные часы на изучение Торы и Талмуда, что не даст вам права на высокооплачиваемую работу и не обеспечит увлекательной беседы за ужином. И не молиться ежедневно в эпоху, когда все делают своими руками, эгоцентричные мужчины и женщины. И не соблюдать кашрут, когда достаточно одного набора блюд и многонациональной кухни. Равно как и воздерживаться от секса двенадцать дней в месяц с последующим посещением микве, когда секс под настроение является непререкаемой нормой. Равно как и соблюдать супружескую верность, когда романы теперь являются признаком раскрепощения полов. Ни воспитывать еврейскую семью, когда времена предписывают вам "идти своим путем". Ни отдавать десятую часть своего дохода на благотворительность, а еще десятую - на образование в ешиве для своих детей, когда высококомбинильные семьи могли бы использовать эти деньги в другом месте.

Нет, я не хочу придавать православию шик, ибо я верю — поскольку я испытал это на собственном опыте, — что жизнь, прожитая в соответствии с Галахой, - это наиболее достойная жизнь, жизнь с богатыми текстурами, фактически, благословенная жизнь.

Но, да, я действительно хочу лучшего из обоих миров, то есть использовать лучшие идеи каждого из них для обогащения другого. И, несмотря на трудности урегулирования напряженности между ними, почему бы мне не желать лучшего и для того, и для другого, ведь я убежденный еврей и к тому же женщина? Я хочу прожить свою жизнь как галахический еврей, но я ни на мгновение не верю, что божественный план для этого мира состоял в том, чтобы женщины были навечно обречены на статус второго сорта или вообще не имели никакого отношения к значительным сферам нашей религиозной и культурной жизни. Я также не верю, что система рухнет, если женщинам будет предоставлен первоклассный статус. Я не хочу отвергать основы. Все, о чем я прошу, - это чтобы женщины имели к ним равный доступ.

II

Это подводит меня ко второму пункту, вопросу, который порождает сотню других, вопросу, который мы должны задать, хотя и пытаемся найти ответы. Если мужчины и женщины имеют равный доступ и равную ответственность, как мы можем определить мужское и женское за пределами чистой биологии? Какими способами мы можем донести до следующего поколения здоровое чувство сексуальной идентичности?

Эти вопросы основаны на предпосылке, что существует космическая потребность провести какие-то границы, более масштабная цель — включая сохранение вида, но также выходящая за его рамки — в укреплении сексуальной идентичности. Другими словами, если границы размыты во всем, кроме анатомии, если мужчина и женщина становятся взаимозаменяемыми понятиями, то, возможно, то, что ждет нас в будущем, - это не совершенное равенство, а чистая путаница.

Все это вызывает у некоторых феминисток чувство неловкости, даже враждебности. Поскольку они предполагают, что половые различия обязательно подразумевают иерархию, а иерархии означают дифференцированное вознаграждение, неравномерное дележ пирога. Кроме того, это вопросы, которые разделяют. Для достижения полного равенства необходимо пойти на множество компромиссов, но многие не желают на них идти.

Тем не менее, вопросы остаются, пробивая дыры в идеальном видении. Есть сигналы, которые мы не можем игнорировать, когда начинаем искать контуры. Равенство явно не означает одинаковости. Физиологическая функция - это не единственное различие. Социологи теперь сообщают нам, что существует множество различий в поведении мужчин и женщин, которые никоим образом не являются результатом разной социализации полов. Параллельно с новым равенством и, возможно, вырастая из него, появляется новая литература, которая исследует и определяет сущность мужчины и женщины не с точки зрения физических характеристик, а скорее поведенческих. Определения кажутся более точными, детализированными и немного отличаются от тех, которые мы унаследовали.

Новое исследование также подтверждает то, что мы видим повсюду вокруг нас — замечательную стойкость классических ролей мужчин и женщин в обществе. Можно легко списать это на результат столетий воспитания. Но целые общества не развиваются в зародыше; они формируются на почве человеческой истории. Какой бы мощной ни была новая идеология, антропологическая память гораздо более распространена. Человек должен учитывать воспоминания даже тогда, когда мечтает о перестройке общества.

Несколько лет назад со мной произошла странная вещь, связанная с “женскими” обязанностями. В 1974 году мой восемнадцатилетний племянник Натан служил в израильской армии. (Он самостоятельно совершил алию годом ранее, как раз перед войной Судного дня.) Во время нашего творческого отпуска в Иерусалиме в том году мы стали для него суррогатной семьей. Это означало, что каждую третью или четвертую неделю он приезжал к нам домой на выходные.

Как и большинство женщин переходного периода, ориентированных на семью, за последние два десятилетия я много готовила и убиралась. Как и большинство, я относилась к этим обязанностям как к рутинным. Иногда они были спасением, шансом позволить разуму отвлечься, помечтать наяву. Однако в основном я остро осознавал, что тяжелая работа мешает чему-то более значимому, например, человеческим отношениям или карьере. Много раз, складывая бесконечные стопки одежды, я думала: "Зачем женщина с моими годами учебы тратит свою жизнь на бессмысленную стирку!" При любой возможности я перекладывал эти задачи на кого-нибудь другого, нанятого или призванного. Я ни разу не испытал тех острых ощущений, которые обещала телереклама. Я выполнял работу просто потому, что ее нужно было выполнить.

Теперь, как ни странно, я поймала себя на том, что жду возможности приготовить еду для нашего молодого солдата, накормить его, постирать его белье. С этими обыденными задачами была связана мощная первобытная эмоция, почти святость в них. Я испытывал определенное удовольствие от осознания того, что неоднократно участвовал в ремонте этой изношенной и пыльной рамы.

Я начал задаваться вопросом. Было ли это просто моей долей национальных усилий? Был ли это импульс, сродни уходу за больным ребенком? Или это было чувство, выросшее из какого-то архетипического женского источника, такой же части меня, как и мое лоно? Как бы то ни было, с тех пор я узнала, что это было чувство, которое израильские женщины повсеместно разделяют по отношению к своим сыновьям-солдатам, мужьям и братьям. Это не означает, что израильские женщины откладывают всю свою остальную работу в сторону или что мужчины менее заботливы и озабочены. Это означает, что, возможно, существуют разные реакции,

которые можно охарактеризовать как мужские и женские. Не следует попадаться в ловушку, называя сексистской каждую дифференциальную реакцию, пока не выяснится, относится ли она к отличительной черте или дискриминации.

Из опыта других слоев общества мы знаем, что решение проблемы разделения, но равенства, имеет тенденцию к провалу. Однако, в отличие от других групп, мужчины и женщины всегда будут нуждаться друг в друге. Сепаратистские решения будут искать только радикальные круги женского движения. Возможно, тема отличия, но равенства более здорова, более реалистична, более гибка, чем представления об абсолютном равенстве, которые неизбежно разрушатся в паутине единообразных ожиданий.

Различие, но равенство также может помочь решить сложную проблему компромиссов. Здесь возникает много вопросов. На какие компромиссы мы должны пойти, как мужчины, так и женщины, для достижения реального равенства? Насколько необходимы определенные компромиссы? Насколько последовательными мы должны быть?

Если, как я утверждал, различия между мужчиной и женщиной в библейские и раввинские времена были прагматичными, а не жесткими, модель отличия, но равенства может быть применима и к иудаизму. Теперь женщины могут — и должны — иметь доступ к более широким областям: изучению Торы, молитве, власти принимать решения, раввинскому руководству. В этих широко охватывающих областях могут быть тонкие различия между мужчинами и женщинами в отношении конкретных небольших ритуалов, связанных с каждым полом, — не “его и ее” религия, а такая, которая позволяет учитывать различия полов, поскольку это порождает широкое чувство равенства. Это будет означать отмену целого ряда табу для женщин. Примером для подражания является зажигание свечей по субботам. Это заповедь, которая ложится на плечи женщин, но ее может выполнять любой мужчина. Политики “невмешательства”, как для женщин, выполняющих мужские заповеди, не существует.

У меня такое чувство, что из всего того тревожного воздействия, которое феминизм оказал на евреев, приверженных традициям, в конечном итоге вытекает более тонкое проведение границ. И это будет происходить тихо, по частям, до тех пор, пока это не будет узаконено свыше.

Заключительная иллюстрация. Недавно молодожены провели шаббат с нами в Иерусалиме. Она студент ешивы, четыре длинных цицита выставлены на обозрение всему миру; она прикрывает волосы. Несмотря на все это, они открыты в своем мышлении, современны по-своему, являются образцами новой, современной ортодоксии. В пятницу вечером я поставила чашку для кидуша и два халлаха на его стол. Не привлекая к себе никакого внимания, он переложил буханки на тарелку своей жены. Я думал, что это просто для того, чтобы освободить себе место, но после ритуального омовения рук она произнесла благословение над хлебом - тихо, но в полном одиночестве. В день шаббата произошло то же самое. Затем стало совершенно ясно, что они обсудили этот вопрос, проверили галахические источники и решили, как правильно распределить две субботние обязанности, а также роли главы семьи, которые каждая из них символизирует.

III

Не каждое изменение будет происходить так изящно, как у молодой романтической пары, ищущей способы более полно разделить жизнь друг друга. Несомненно, будет много споров, грызни, протеста, оскорблений, страха, тревоги, рационализации и сублимации, пока

положение равенства в иудаизме не стабилизируется. Хочется надеяться, что женщины и мужчины поймут это с надлежащей точки зрения, как процесс на пути к цели.

Как любая другая успешная революция и как более широкое женское движение, еврейский феминизм должен стремиться к тому дню, когда он сможет саморазрушиться. До этого момента и еще долго после него мы должны не спускать глаз с главной цели. Я верю, что в этом истинное послание женского движения, послание на универсальном языке, которое мы, евреи, должны конкретизировать. Послание древнее, такое же старое, как сами пророки. Возможно, впервые в нашей жизни женщинам говорят о том, что теперь мы тоже несем ответственность за все общество.

Как женщина переходного периода, я всегда считала естественным говорить: “Это должен сделать кто-то другой”. Я сидела сложа руки и критиковала тот или иной аспект общества. Почему, я спрашивал себя в течение многих лет, не ужесточается контроль над оружием? Почему бедняки испытывают отвращение? Почему насильники возвращаются на улицы? Почему не проводится больше исследований рака? Почему это, почему не то? Почему *они* ничего с этим не делают?

Внезапно мне пришло в голову, что часть моего освобождения как женщины заключается в том, что я также несу ответственность за то, что происходит в мире. Если это общество терпит крах, это также и мой крах. Я должен отказаться от этой старой фантазии, от привычки наблюдать и ждать. Если что-то выполнимо, то женщины должны продолжать эту задачу. Они должны привнести свои свежие таланты и идеализм для улучшения общества.

То же самое и с еврейским феминизмом. Мы должны перейти от универсального к частному. Мы несем ответственность за еврейские проблемы, за будущее общины, за преемственность традиций, за Израиль, за евреев повсюду.

IV

Теперь я высказал свое мнение, но мои размышления по вопросам, которые я обсуждал в этой книге, еще не завершены. На самом деле, во многих отношениях я все еще нахожусь на полпути к пониманию того, какое влияние феминизм в конечном счете окажет на иудаизм и на человеческие отношения, как они определяются иудаизмом. Во-первых, на данный момент имеется настолько ограниченная информация, что просто слишком рано приходить к какому-либо твердому выводу с большим чувством уверенности. Во-вторых, мое мышление незакончено, потому что мои собственные эмоции, а также эмоции и восприятие многих людей во всех точках спектра — людей, которые очень важны для меня, — часто сталкиваются друг с другом и с грубыми логическими формулировками. Хотя я многому научился в процессе изложения своих идей на бумаге, даже более того, я осознал, как много еще предстоит понять об этом предмете — о сложных и обширных источниках, внутренней динамике, взаимосвязях общества, закона, эмоций, привычек, обусловленности, сексуальности и веры.

В течение последних нескольких лет я вел много спокойных споров, в основном с самим собой. Каждый раз, когда мне казалось, что я закрепляю идею, происходило что-то такое, из-за чего она разваливалась на части. Неизбежно, мне приходилось начинать все сначала. Как раз в тот момент, когда я думала, что у меня самый разумный еврейский ответ на аборт, связанный с плодами Тэй-Сакс, я встречала женщину, которая говорила мне: “Даже зная то, что я знаю сейчас, через какие муки мы проходили в течение четырех лет [пока ребенок Тэй-Сакс не умер],

я все равно не думаю, что захотела бы аборта. Там было так много любви”. Как раз в тот момент, когда я выдвинула тезис о том, что рождение еврейского ребенка - это самый творческий и глубоко религиозный поступок, который может совершить женщина, какая-то женщина сказала мне, что она никогда не выйдет замуж и никогда не заведет детей, но посвятит свою жизнь еврейскому образованию, как это сделал ее знаменитый учитель. Несмотря на все мои уверенные ответы, спустя несколько часов я обнаруживала, что меня терзают сомнения, я пытаюсь выбраться из ямы замешательства по поводу подлинной проблемы, которая еще не была решена феминизмом: как, на самом деле, мы можем передавать сообщения о сексуальной идентичности, если не с помощью отдельных функций? Как только я пришел к выводу, что не причислять женщину к *мезуманам* (кворуму благодати после трапезы) — женщинам, которые организовали, приготовили и подали еду своей семье, — граничит с непристойностью, - я обнаружил, что мои собственные сыновья-подростки, которые (в основном) являются образцами сыновней любви и уважения, категорически с этим не согласны.

Все это делает меня довольно уязвимым. На самом деле, мне трудно удержаться от того, чтобы не написать собственную критику работы. Это достаточно простая задача, учитывая несоответствия: призывать к равенству и свободе выбора, при этом утверждая, что существуют первичные и вторичные модели поведения для мужчин и женщин; призывать к особым заповедям для мужчин и женщин без их удовлетворительного конкретизации; призывать к любви к Галахе и традиции, но при этом незаметно отрывая части от ее сложного гобелена, возможно, ослабляя другие нити в процессе. И все же...

Возможно, это единственный законный ответ, который можно сделать на данный момент: серия предварительных замечаний. Если феминизм - это революция, как я в это верю, а иудаизм есть и всегда был основным источником еврейских ценностей, мыслей, чувств, поступков, нравов, законов и любви, то как еще можно отреагировать на это бурное столкновение и стать его частью, как не запинаясь, делая шаг вперед и полшага назад. Я завидую тем, кто может сказать: “Это Галаха. Вот и все!” Или: “Это абсолютные новые истины, и меньшее не годится!” Я завидую их неизведанному самодовольству, но в то же время подозреваю его. Я подозреваю, что их страх еще больше, чем мой; поэтому они должны еще крепче держать язык за зубами и не проявлять ни двойственности, ни осторожности, ни замешательства.

Так что для меня, несмотря на турбулентность, или, может быть, из-за нее, все было не так уж плохо. У меня были очень хорошие чувства в ходе выполнения этой работы. Лучшим из них было ощущение возможности приблизиться к источникам без запугивания. Тот факт, что я могу размышлять о традиционных источниках, не зная их исчерпывающе, что я могу использовать свои собственные ключи толкования, не умаляя божественности и авторитета Галахи и традиции, — это было для меня откровением. То же самое относится и к опыту, которым делятся все живущие сегодня женщины, - к развитию себя, своего разума, своих талантов, своего мировоззрения. Женщины переходного возраста, как и я, воспринимают все менее как должное и находят каждый шаг более волнующим.